

Е. И. Зиновьева

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

Учебник

Санкт-Петербург

2016

УДК
ББК
3-63

Рекомендовано к печати учебно-методической комиссией филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета № ...

Рецензенты:

д. ф. н., проф. *В. М. Мокиенко*; д. ф. н., проф. *Г. М. Васильева*

Автор:

Зиновьева Е. И. — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Зиновьева Е. И.

3-63 Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. — СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. — 182 с.

ISBN 978-5-4469-0988-9

Книга представляет собой часть учебно-методического комплекса по лингвокультурологии, основное пособие по лекционному курсу «Лингвокультурология». Пособие посвящено определению статуса лингвокультурологии как научной дисциплины, описанию её понятийного аппарата, раскрытию содержания таких базовых понятий, как языковая картина мира, концепт, методика концептуального анализа, особенности национального речевого поведения. В книге представлен обзор опубликованных словарей лингвокультурологического типа, приводится их классификация и характеристика. В качестве иллюстративного материала к излагаемым теоретическим положениям приводится описание конкретных фрагментов русской языковой картины мира как производных национального менталитета, модели словарных статей учебных лингвокультурологических словарей.

Книга адресована в первую очередь студентам отделения «русский язык как иностранный», аспирантам, а также всем читателям, интересующимся взаимосвязью языка и культуры.

УДК
ББК

ISBN 978-5-4469-0990-2

© Зиновьева Е. И., 2016
© СПбГУ (содержание)
© Издательство «Нестор-История»
(редакционно-издательское оформление,
издание)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение: Проблема взаимоотношения языка и культуры. Научные предпосылки становления лингвокультурологии как лингвистической дисциплины	6
I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ЦЕЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	11
II. МЕСТО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В РЯДУ СМЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН	15
III. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	19
III.1. Менталитет и ментальность	19
III.2. Языковая картина мира	25
Понятие «картина мира»	25
Концептуальная и языковая картины мира	26
Определение термина языковая картина мира	27
Научная и наивная языковые картины мира. Функции языковой картины мира	28
Культурологический и лингвистический императив введения в научный обиход понятия «языковая картина мира»	29
Основные направления исследования наивной языковой картины мира	34
Фрагменты языковых картин мира как производные национальных менталитетов	35
Времена года как фрагмент русской языковой картины мира	35
IV. ЕДИНИЦЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	73
IV.1. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования	74
Определение термина «концепт»	75
Концепт и вербализация концепта	77
Критерии выделения общезыковых (познавательных) концептов	78
Моделирование и структура концепта	78
Концепт в концептологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике и лингвокультурологии	79
Проблема национальной специфики концепта	82
Типология концептов как ментальных образований	84
Методика изучения ценностных доминант в языке	84
Концептуальный анализ и методика концептуального анализа	88
IV.2. Лингвокультурный концепт как базовая единица изучения в лингвокультурологии	92
Слово-концепт «смех» как имя лексико-семантического поля	95
IV.3. Речевое поведение как объект лингвокультурологии	105
Коммуникативное и речевое поведение	105
Культурно обусловленные сценарии А. Вежбицкой	107
Культура и дискретные речевые акты	112

V. СЛОВАРИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА	117
V.1. Лингвокультурология как направление лексикографических разработок	117
V.2. Характеристика существующих словарей лингвокультурологического типа	119
V.3. Модели словарных статей учебных лингвокультурологических словарей	169
Принципы составления и образцы словарных статей учебного лингвокультурологического словаря единиц лексико-тематической группы «Явления природы» (Ермакова 2010)	169
Структура и образцы словарных статей учебного словаря русских лексических единиц со значением общей оценки внешности человека (Мильбрет 2011)	174
Рекомендуемая дополнительная литература по курсу	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателя издание, предназначенное прежде всего для учащихся магистратуры, обучающихся по специальности «русский язык и культура», в чью программу включен в качестве основного лекционный курс «Лингвокультурология», может быть рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов филологического факультета, интересующихся данной проблематикой. Пособие может помочь учащимся сориентироваться в их научно-исследовательской деятельности по изучению ментально-лингвальных комплексов, национально-специфических языковых единиц, подготовиться к преподаванию русского языка как иностранного с учетом связи языка и культуры, избежать неудач в межкультурной коммуникации.

Данный учебник по ряду параметров опирается на предшествующее кафедральное учебное пособие Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юркова «Лингвокультурология: теория и практика» (СПб., 2009), является его расширенным и переработанным изданием.

В книге освещаются базовые понятия лингвокультурологии, представлен понятийный аппарат этой научной дисциплины, дан анализ различных точек зрения по наиболее актуальным и значимым вопросам лингвокультурологии. К каждому разделу приводится список рекомендуемой литературы и вопросы для проверки восприятия приводимой информации.

Книга может оказаться полезной и для преподавателей, которые собираются вести или ведут аналогичный курс. Преподаватель, читающий лекции, вправе творчески подойти к излагаемому материалу: опустить какие-то разделы, добавить или исключить определенные темы, расширить материал лекций за счет дополнительной литературы с учетом конкретного адресата.

Концепция, предлагаемая в пособии, прошла апробацию при подготовке к защите ряда кандидатских диссертаций, выполненных на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета под руководством автора; материалы данного учебного пособия были апробированы также в лекционных курсах «Лингвокультурология» и «Введение в лингвокультурологию», в рамках спецкурсов «Языковая картина мира», «Концептосфера русского языка» и «Русская ментальность: лингвистический аспект». Автор отдает себе отчет в том, что данный курс лекций не является исчерпывающе полным и призван познакомить учащихся с основными теоретическими положениями нового научного направления и предложить некоторые практические способы решения наиболее актуальных задач, стоящих перед лингвокультурологией.

Е. И. Зиновьева

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ. НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

История изучения соотношения языка и культуры насчитывает тысячелетия. Культурообразующая природа языка стала объектом изучения еще в трудах философов классической древности.

Характер осмысления соотношения языка и культуры зависит от многих факторов, в том числе и от таких не только экстралингвистических, но и экстранаучных, как духовная и материальная культура общества.

Проблемой соотношения языка и культуры занимались многие лингвисты, используя данные изучения феномена культуры, накопленные этнографами, философами, социологами, литературоведами. Разные научные школы по-разному рассматривают взаимоотношения языка и культуры, однако практически все признают, что культура и язык неразрывно связаны, о чём свидетельствуют труды как зарубежных, так и отечественных ученых: В. Гумбольдта, Л. Винтгенштейна, Е. Сепира, Б. Уорфа, Д. Фодора, П. О. Якобсона, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, Н. И. Толстого, Ю. М. Лотмана, А. Вежбицкой, В. Н. Телия, В. Г. Костомарова, Е. М. Верещагина, Г. А. Брутяна, Н. Д. Арутюновой, Н. В. Уфимцевой и многих других исследователей.

В. Гумбольдт в 30-е годы XIX века одним из первых определил взаимоотношения языка и культуры в рамках их полной соотносительности и неразрывной связи. Им были выдвинуты фундаментальные положения о взаимодействии языка и культуры, которые дали толчок для создания *теории лингвистической относительности* и оказали влияние на становление антропоцентрической лингвистики.

Конкретные подходы отдельных ученых в западном языкознании к вопросу взаимосвязи языка и культуры проанализированы в монографии А. С. Алёшина (2012).

Большой вклад в разработку проблемы взаимосвязи языка и культуры внесли представители *антропологического направления лингвистики в США*. В 30-е годы XX века Б. Уорф, основываясь на идеях Э. Сепира, выдвинул гипотезу лингвистического детерминизма, которую развивали Ф. Боас, Дж. Кэрролл и многие другие лингвисты.

Э. Сепир в статье «Статус лингвистики как науки» так сформулировал гипотезу лингвистической относительности: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Sapir 1993:

261). Авторство второй формулировки гипотезы лингвистической относительности принадлежит Бенджамену Ли Уорфу: «Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» (Уорф 1960: 174). В более развернутом виде этот тезис звучит так: «Мы расчленим мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (Sapir 1993: 175).

Другими словами, авторы гипотезы лингвистической относительности видят причину различий культур в национальном своеобразии языков.

Многие постулаты гипотезы Сепира — Уорфа подвергались критике, но в целом большинство ученых признает, что теория Сепира — Уорфа интересна самой постановкой проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка, мышления и культуры. Исследования в рамках теории лингвистической относительности дали богатейший конкретный материал, собранный и описанный по отношению к самым разным языкам. Несмотря на то что наиболее эксплицитное выражение положения о тесной связи языка и действительности нашли в отмеченной выше теории лингвистической относительности, прологом к этой теории, как справедливо отмечает Г. В. Елизарова (2005: 45), можно считать труды американского антрополога Ф. Боаса. Он одним из первых сделал акцент на соотношении языка и культуры как системы убеждений и ценностей (Boas 1938). Ф. Боас утверждал, что нельзя понять другую культуру без непосредственного доступа к ее языку.

Все теории: Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа — объединены 1) когнитивным пониманием культуры как мыслительного конструкта; 2) теорией языка, которая рассматривала его вне дихотомии «язык-речь» как абстрактную систему зависимостей языковых единиц; 3) вниманием к статическим аспектам взаимоотношения языка и культуры, когда язык представлялся как отражение объективной, чаще всего физической и социальной, реальности (Елизарова 2005: 47).

Все три основоположника теории лингвистической относительности концентрировали свое внимание на статических аспектах исследуемых явлений.

Интерес к динамическим аспектам взаимодействия языка и культуры в западных исследованиях получил свое воплощение в подходе, названном «*этнографией говорения*» и в последующем «*этнографией общения (коммуникации)*» (Saville-Troike 1996). Д. Хаймс был одним из первых, кто по-новому сформулировал связь языка с культурой (Hymes 1995), отметив, что этнография говорения призвана заполнить пробел между тем, что обычно изучается исследователями грамматики (т. е. структурой языка), и тем, что

изучается этнографией (особенностями культуры). Другими словами, этот подход сосредоточен на том, что иностранец должен знать о вербальном поведении группы людей для того, чтобы приемлемым и эффективным образом участвовать в их деятельности (Hymes 1995: 250).

Задача исследователя в области этнографии говорения — установить точку зрения носителя языка на структурные элементы языка и на принципы, обуславливающие его использование в социокультурном контексте. Г. Палмер предложил назвать такой подход *культурологической лингвистикой* (Palmer 1996: 36).

В работе Г. В. Елизаровой термин *культурологическая лингвистика* используется для обозначения любых лингвистических исследований и описаний, имеющих своей целью *определение культурного компонента значения* (Елизарова 2005).

Культурный компонент значения отсылает к системе ценностей исследуемой культуры через культурные presuppositions — модели представлений культуры в том виде, в котором они выражаются и передаются через язык (Bonvillian 1997: 63). При таком подходе природа значения рассматривается следующим образом. Два языка могут «кодировать» одно и то же положение дел в действительности, используя разные семантические концепты. Эти семантические различия отражают различия культурные и в то же время обуславливают когнитивную категоризацию мира (Gumperz, Levinson 1996: 7). В центре внимания находится то обстоятельство, что различия в интерпретации могут быть заложены как в структуре языка, так и в его систематическом использовании. В таком понимании лингвистическая релятивность значительно смещается от «внутреннего круга» связей между грамматикой, категориальностью и культурой в том виде, в каком она усвоена индивидом, к «внешнему кругу» — к сфере общения и таким ее аспектам, как, с одной стороны, интеракции в социальном контексте, а с другой — индивидуальные модели познания.

Таким образом, все существующие в настоящее время научные направления, разрабатывающие проблему взаимосвязи языка и культуры, так или иначе основываются на теории лингвистической относительности Сепира — Уорфа. При этом можно сделать вывод о том, что *антропологическая лингвистика*, *этнография говорения (коммуникации)* и *культурная лингвистика* представляют собой синтез философии, антропологии, этнографии, психологии, когнитивистики, т. е., несмотря на безусловную значимость выделенных направлений, единой теории, предполагающей самостоятельный статус данных научных дисциплин, собственного понятийного аппарата, эти направления научных изысканий на данный момент не имеют. Все эти направления исследований ставят целью оптимизацию межкультурной коммуникации (для чего, в частности, предлагается особый метаязык,

использующий семантические примитивы — исследования школы А. Вежбицкой), а культурная лингвистика, кроме того, имеет явно выраженный дидактический характер, т. к. направлена на оптимизацию процесса преподавания иностранных языков (Алешин 2012).

Термин *лингвокультурология* появился в российском языкознании в последнее десятилетие XX века в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В. Н. Телия, работами Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, В. И. Шаклеина, В. А. Масловой, А. Д. Шмелева, В. Г. Костомарова, Н. И. Толстого и других исследователей.

Лингвокультурология как научное направление активно развивается в российской лингвистике, его теоретические положения в настоящее время реализованы и получили практическое применение в представительном количестве диссертационных исследований, монографий, учебников и словарей, написанных на материале различных языков.

Основы новой философии языка, в которой комплексный интегративный подход привел к существенному взаимодействию многих (и не только смежных) наук, обусловлены как внутренней логикой развития лингвистической научно-исследовательской мысли, так и общенаучными и экстралингвистическими причинами, порождающими постановку новых научных задач, поиск новых научных методов, становление новых научных направлений. Как пишет А. Е. Кибрик, «лингвистику XX в. можно представить в виде «КАК-лингвистики» («как устроен язык»), на смену которой придет «ЗАЧЕМ / ПОЧЕМУ-лингвистика», в основе которой будет лежать примат объяснения» (Кибрик 1995). Статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как полипарадигмальный (Кубрякова 1995).

Современная направленность исследований, сделавших объектом изучения взаимоотношения языка и культуры, во многом определена антропоцентрической парадигмой в лингвистике. Исследования «человеческого фактора в языке», описание человека в языке и языка в человеке отразили общенаучную тенденцию гуманизации науки как таковой и предопределили доминирующую роль антропоцентрической модели описания языка. В связи с этим представляется убедительным тезис В. Н. Телия: «Лингвокультурология — достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» (Телия 1996: 122), ср. также: «лингвокультурология — продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике» (Маслова 2001: 8). Безусловно, корни этой парадигмы уходят в глубины лингвистических традиций, связанных с именами таких известных отечественных и зарубежных исследователей, как В. Гумбольдт, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Э. Сепир и др.

Взросший в последнее время интерес к лингвокультурологическим исследованиям, к изучению взаимовлияния языка и культуры,

к проблемам национального лингвокультурного пространства позволяет констатировать факт выделения лингвокультурологии как отдельной самостоятельной лингвистической дисциплины.

Литература

- Алёшин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. — СПб., 2012. — 260 с.
- Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. — СПб., 2005. — 352 с.
- Кибрик А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — М., 1995. — № 5. — С. 93–103.
- Кубрякова Е. С. Эволюция идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. — М., 1995. — С. 144–238.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. — М., 2001. — 208 с.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996. — 288 с.
- Уорф Б. Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960. — С. 169–182.
- Boas F. Language // Boas F. General anthropology. — New York, 1938. — P. 124–145.
- Bonvillian N. Language, culture and communication. The meaning of messages. — Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 1997. — 374 p.
- Gumperz J. J., Levinson S. C. Introduction to part III // Gumperz J. J., Levinson S. C. (eds.) Rethinking linguistic relativity. — New York, 1996. — P. 1–18.
- Hymes D. The Ethnography of Speaking // Blount B. G. (ed.) Language, culture and society. — Prospect Heights: Waveland Press, Inc., 1995. — P. 248–282.
- Palmer G. B. Toward a theory of cultural linguistics. — Austin: University of Texas Press, 1996. — 348 p.
- Sapir E. The psychology of culture: a course of lectures / Ed. Irvine J. T. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. — 266 p.
- Saville-Troike M. The ethnography of communication // McKay S. L., Hornberger N. H. (eds.) Sociolinguistics and language teaching. — New York: Cambridge University Press, 1996. — P. 351–382.

Вопросы

1. Какие научные направления разрабатывают проблему взаимосвязи языка и культуры?
2. Труды каких ученых легли в основу теории относительности и оказали влияние на становление антропологической лингвистики?
3. Какая задача стоит перед исследователем в области *этнографии говорения*?
4. Какова цель исследований в области культурологической лингвистики?
5. Когда и в связи с работами какой школы появился термин *лингвокультурология* в российском языкознании?
6. В рамках какой парадигмы возникла лингвокультурология?

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ЦЕЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Основным итогом развития лингвокультурологии в настоящее время является тот факт, что она переживает период расцвета. Это объясняется, как справедливо отмечает В. И. Карасик, рядом причин: стремительной глобализацией мировых проблем, необходимостью учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов; объективной интегративной тенденцией развития гуманитарных наук, необходимостью освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (психологии, социологии, этнографии, культурологии, политологии и др.); прикладной стороной лингвистического знания, пониманием языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, находящего прямые выходы в практику рекламного и политического воздействия, в коммуникативную среду массовой информации (Карасик 2001).

Приведем ряд известных определений лингвокультурологии: «лингвокультурология — научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией» (Воробьев 1997: 32); «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова 2001: 28); «та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» (Телия 1996: 217); «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» (Красных 2002: 12); «современная лингвокультурология — это научная дисциплина, изучающая способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» (Алефиренко 2010) и др.

При всей содержательной близости приведенных определений нельзя не отметить и некоторых различий. Не все исследователи разделяют отнесение лингвокультурологии к этнолингвистике (В. Н. Телия) или «ответвлению этнолингвистики» (С. Г. Воркачев), по-разному решается вопрос о квалификации лингвокультурологии как синхронических или диахронических исследований.

Варируются и термины, называющие науку: *лингвокультурология*, *культурная лингвистика*, *лингвокультуроведение*.

Нам представляется возможным признать **лингвокультурологию лингвистической филологической наукой, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса. Это должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, коррелирующую с собственно языковым значением, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии.**

Выделяя в качестве **объекта** лингвокультурологии «язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка» (Красных 2002: 12), «взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» (Маслова 2001: 36), можно определить **предмет** лингвокультурологии как «исследования и описания синхронно действующих средств и способов взаимодействия языка и культуры» (Телия 1999: 16–17), исследования «единиц языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре» (Маслова 2001: 36), «единицы языка и дискурса, обладающие культурно значимым наполнением» (Красных 2002: 12), все то, что составляет языковую картину мира (Воробьев 1999: 106).

В последнее время к **объектам** лингвокультурологии все чаще стали относить всю совокупность речевых действий, событий, ситуаций, в которых проявляется культурно значимый выбор языковых средств и характер построения которых отличается культурной маркированностью. Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что объектом лингвокультурологии являются весь язык и культура, а предметом — их взаимодействие.

Целью лингвокультурологии является «описание взаимодействия языка и культуры через раскрытие содержания языковых единиц, изучение их ассоциативных и словообразовательных связей, коннотаций, отраженных в сознании носителей языка» (Абыяка 2004: 43–44).

По мнению В. Н. Телия, основным **методом анализа** языковых знаков в лингвокультурологии, ведущим способом экспликации заключенной в них культурной информации, другими словами, экспликации их культурной значимости является процедура соотнесения групп или массивов языковых знаков со знаками (категориями) культуры. Именно массивы номинативных единиц, лексических и фразеологических, функционирующих в том или ином языке, манифестируют значимость определенных установок культуры для той или иной лингвокультурной

общности. Культурная информация «рассеяна» в языке, она осознанно или неосознанно воспроизводится носителями языка, употребляющими языковые выражения в определенных ситуациях, с определенными интенциями и с определенной эмотивной модальностью. Задача исследователя состоит в интерпретации денотативного или образно мотивированного аспектов значения языковых знаков в категориях культуры, т. е. в соотнесении единиц системы языка с единицами культуры (Телия, 1996).

Метод — всегда система, специфика которой определяется объектом исследования и целью исследования. Методы лингвокультурологии — совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимодействия языка и культуры.

В лингвокультурологии наметилось несколько **основных направлений**, каждое из которых активно развивается и претендует на самостоятельность (см. Ольшанский 2000). Наиболее перспективными, на наш взгляд, представляются *фразеологическое направление*, представленное работами научной школы В. Н. Телия, *сопоставительная лингвокультурология*, а также *лингвокультурологическая лексикография*. В зависимости от того, какой подход к языку и культуре лежит в основе научных изысканий, возможно выделение более частных направлений лингвокультурологических исследований. Так, в рамках семиотического подхода исследователи выделяют девять подобных направлений (Клоков 2000). Назовем лишь некоторые из них: исследование языковой семантики с целью уточнить способы, вырабатываемые языком для осмысления человеком мира, для его ориентации в этом мире; второе направление связано с языковой номинацией, т. е. со способностью языка зафиксировать знания человека о мире с помощью языковых знаков; для третьего направления основным является изучение построения языковых парадигм, т. е. лексико-семантических и функционально-семантических структур. Еще одно направление связано с изучением национального характера речевого поведения. Отдельное направление касается изучения объема культурной информации, заключенной в языке как идиоме. Большой интерес в данном случае лингвокультурология проявляет к содержанию так называемых этноэидем, т. е. таких знаков, которые становятся эмоционально насыщенными и приобретают характер эмоционализованных ритуалов. Среди них принято выделять формы речевого этикета, особые национально окрашенные апеллятивы и онимы, названия цветов и т. п. (Клоков 2000).

Отдельного рассмотрения заслуживает концепция изучения этнолингвокультурного сознания, представленная в монографии И. В. Приваловой «Интеркультура и вербальный знак» (М., 2005).

Литература

Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2003. — 240 с.

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учебное пособие. 2010. — Режим доступа: http://lingvocult.ru/lingvo/Nikolay-Fedorovich-Alefirenko_Lingvokulturologiya — TSennochno-smyslovoe-prostranstvo-yazyka-uchebnoe-posobie-/4.shtml.

Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. — М., 1999. — С. 96–117.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М., 1997. — 331 с.

Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. — Волгоград, 2001. — С. 13–16.

Клоков В. Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Вып. 2. Язык и социальная среда. — Воронеж, 2000. — С. 60–67.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М., 2002. — 284 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология. — М., 2001. — 208 с.

Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. — М., 2000. — С. 26–55.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. — М., 2005. — 472 с.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М., 1999. — С. 13–24.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996. — 288 с.

Вопросы к разделу I

1. В чем состоит предмет и объект лингвокультурологии?
2. Каковы основные направления лингвокультурологии?
3. Что является целью лингвокультурологии?
4. В чем заключаются сходства и различия в дефинициях лингвокультурологии, предлагаемых разными исследователями?

II. МЕСТО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В РЯДУ СМЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Проблема научного статуса лингвокультурологии неразрывно связана с непрекращающимися дискуссиями относительно ее места в ряду смежных гуманитарных дисциплин, особенно это относится к лингвострановедению, межкультурной коммуникации, этнолингвистике, когнитивной лингвистике.

Что касается *лингвострановедения* и *лингвокультурологии*, то существующие в научной литературе точки зрения по поводу статуса каждой из анализируемых дисциплин можно, на наш взгляд, сгруппировать следующим образом:

1. И лингвострановедение, и лингвокультурология представляют собой лингводидактическое описание соотношения языка и культуры. Но лингвострановедение отталкивается от языковых единиц, занимается извлечением культурной информации из лексем и фразеологизмов с целью обучения языку. Лингвокультурология исходит из культуры, как она воплощается в языке, задача этой дисциплины — не обучить владению языком, а дать знание культуры носителей данного языка, обеспечить понимание культурной обусловленности языкового знака и особенностей речевой коммуникации.

2. Лингвострановедение — методическая дисциплина, а лингвокультурология — теоретическая филологическая дисциплина. По определению В. В. Воробьева, лингвокультурология — это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке; раздел семасиологии (Воробьев 2000).

3. Из двух терминов предпочтение отдается лингвострановедению, при этом лингвострановедение определяется как филологическая дисциплина. Ср., например, определения Г. Д. Томашина и В. В. Воробьева, данные лингвострановедению и лингвокультурологии соответственно: «Лингвострановедение рассматривается нами как отрасль филологии, изучающая национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания, оттенков и коннотаций, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и культуры» (Томашин 1995); «Лингвокультурология изучает национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» (Воробьев 2000). В приведенных дефинициях определяемые понятия взаимозаменяемы. Таким образом, термин *лингвокультурология* может рассматриваться как излишний. Г. Д. Томашин рассматривает лингвострановедение и как раздел семасиологии, и как аспект лингводидактики, что

лишает термин *лингвострановедение* необходимой научной определенности.

На наш взгляд, *лингвокультурология* — это прежде всего лингвистическая дисциплина, культурологическая лингвистика.

В настоящее время основоположники теории лингвострановедения — Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают, что «*лингвострановедение* и *лингвокультуроведение* — это термины, в общем и целом называющие одну и ту же область знания» (Верещагин, Костомаров 2005: 37). Ученые отдают предпочтение термину *лингвострановедение* в силу того, что объем термина *страноведение* шире объема термина *культура*.

Представляется целесообразным развести понятия «лингвокультурология» и «лингвострановедение», отведя лингвокультурологии роль теоретического описания взаимодействия языка и культуры, рассматривая при этом лингвострановедение в качестве прикладной лингвометодической дисциплины.

Одна из целей обучения иностранному языку — это успешная межкультурная коммуникация. Достижению же этой цели, на наш взгляд, будет способствовать такое содержание и построение учебного процесса, которое базируется, в частности, на синтезе лингвокультурологии и лингвострановедения.

Одним из наиболее дискутируемых в настоящее время является вопрос о соотношении лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Принципы когнитивной лингвистики лежат в основе всех лингвистических дисциплин, связанных с изучением человека, его мышления и познавательной деятельности (в том числе лингвокультурологии, психолингвистики и др.), поэтому можно говорить, что когнитивная лингвистика является теоретической базой данных дисциплин. Предметом исследования лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, человека и культуры (Карасик, Слышкин 2001: 76).

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин отмечают, что, обладая собственной научной спецификой, указанные направления обнаруживают ряд общих черт. Приведем эти черты:

1. И когнитивная лингвистика, и лингвокультурология реализуют интегративный подход к языку. Возникнув в результате междисциплинарного синтеза, в исследовании языка они учитывают как собственно лингвистические данные, так и достижения смежных дисциплин, что позволяет дать более глубокую и многоаспектную характеристику изучаемого феномена.

2. В соответствии с особенностями антропоцентрической парадигмы оба направления связаны с рассмотрением языка в диаде «язык

и человек», но в каждом из них она приобретает разные формы. В когнитивной лингвистике язык изучается прежде всего как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации, а в лингвокультурологии — как феномен культуры, хранитель культурного кода нации. Иными словами, диада «язык и человек» преобразуется в когнитивной лингвистике в триаду «язык — человек — познание», в лингвокультурологии — в триаду «язык — человек — культура». Когнитивная лингвистика сосредоточена на рассмотрении прежде всего когнитивной функции языка, лингвокультурология — культурной.

3. Оба направления уделяют значительное внимание проблеме картины мира и различным ее вариантам. Для когнитологов приоритетным является вопрос о механизмах ее формирования, для лингвокультурологов — ее национально-культурная специфичность.

4. Оба направления апеллируют к понятию человеческого сознания. А поскольку «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно когнитивное исследование» (Карасик, Слышкин 2001: 76).

Этнолингвистика изучает взаимодействие языка и культуры конкретного этноса, тогда как лингвокультурология анализирует вклад в язык всех, кто является представителями данной культуры, независимо от этнической принадлежности.

Таким образом, представляется неправомерной точка зрения некоторых исследователей о вхождении лингвокультурологии в качестве раздела в когнитивную лингвистику, этнолингвистику или социолингвистику. Речь в данном случае может идти о пересечении наук, имеющих общий объект, но разные предметы исследования.

Лингвокультурология как научная дисциплина, исследующая воплощенные в живом национальном языке материальную культуру и менталитет, проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса (см. работы В. Н. Телия), обретает свой самостоятельный статус в ряду других дисциплин.

Литература

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М., 2005. — 1038 с.
- Воробьев В. В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении // Слово и текст в диалоге культур. Юбилейный сборник. — М., 2000. — С. 83–92.
- Зиновьева Е. И. Лингвострановедение и лингвокультурология: к определению понятий // Русский язык как иностранный в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспектах. Научно-методические материалы. — СПб., 2003. — С. 4–8.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001. — С. 75–80.

Томахин Г. Д. От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом. — 1995. — № 1. — С. 54–58.

Вопросы к разделу II

1. С чем связана проблема научного статуса лингвокультурологии?
2. С какими смежными науками наиболее тесно связана лингвокультурология?
3. В чем заключается задача лингвокультурологии в отличие от лингво-страноведения?
4. Каковы общие черты лингвокультурологии и когнитивной лингвистики?
5. Почему можно говорить о самостоятельном статусе лингвокультурологии?

III. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

III.1. МЕНТАЛИТЕТ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Понятие «менталитет», еще только входящее в отечественную научную парадигму, но довольно длительное время находившееся в центре внимания западных ученых, в особенности историков, не имеет однозначного определения и характеризуется расплывчатостью.

Как справедливо отмечает А. Т. Хроленко, словом *менталитет* называют то, что не «политика», «социально-экономические отношения», «обычаи», «законы». Им объясняют то, что в культуре и истории других народов кажется странным и непонятным. Ментальность глубже мышления, норм поведения, сферы чувств. Она не структурирована и представляет собой некую предрасположенность, внутреннюю готовность человека действовать определенным образом, это своеобразная область возможного для человека, сфера автоматических форм сознания и поведения. Ментальность воспринимают как «самопонимание группы», как совокупность образов и представлений, которыми руководствуются. Это ставшие неосознанными ориентации и основания для чувствования, мышления и поведения. Проявляется ментальность в повседневности, полуавтоматическом поведении человека и его мышлении. Мысль о ментальности возникает только при встрече с чем-то не похожим на нас самих, а потому менталитет может быть «тестирован» только извне. Очевидно, что вопрос «Каков ваш менталитет?» лишен смысла, поскольку своим носителем менталитет не может быть отрефлексирован и сформулирован (Хроленко 2004).

Е. В. Иванова (2002) отмечает, что в узком смысле *менталитет* понимается как *устойчивый склад ума* (Филд 1996: 8), как понятие, очень близкое к немецкому термину «мировидение» (Ревель 1993: 51). У каждого народа есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира (Гачев 1995: 21). *Менталитет* также рассматривают как *совокупность мнений и представлений, свойственных той или иной группе* (Пушкарев 1996: 8), фактически ставя знак равенства между понятиями «менталитет» и «картина мира».

При широком понимании *менталитет* определяют как *совокупность представлений, способов поведения, восприятия и реакций* (Гетц 1993: 59). Таким образом, понятие «менталитет» включает, наряду со складом ума, манерой видения мира, иными словами — наряду со способом постижения мира, и результаты этого постижения — образы и представления, т. е. содержательную, результативную сторону восприятия мира. При этом охвачена и поведенческая сторона человеческой деятельности: помимо ментальных процессов и их содержания

в понятие «менталитет» входят поступки (точнее, их причинная обусловленность).

В отечественных исследованиях в силу словообразовательных возможностей русского языка представлены два термина — *менталитет* и *ментальность*. В некоторых работах они используются недифференцированно, как абсолютные синонимы, взаимозаменяемые даже в рамках одной статьи или книги (см., например: Данилова, Данилов 1996; Телия 1996: 216–218; Кондаков 1997), иногда отдается предпочтение тому или другому, иногда предпринимаются попытки их разграничить, закрепив, например, за *ментальностью* значение «языковой менталитет» (Петраков, Разин 1994: 5), или в известном учебнике по лингвокультурологии В. А. Маслова предлагает разводить эти термины следующим образом: *ментальность* — это «незримый минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества. Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка». А *менталитет* — «категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа; менталитеты представляют собой психо-лингво-интеллекты».

При анализе содержания этого понятия обоснованным и логичным представляется рассмотрение *менталитета как способа восприятия мира, мировидения, обусловленного психическими характеристиками нации и социально-историческими условиями ее существования*. Менталитет — это характер народа, о котором писал В. фон Гумбольдт (1985: 370), находящий отражение не только в языке, но и в литературе, религии, во всех проявлениях духовной жизни нации. С точки зрения Гумбольдта, характер нации сказывается на характере языка, а он, в свою очередь, представляет собой «объединенную духовную энергию народа» и воплощает в себе своеобразие целого народа, язык выражает определенное видение мира, а не просто отпечаток идей народа (там же, 348–349). Видение мира — это и есть менталитет, который проявляется в образах и представлениях, т. е. в картине мира, а также в поступках людей, в различных сферах культуры. О менталитете можно судить на основе их анализа, хотя, безусловно, разграничение менталитета и картины мира в ряде случаев носит механистический характер. Эти два явления взаимообусловлены и взаимозависимы, менталитет можно исследовать на основе характеристик картины мира, прежде всего эксплицитных.

Как справедливо отмечает профессор из Чехии Зд. Трестерова (1999), к изучению национального менталитета можно подходить с двух позиций: научной (использующей данные этносоциологии и этнопсихологии) и «мифологической» (опирающейся на вольные допущения о широкой русской душе, особом историческом пути России и т. д.).

Как ни странно, пишет исследователь, в данной области «миф» не только побеждает научный подход с его всякого рода исследованиями и опросами, но и сам действует на результаты научного подхода, так как мнения людей и их поведение до определенной степени приспособляются к тому «образу мира», который мифу соответствует.

Зд. Трестерова рассуждает следующим образом: русский язык, как и все языки, многоликий. В своем историческом развитии он достиг того, что сохранил возможность быть торжественно архаичным, но может быть и современно дерзким, быть языком мягких и размытых красок, соответствующих задушевности природы на огромной русской равнине (это слова Д. С. Лихачева), и точным языком науки конца второго — начала третьего тысячелетия. Принято говорить, что для русского менталитета типично сосуществование парадоксов, всякого рода антиномий. И в русском языке встречаются антиномии: с одной стороны, тяготение к архаичным контурам (именно «контурам», т. е. архаичности в целом, опирающейся на церковнославянский «субстрат»), с другой стороны, почти беспрепятственная проницаемость для инородных слов, оборотов, конструкций, широкое распространение калькирования, отсутствие пуризма.

Это всё, по мнению ученого, связано как с традицией (калькирование с греческого византийской эпохи или словотворчество в том же духе, ср. слова типа *чистосердечность*, *благовторительность*, *долготерпение*), так и с ощущением великодержавности, которое не заставляет бояться за свое («нас много», «великий русский язык» не нуждается в пуристском опекательстве). В русской истории есть периоды, когда «сплав» старого и нового не был органичным, на определенное время язык как бы терял свое благоразумие, благообразие и благоденствие (см. язык петровской эпохи, начала советской, до определенной степени и современный).

Зд. Трестерова отмечает, что часто отмечаемая исследователями, особенно зарубежными, специфическая черта русского менталитета — это отношение русских к судьбе, русский фатализм. На уровне языка эта черта находит отражение в существовании пассивных конструкций и конструкций безличных типа *крышу сорвало ветром*, *солдата убило миной*, которые относятся в основном к фатальным ситуациям войны и бушевания стихий. Но есть и еще одна конструкция, интересная с этой точки зрения, на которую указывает исследователь: *Девушка встретила Павлу на аэродроме*. Лингвисты утверждают, что в данном случае затруднительно с уверенностью определить, какой из номинальных компонентов предложения был каузатором встречи. Однако если прибегают к этой конструкции, то имеют в виду, что встреча была в чем-то роковой и ее каузатором был не Павел и не девушка, а сама судьба. На лексическом уровне фатализм выдает не только существование

персонифицированного *Горя-Злосчастия*, от которого никуда не уйти, но и богатое лексическое поле, связанное с понятием «сострадание»: *соболезнование, сожаление, сопереживание, сочувствие* и т. д. Условия жизни породили фатализм, он же — такие поговорки, как *От тюрьмы да от сумы не зарекайся* и ироничное *Дальше Сибири не сошлют*. И на счет речевого поведения мудрое *Если боишься — не говори, если сказал — не бойся*.

Исторически слабо развитому среднему сословию, отмечает Зд. Трестерова, как бы соответствовал в русском языке всегда слабо развитый средний стиль уже со времен Ломоносова — либо высокий, либо низкий. Грубость жизни отразилась в русском языке не только богатым запасом бранных выражений, чего и следовало ожидать, но, парадоксально, и подчеркнутой вежливостью и любовью к уменьшительно-ласкательным словам, диминутивам. Покупали и читали не просто *книги*, а *книжечки*, в стихах Ахматовой есть слова: *«А мне ватничек И ушаночку»* (здесь и связь с фольклором, и намек на места ссылки), ели *огурчики, помидорчики, капусточку*. Исследователь приводит пример гипертрофированного употребления таких диминутивных выражений, подслушанный в очереди: *Я возьму свеколки, капустки, морковочки, все нарежу мелко и варю на маленьком огоньке, добавлю лучка, петрушечки, укропчика* (Трестерова 1999).

Другой пример. Разница в менталитете проявляется в ритуальном самопредъявлении русских в брачных объявлениях в сравнении с французскими брачными объявлениями. Так, согласно брачным объявлениям, мужчины России отличаются порядочностью и добротой, а мужчины Франции — любезностью и нежностью. Французы гордятся своим высшим образованием, а мужчины России — отсутствием вредных привычек. Для представительниц России идеальный мужчина — это порядочный, без вредных привычек, верный, независимый человек, для французских женщин — человек с чувством юмора, ласковый и обаятельный (Андрианова 1999).

Интерференция на ментальном уровне отражает влияние стереотипов мышления на процесс овладения неродным языком. Менталитет народа сказывается уже на этапе осмысления обучаемым той или иной грамматической категории неродного языка. Например, при изучении категории рода в грузинской школе при указании учителем на ошибку в построении словосочетания типа *«мой сумка»*, *«мой книга»* грузинский ученик реагирует следующим образом: *«Я — мужчина, значит, мой сумка»* (Хайруллина, Вырыпаева 2001).

Менталитет влияет на процессы когнитии, накладывает на них свой отпечаток, включаясь в сами эти процессы и структурирование получаемых знаний. Механизмы когнитии в основе своей универсальны, различия получаемых знаний определяются своеобразием

менталитетов народов. Менталитет отражается в картинах мира с разной степенью яркости и полноты. В тех случаях, когда приоритетная роль принадлежит рациональному, логическому мышлению, менталитет проявляется в меньшей степени (Иванова 2002). Однако, как считает Г. Д. Гачев, даже немецкая классическая философия, претендующая на универсальность, носит отпечаток немецкого видения мира (Гачев 1995: 13).

Как справедливо указывает Е. И. Иванова, вряд ли можно согласиться с тем, что различие между менталитетом и картиной мира проходит в первую очередь по линии бессознательного/осознанного, как полагают О. А. Петренко и И. В. Кондаков (Петренко 1996: 8 и Кондаков 1997: 40). Исходя из роли менталитета в процессах когнитии, можно заключить, что это различие строится на противопоставлении динамического и статического начала. Как уже отмечалось выше, менталитет формирует картину мира, ее строение определяется особенностями менталитета. Что же касается осознанности, то, по всей видимости, как менталитет, так и картина мира в какой-то степени осознаются их носителями, в какой-то степени они бессознательны.

При анализе менталитета необходимо учитывать значительную дифференциацию внутри нации, которая приводит к тому, что помимо общих черт национального менталитета возможно говорить о менталитете отдельных групп (Гуревич 1993: 21). Менталитет одинаковых социокультурных групп разных языковых общностей может иметь больше схожих черт, чем менталитет разных социокультурных групп внутри одной языковой общности (Почепцов 1990: 119–120).

На наш взгляд, оптимальным в качестве рабочего для лингвистических исследований представляется определение ментальности, предложенное В. В. Колесовым:

Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях (Колесов 1999). Речь, прежде всего, идет о национальном менталитете. *Ментальность* — это способ/способность отражать/постигать/чувствовать мир особым образом (наличие «национальной призмы»), а *менталитет* — результат этого видения (совокупность принципов, сформировавшихся при «ментальном» освоении).

Литература

Андрианова Е. А. Ритуальное самопредъявление русских в брачных объявлениях (на материале пилотажного исследования) // Предложение и слово. Доклады и сообщения международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. С. Юрченко. — Саратов, 1999. — С. 270–271.

Брагина А. А. Ваш менталитет и наш менталитет // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 1999. — № 4. — С. 33–37.

Верещагин Е. М. Рече-поведенческие тактики в аспекте лингвострановедения (новые материалы и интерпретация) // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. — Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. — СПб., 2003. — С. 364–372.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. — М., 1999. — 84 с.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. — М., 1995. — 480 с.

Гетц Г. В. Изучение ментальностей: взгляд из Германии // Споры о главном: Дискурс о настоящем и будущем ист. науки франц. школы «Анналов»: Сб. ст. — М., 1993. — С. 58–64.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. — М., 1985. — 448 с.

Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Сб. ст. — М., 1993. — С. 16–29.

Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф., Москва, 14–15 июля 1994. — М., 1996.

Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). — СПб., 2002. — 160 с.

Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. — М., 1997. — 686 с.

Ларина Т. В. Вежливость в межкультурном общении // Русский язык за рубежом. — 2003. № 1. — С. 100–105.

Петраков А. А., Разин А. А. Менталитет: благо или наказание? // Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения: Сб. науч. тр. — Ижевск, 1994. — С. 5–10.

Петренко О. А. Этнический менталитет и язык фольклора. — Курск, 1996. — 118 с.

Почепцов Г. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110–122.

Пушкарев Л. Н. Введение // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сб. ст. — М., 1996. — С. 3–6.

Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном: Сб. ст. — М., 1993. — С. 51–58.

Стернин И. А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Филологические записки. — 1993. — № 1. — С. 180–186.

Стернин И. А. Коммуникативное поведение народа как предмет изучения в аспекте обучения иностранному языку // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х томах. Т. 2 / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. — СПб., 2003. — С. 243–250.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. — Воронеж, 2000. — 27 с.

Стернин И. А. О некоторых особенностях русского общения // Болгарская русистика. — 1992. № 2. — С. 54–57.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. — Воронеж, 2001. — 135 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. — М., 1996. — 288 с.

Трестерова Зд. Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в русском языке // Русский язык за рубежом. — 1999. — № 4. — С. 80–89.

Тхорик В. И., Фанян Н. Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. — М., 2005. — 288 с.

Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). — М., 1996. — С. 7–20.

Хайруллина Р. Х., Вырыпаева Л. М. Двужычие и лингвокультурологический аспект в преподавании русского языка нерусским // Русский язык в современной социокультурной ситуации. Тезисы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции РОПРЯЛ (разделы I–IV). — Часть I. — Воронеж, 2001.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В. Д. Бондалетова. — М., 2004. — 350 с.

Вопросы к разделу III.1

1. Что значит термин *менталитет* в узком и широком понимании?
2. Есть ли разница в содержании терминов *менталитет* и *ментальность*?
3. Какие черты русского менталитета отмечает Зд. Трестерова?
4. Какое определение ментальности предлагает В. В. Колесов?

III.2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

СПРАВКА

Понятие «картина мира»

В. П. Руднев, исследователь, занимающийся философией языка, культурологией, в книге «Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты» (М., 1997) приводит очень краткое определение картины мира: «*“Картина мира” — система интуитивных представлений о реальности*». Картину мира можно выделить, по мнению автора, описать или реконструировать у нации или этноса, у любой социальной или профессиональной группы или отдельной личности. Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира. Картина мира древних индийцев не похожа на картину мира средневековых рыцарей, а картина мира рыцарей не похожа на картину мира их современников — монахов.

В то же время, считает В. П. Руднев, можно выделить универсальную картину мира, свойственную всему человечеству, правда, она будет слишком абстрактна. Так, для всех людей характерна

бинарная оппозиция (основной инструмент при описании или реконструкции картины мира) белого и черного, но у одних групп белое будет соответствовать положительному началу — жизни, а черное — отрицательному началу — смерти, а у других, например китайцев, — наоборот. У любого народа будет свое представление о добре и зле, о нормах и ценностях, но у каждого народа эти представления будут различными. У отдельной личности картина мира будет детерминирована прежде всего его характером: у сангвиника-экстраверта и пессимиста-интроверта картина мира будет явно противоположной. Своя картина мира будет у параноика и у больного шизофренией. Человек, погруженный в виртуальную реальность, также будет видеть мир совершенно по-своему.

Картина мира опосредована языком, на котором говорит данная группа.

Термин *картина мира* был выдвинут в рамках физики в конце XIX — начале XX в. Одним из первых его стал употреблять Г. Герц (1914 г.) применительно к физической картине мира, трактуемой им как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов.

Начиная с 60-х годов проблема картины мира рассматривается в рамках семиотики при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, кино и т. д.) (Лотман, Успенский).

В рамках лингвистики проблема восстановления древней модели мира возникала естественным образом в связи с необходимостью реконструкции семантики текстов в широком смысле этого слова (В. В. Иванов, В. Н. Топоров). Было выдвинуто предположение, что модель мира может быть описана как набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира практически универсальный характер. Для описания модели мира славян В. В. Иванов и В. Н. Топоров использовали следующие семантические оппозиции: *белый — черный, близкий — далекий, вареный — сырой* и др.

Концептуальная и языковая картины мира

Принято различать две картины мира — *концептуальную* и *языковую*. Под *концептуальной картиной мира* подразумевается не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания. *Языковая картина мира* — это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых языков. Сердцевиной концептуальной

картины мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой картине мира — это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных языков (Брутян 1988). Концептуальная картина мира богаче языковой картины, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные.

Языковая картина мира содержит слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции. В различных языках языковые картины мира могут варьироваться.

Утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении. Звуковой комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам не способен. Фактически результатом отражения являются концепты или понятия. Язык связан с действительностью через языковую соотношенность. Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом (Роль человеческого фактора 1988: 6). Построение лингвистики на антропологических началах предполагает создание антропоцентрической теории языка. Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры (Роль человеческого фактора 1988).

Языковая картина мира в других формулировках обозначается как *языковой промежуточный мир, языковая организация мира, языковая репрезентация мира* или *языковая модель мира*. В целом метафорический термин *языковая картина мира* следует, на наш взгляд, признать неточным, т. к. он заставляет думать о «плоскостном» отображении реальной действительности и внутреннего мира человека в языке. «Объемное» видение скорее было бы передано термином *языковая призма* или подобным ему. Но в силу частотности, устойчивости и привычности в научной литературе термина *языковая картина мира* будем использовать в данном учебном пособии именно его.

Определение термина *языковая картина мира*

Существует большое количество дефиниций понятия *языковая картина мира*. Практически каждый исследователь, касающийся этой проблемы, предлагает свое определение. Приведем лишь несколько примеров: «Языковая картина мира — это отражение способа моделирования и структурирования действительности, характерного для конкретной лингвокультурной общности» (Моисеева 1998); «Упрощенное и сокращенное отображение всей суммы представлений о мире

внутри данной традиции» (Мифы народов мира 1982). В. Б. Касевич предлагает такую трактовку: «знания, закодированные оппозициями словаря и грамматики, это языковые знания, а их совокупность — языковая картина мира» (1996: 179).

В качестве рабочего определения языковой картины мира примем определение, предложенное Е. С. Яковлевой: «Под языковой картиной мира понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности». Таким образом, «языковая картина мира — это своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1996).

Функции картины мира вытекают из природы и предназначения в человеческой жизнедеятельности мировидения, составной частью которого и является картина мира. Может быть, результатом мировидения/менталитета и является картина мира? Как текст является производной от встречи субъекта с коммуникативным событием, но именно по нему судят (восстанавливают) препозицию, так и картина мира является производной от мировидения, но именно по ней реконструируют модель менталитета. Мировидение имеет две базисные функции — *интерпретативную* (осуществлять видение мира) и вытекающую из нее *регулятивную* (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности). Эти же функции выполняет и картина мира.

Историк культуры не может не обратить внимания на факт многообразия человеческих представлений о мире, образов мира, или картин мира, сменяющих друг друга в ходе исторического развития человечества, а иногда и сосуществующих в одну историческую эпоху. Чем же объясняется подобная ситуация? Картина мира — это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация. Собственно говоря, существует столько картин мира, сколько имеется «миров», на которые смотрит наблюдатель. Но культура интерпретации (идеал национальной языковой картины мира) предопределена. Культура — это каноны в выборе альтернатив (Демьянков 2001: 319).

Научная и наивная языковые картины мира. Функции языковой картины мира

Различают научную и наивную языковую картину мира. Наивная картина мира свойственна обыденному сознанию. Известно, что образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. Приведем пример, который любил В. В. Виноградов: Мы говорим: *Солнце село (взошло), поднялось высоко; восход, закат* — вопреки нашим научным знаниям, опираясь не на коперниковское доказательство, а на наше непосредственное восприятие.

В целом языковое отражение картины мира носит донаучный характер: в нашем словоупотреблении легко заметить следы мифопоэтического, архетипического мышления. Ср.: *подножье горы, устье реки, горный хребет, рукава реки...* пространство очеловечивается, описывается с помощью «антропоморфного кода».

Ю. Д. Апресян отмечает:

1. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается всем носителям языка в качестве обязательной.

2. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

3. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени (понятия пространства и времени говорящего и понятие наблюдателя), наивную этику, наивную психологию и т. п. (Апресян 1995).

Культурологический и лингвистический императив введения в научный обиход понятия «языковая картина мира»

О. А. Корнилов предлагает выделять два императива введения в научный обиход понятия «языковая картина мира» (далее — ЯКМ): *культурологический* и *лингвистический*, т. к. представители именно этих двух наук испытывали потребность в создании и использовании мыслительного ментефакта, получившего это весьма образное обозначение (Корнилов 2003).

ЯКМ в культурологии может трактоваться двояко:

1. Как огромная «кладовая» иллюстративного лингвистического материала для подтверждения тех или иных черт национального характера. Эти черты могут а priori приписываться данному народу, считаться общепринятыми или уже доказанными — это неважно. Главное, что в этом случае ЯКМ не рассматривается в качестве самоценного источника знания о национальном характере и складе мышления. ЯКМ при таком подходе вторична по отношению к постулируемым особенностям национального менталитета и должна лишь их подтверждать.

2. Как источник знания о национальном характере и менталитете. При таком подходе ЯКМ — это база данных, на основании которых только и можно делать заключения об особенностях национального мировидения. В этом случае ЯКМ приобретает гносеологическую ценность.

Приемлемы оба подхода, выбор каждого из которых определяется конкретным объектом исследования и его целями, однако второй подход всё же намного интереснее, поскольку дает возможность получения нового знания и гарантирует большую объективность, т. к. основан на принципе «от частного к общему» и отвергает априорное якобы знание предмета (Корнилов 2003).

В этой связи очень интересным и продуктивным представляется так называемый принцип «презюмции непонимания», или, как еще можно было бы сказать, «презюмции незнания». Лучше предположить, что об исследуемом объекте вам ничего неизвестно, и добыть о нем новое объективное знание, чем под существующий стереотип (не всегда адекватно отражающий действительность) подгонять факты.

Поскольку в уме человека ментальные процессы могут быть опосредованы не только языком, но и воображением, т. е. образами, то репрезентации фрагментов мира могут быть картиноподобными (образы) и языкоподобными.

Образами, соответствующими лексическим единицам, являются так называемые ПРОТОТИПЫ обозначаемых объектов (этот термин дал название целому новому семантическому направлению — прототипической семантике). Прототипы — это некие собирательные образы называемых объектов, обладающие всеми характерными и наиболее существенными (с точки зрения носителей этого языка) признаками и характеристиками, присущими всему классу этих объектов, большинству (или всем) его представителям. В этом смысле значение слова можно рассматривать как описание обобщенного зрительного образа объекта, т. е. прототипа.

О. А. Корнилов предлагает следующие формулировки для разведения терминов *национальный образ мира* (НОМ) и *национальная языковая картина мира* (НЯКМ):

НОМ — это совокупность прототипов, существующих в коллективном национальном сознании, а **НЯКМ** — это совокупность лексических эквивалентов этих прототипов.

Знакомство с ЯКМ нации — это необходимое знакомство с национальной культурой, с национальным менталитетом, но недостаточное. Оно обязательно должно дополняться изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и многого другого, включая географию страны.

В рамках культурологического императива можно выделить два аспекта. О первом уже было сказано, его можно назвать *научно-культурологическим*, поскольку в его основе лежат научный интерес и духовная потребность познания других народов, их культуры, национального характера и менталитета.

Второй аспект можно назвать *культурно-прагматическим*. В его основе лежит осознание необходимости глубокого знания других культур (и соответственно — языков как их неотъемлемых составляющих) из чисто прагматических соображений.

Следует отметить, что направление (вектор) культурно-прагматического императива может быть различным: он может быть направлен на чужую культуру, на получение знаний о ней, но может иметь и противоположную направленность, т. е. каузировать пропагандирование своей культуры, своего национального образа мира с целью донесения его до представителей других культур.

При любых интеркультурных контактах трудно переоценить значение национальной символики. Символика же самым тесным образом связана с коннотативной зоной языка. Именно в неосознании колоссальной важности этой части ЯКМ и кроется причина многих коммуникативных сбоев. О. А. Корнилов приводит пример из области рекламы. Если рекламные ролики изготавливаются в одной стране, а их потребителями (т. е. зрителями) становятся носители других культур, то скрытый смысл, основанный на тонких ассоциациях, легко улавливаемых носителями «родной» культуры, остается совершенно непонятым людьми из других национально-культурных сообществ. Автор одной из статей на эту тему пишет: «Показываемый у нас клип... по поводу видеокамер “Сони”, явно сделан не для российского рынка. “Посмотри, какие мы красивые...” Ладно, я-то читал, что в Японии медуза — это один из символов красоты и нежности, но для большинства россиян медузы вряд ли могут оказаться приманкой для приобретения новой камеры» (Алексеев 1996, цит. по Корнилов 2003). Если бы изготовители этого ролика знали, какие коннотации имеет в русском языке слово *медуза*, то они вряд ли предложили бы русскому зрителю этот образ.

Трудно придумать что-либо более прагматичное, чем бизнес и профессиональное общение бизнесменов. Но и в этой сфере трудно рассчитывать на успех, если не уделять должного внимания особенностям национальной ментальности. При этом очень многие аспекты проблемы межкультурных, межэтнических недоразумений при деловом общении могут выходить в область языка, поскольку именно в манере говорить, в речевой этикете, в самой стилистике речи проявляются многие особенности национального образа мысли. По этой причине успех делового контакта с представителем другой национальной культуры может в значительной степени предопределяться знанием языка этой культуры. Такое знание возможно на двух уровнях. Первый уровень — это элементарное знание того фрагмента НЯКМ, где зафиксированы клишированные формы общения, определяемые конкретными ситуациями общения. Именно этот уровень знания пытаются обеспечить появившиеся в последнее время многочисленные

пособия для изучающих русский язык бизнесменов. Основное содержание пособий этого типа — это перечни коммуникативных трафаретов, типовые тексты и диалоги, иллюстрирующие их практическое использование. Достижение этого уровня знания хотя и трудоемко, но вполне реально. Можно определить его как формальное, внешнее знание. Второй уровень знания языка вообще и языка бизнеса в частности предполагает не только овладение формальными средствами выражения чего-либо, но и знание глубинных причин именно такой, а не иной формы выражения (Корнилов 2003).

О. А. Корнилов приводит такой пример. Что собой представляют в русском языке обращения людей друг к другу на «Вы» и «ты» вне контекста ситуаций делового общения и вне подхода к элементам языка как составным частям НЯКМ? Не более чем две различные формы обращения, одна из которых используется при официальном обращении, при обращении к незнакомым или малознакомым людям и выражает уважительное отношение к адресату, а вторая — при обращении к знакомым людям, состоящим в дружеских отношениях с говорящим, в неофициальной обстановке. В реальной практике делового общения ситуация гораздо сложнее. Как, например, иностранец должен понимать многочисленные комбинации сочетаний «ты» и «Вы» с обращениями по имени, по имени и отчеству, по фамилии, по должности? И *ты*, и *Вы* может быть использовано с каждой из четырех форм обращения. Без этнопсихологических комментариев в этом случае явно не обойтись, и иностранец обречен на непонимание, почему можно сказать и *Сергей Петрович*, *ты мне позвони завтра*, и *Сергея*, *Вы мне позвоните завтра*, а главное — что стоит за этими формами обращения, какие нюансы отношений между говорящими, каково соотношение и взаимодействие официальных статусных ролей и межличностных отношений. Выход один — обращение к национальному характеру и менталитету и установление связей последних со средствами языка (Корнилов 2003).

Л. Б. Трушина пишет: «Иностранца, вступающего в деловые контакты в России, поражает некая расшатанность статусных ролей и чувства субординации у русских. Всем известно их стремление как можно быстрее сократить дистанцию, перейти на “ты”, на обращение по имени... У русских не приняты обращения к коллегам по должности, званию... обязательные в других культурах. Русская ментальность со своим специфическим подходом к субординации и статусным отношениям ярко проявляется, в частности, в области менеджмента, где иностранные исследователи ввели даже понятие “русский стиль управления”. Вместо безликого англ. *you* или универсального *mister* в русском — целый набор самых разнообразных комбинаций, в каждой из которых только ухо носителя русского мировидения способно уловить и выделить оттенки отношений между говорящими. Диапазон

этих отношений даже в сфере официального делового общения оказывается весьма широким: почтение, симпатия, доверительность, покровительственное отношение, неформальность отношений, отстраненность, холодность, пренебрежение, заискивание, подхалимство. Все эти отношения, бесспорно, существуют между участниками ситуации общения в любой культуре, но, как правило, они завуалированы предельно стандартизованными языковыми формами, языковыми трафаретами, не допускающими такой широчайшей амплитуды эмоциональных “довесков”, как в русских обращениях от *Сидорова*, *ты... до Лидочка Петровна, будьте добренькие...* Как минимум каждая основополагающая черта национального характера должна быть сформулирована, и на основе знаний этой черты могут быть даны чисто практические советы в реальной прагматически значимой ситуации». Автор приводит пример минимальной культурно-прагматической рекомендации: «Юмор, ироничность должны учитываться иностранцами в таком важном для бизнеса деле, как реклама. Специалисты в этой области считают, что упоение красивыми вещами, красивыми телами, самолюбование, лишенное даже зачатков самоиронии, характерное для западной рекламы, совсем “не работает” на российском рынке. Наша ироничная нация погружена в субкультуру анекдота, который отторгает субкультуру романтического вещизма, свойственного западной рекламе» (Трушина 1997).

Другой особенностью русского общения вообще и делового в частности является чрезвычайно важная роль контекста, когда смысл сказанного завуалирован и не вытекает из буквально сказанного, как это происходит обычно в языках с низким уровнем контекста (немецкая, американская культурно-лингвистическая традиция). Истинный смысл сказанного формируется из недоговоренностей, метафор, коннотаций, т. е. опирается на всю так называемую когнитивную базу человека, владеющего русской ЯКМ.

Помимо двух разновидностей культурологического императива введения в научный обиход понятия ЯКМ существовал, конечно же, и *лингвистический императив*. Появление в лингвистической науке понятия ЯКМ было связано с проблемой интерпретации результатов практической работы по внешнему структурированию семантических полей, установлению и систематизации отношений между ними, с практикой составления идеографических словарей. Лингвистический императив введения в научный обиход понятия ЯКМ заключался в необходимости концептуальной интерпретации систематизированной лексики, концептуальной интерпретации результатов структурирования семантических полей (Корнилов 2003).

ЯКМ, как справедливо отмечает О. А. Корнилов, составляет **всё** языковое содержание того или иного языка, а не только специфические

черты его семантики, особенности его внутренних форм. Просто ЯКМ — это абстракция, реально нигде не существующая. Реально существуют и могут анализироваться лишь ЯКМ конкретных национальных языков.

Для того чтобы адекватно представить и эксплицировать ЯКМ (в данном случае неважно, родного или любого иностранного языка), нужно не делить всё языковое значение на интегральное и дифференциальное, а считать его моногенным строительным материалом для построения данной конкретной ЯКМ. В сущности, речь должна идти об **остранении** исследователя, т. е. о таком рассмотрении языкового материала, которое бы осуществлялось **ни с какой** точки зрения, как бы из ниоткуда. При анализе ЯКМ родного языка остранение должно означать умение взглянуть на родной язык со стороны и рассматривать привычную «языковую организацию мира» не как нечто само собой разумеющееся и естественное, а как **одну из возможных** точек зрения, один из возможных способов видения мира. В этом заключается принципиальное отличие лингвокультурологии от межкультурной коммуникации (Корнилов 2003).

Основные направления исследования наивной языковой картины мира

Исследование наивной национальной языковой картины мира идет в двух основных направлениях:

I. Исследуются отдельные характерные для данного языка концепты. Это прежде всего «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания, ср. типично русские концепты *душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось*. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифических концептов, например многократно описанная символика цветообозначений в разных культурах.

II. Ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного взгляда на мир. Акцент ставится именно на цельной языковой картине мира (Апресян 1995).

В зависимости от аспектов и объема мира действительности, отображаемого языковой картиной, различаются *глобальная картина мира*, универсум (мир в полноте и целостности) и *локальная картина мира* (мир в одной из его составляющих, *фрагмент мира*). На данном этапе формирования и создания концепции антропологической лингвистики наблюдается тщательная разработка специфики языкового отображения в первую очередь различных локальных картин мира.

Изучение отображенного в языке образа мира в современной научной литературе осуществляется на основе разных научных подходов

и развертывается в разных направлениях: выявляются типологические черты модели мира какой-либо языковой общности — славянской (Иванов, Топоров), балканской (Цивьян); мифопоэтические модели мира (Н. И. Толстой, О. А. Черепанова, М. М. Маковский); прослеживается формирование и развитие важнейших представлений о мире человека русского средневековья (В. В. Колесов). Описываются отдельные фрагменты русской языковой картины мира — пространство, время, восприятие (Е. С. Яковлева). Особо следует выделить исследования образа мира в художественных произведениях (Д. М. Поцепня, Л. В. Миллер).

Фрагменты языковых картин мира как производные национальных менталитетов

Как уже было отмечено выше, на настоящий момент наиболее разработанным можно считать лингвокультурологическое исследование отдельных фрагментов ЯКМ, или локальных ЯКМ. В рамках лингвокультурологии изучены основные концепты, синонимические ряды слов, лексико-семантические поля, отдельные фразеологизмы и фразеосемантические поля.

Отдельные фрагменты языковой картины мира (как и ЯКМ в целом) организуются вокруг неких «силовых» точек, важных для лингвокультуры концептов. Эти фрагменты не являются изолированными, они представляют собой систему пересекающихся множеств, а организующие их концепты в совокупности составляют концептосферу языка.

Приведем пример анализа такого фрагмента русской ЯКМ, организующими центрами которого являются микроконцепты — наименования сезонов («Зима», «Весна», «Лето», «Осень»), входящие в макроконцепт «Времена года».

Концепт «Времена года» соотнесен (диалектически связан) в русской ЯКМ с такими важными концептами, как «Время», «Природа», «Человек».

Времена года как фрагмент русской языковой картины мира

(на материале диссертационного исследования
У Вэй «Времена года в русской языковой картине мира
(на фоне китайского языка)», науч. рук. Е. И. Зиновьева)

Времена года, несмотря на их универсальность для человеческого сознания вообще, по-разному представлены в языковом сознании носителя конкретного национального языка: каждое время года

вызывает ассоциации, обусловленные климатическими, социально-историческими, культурно-бытовыми различиями. С каждым временем года в конкретной лингвокультуре связаны свои слова-реалии, приметы, загадки, прецедентные феномены: названия песен, стихотворения, пословицы и поговорки и т. п. Лексические и фразеологические единицы, описывающие времена года, частотны в русской разговорной речи, в художественной литературе и публицистике, в фольклоре. Языковые единицы данной тематической группы трудны для восприятия и усвоения иностранными учащимися, так как отличаются спецификой семантики, парадигматических и синтагматических связей, прагматическим компонентом значения, национально-культурной обусловленностью употребления. Лексико-тематическая группа «Времена года» в рамках разговорной темы «Природа. Времена года» входит в обязательную программу изучения практического русского языка на любом этапе обучения — от начального до завершающего.

Времена года уже являлись объектом изучения лингвистов. Останемся на лингвокультурологических исследованиях, представляющих наибольший интерес. В диссертации Т. В. Салашник (2007) времена года рассматриваются как совокупность отдельных концептов. В работе устанавливается соотношение универсального, национального и индивидуального компонентов данных концептов в русской и английской лингвокультуре. В диссертационном исследовании Цзу Сюэцин (2009) исследуются четыре концепта — «Зима», «Осень», «Лето», «Весна» в русской языковой картине мира как фрагмент национальной культуры и проводится его сопоставление в двух языках — русском и китайском — для выявления существенных сходств и отличий национальных культур (традиций, символов, метафор и т. п.). В результате автор приходит к следующим выводам: времена года в русской и китайской языковой картине мира имеют общие черты: сходно понимание времен года как природного явления (в семантике, сочетаемости ключевых слов (по терминологии автора), пословицах, метафорах и эпитетах; сходны даже некоторые поэтические образы). Однако в китайской картине мира временам года более свойствен философский смысл, а в русской языковой картине мира этот фрагмент более тесно связан с религией. По мнению Цзу Сюэцин, из четырех сезонов *осень* особо выделяется в русской языковой картине мира, поэтому автор начинает исследование с анализа концепта «Осень». В диссертации О. Л. Чоудхури (2011) рассматриваются культурные и историко-этимологические предпосылки формирования концепта «Зима» в русской языковой картине мира, создается новая модель номинативного поля концепта, которая важна для обучения русскому языку как иностранному. Анализ ведется относительно финского

языка, фиксируются лакунарные явления на разных уровнях: понятийном, лексическом, семантическом и ассоциативном.

Для детального исследования были выбраны две тематические группы — «Зима» и «Лето», что обусловлено контрастностью этих сезонов в сознании, а также тем, что опрос носителей русского языка показывает, что часть осени, зима и часть весны психологически воспринимаются как некий длинный период, условно приравняемый к зиме, которая противопоставляется лету.

Для выявления состава единиц лексико-тематических групп «Зима» и «Лето» целесообразно обратиться прежде всего к данным тематических и семантических словарей русского языка.

В тематических словарях русского языка данные лексико-тематические группы отдельно не выделяются. В словарях этого типа присутствует тематическая группа «Времена года», в которую входят существительные *сезон, зима, лето* и прилагательные *зимний, летний* (Морковкин 2004; Саяхова 2000). В словаре может приводиться сочетаемость с существительным *зима: долгая, короткая, снежная, холодная, суровая, мягкая, тёплая зима; дыхание зимы, середина зимы, приход зимы, подготовка к зиме; любить зиму, готовиться к зиме, заготовиться на зиму; наступила зима, прошла зима;* однокоренные наречия и прилагательное и типичные словосочетания и предложения с ними: *зимой, зимой будем кататься на лыжах, зимний, зимний день, зимний вечер, зимнее время, зимнее небо, зимние каникулы, по-зимнему, одеться по-зимнему;* и сочетаемость с существительным *лето: теплое, жаркое, холодное, засушливое, дождливое, урожайное лето; конец лета, планы на лето; провести где-либо лето, отложить что-либо на лето, лето наступило; лето прошло;* однокоренные наречие и прилагательное и типичные словосочетания и предложения с ними: *летний, летний день, летний вечер, летняя пора, летняя погода, летние полевые работы, летние каникулы, в летнее время, по-летнему, солнце светит по-летнему* (Саяхова 2000: 510). В отдельные лексико-тематические группы выделяются «Температурные явления и атмосферное давление», «Движение воздуха», «Атмосферная влага, осадки», «Земля» и т. д. (Саяхова 2000). В толково-понятийном словаре русского языка существительное *лето* наряду со словами и словосочетаниями *год, время года, сезон, зимой, летом,* названиями летних месяцев входит в семантическую группу «Год» (Шушков 2008: 119–120). В русском семантическом словаре лексика сгруппирована по частям речи, по лексико-семантическим классам слов и их разделам. Поэтому интересующие нас единицы попадают в лексико-семантический класс «Космос. Земля. Природные образования» и разделяются по разделам «Слои, потоки воздуха», «Осадки» и т. п., а также в лексико-семантический класс «Время» с подразделением «Отрезки, периоды времени, соотносимые с состоянием

природы, окружающей среды, со светом солнца и луны, временами года», куда входят только имена существительные (Шведова I–IV, 1998–2007). В идеографическом словаре русского языка выделяются «атмосфера», «атмосферная влага», «погода». «Времена года» попадают в лексико-семантический класс «Погода» (Баранов 1995). В комплексном учебном словаре «Лексическая основа русского языка» не выделяется группа «Времена года», названия сезонов входят в группу «Время» (Морковкин 1984).

Недостаточность данных проанализированных лексикографических источников для определения объема и состава интересующих нас лексико-тематических групп обусловила необходимость обращения к анализу, во-первых, учебных пособий по разговорной практике РКИ и, во-вторых, к ассоциативному эксперименту.

Анализ учебных пособий по разговорной практике РКИ (Коляярцева 1969, Матвеева 1972, Воробьева 1973, Битехтина 1975) позволил выявить следующий состав лексико-тематической подгруппы «Зима»: *снегопад, метель, вьюга, кататься, прокатиться на лыжах, коньках, санках* и т. д. — всего 142 единицы. Эти единицы могут быть сгруппированы по следующим лексико-семантическим группам — ЛСГ (в состав ЛСГ включаются также словосочетания):

1) ЛСГ существительных — наименований осадков: *снег, снегопад, снег с дождем, пороша, слякоть*;

2) ЛСГ существительных — наименований явлений природы: *ветер, гололед, гололедица, заморозки, ледостав, метелица, метель, поземка, похолодание, стужа, утренник, холод, холодина, вьюга, буран, пурга, порыв ветра, буря, сугробы*;

3) ЛСГ глаголов, характеризующих состояние природы: *замерзнуть, скованы льдом (о реках)*;

4) ЛСГ существительных — наименований зимних видов спорта: *катание на лыжах, коньках, санках*;

5) ЛСГ существительных — наименований одежды и обуви (сюда входят и атрибутивные словосочетания): *куртка, пуховик, шуба, дубленка, меховая шапка, шерстяная кофта, свитер, сапожки (сапоги, ботинки) на меху*;

7) ЛСГ прилагательных, характеризующих погоду: *теплая, холодная, сырая, дождливая, ненастная, сухая, пасмурная, солнечная, ясная, ветреная, тихая, (не)устойчивая, зимняя, хорошая, благоприятная*;

8) ЛСГ прилагательных, характеризующих зиму по длительности: *длинная, короткая*;

9) ЛСГ прилагательных, характеризующих зиму с точки зрения температуры воздуха: *холодная, суровая, морозная, теплая, мягкая*;

10) ЛСГ прилагательных, характеризующих снег: *сухой, мокрый, глубокий, пушистый*;

11) ЛСГ прилагательных, характеризующих ветер: *северный, сильный, резкий, слабый, порывистый, холодный, пронизывающий, прохладный, теплый, попутный, встречный*;

12) ЛСГ прилагательных, характеризующих мороз: *сильный, слабый, легкий, лютый*;

13) ЛСГ категории состояния: *тепло, жарко, душно, холодно, прохладно, свежо, сыро, пасмурно, сухо, облачно, ясно, туманно, ветрено*;

14) ЛСГ фазовых глаголов: *наступить, прийти, кончиться* (о зиме);
15) ЛСГ глаголов, характеризующих изменение состояния температуры воздуха: *понижаться, понизиться, опуститься (до), повышаться, повыситься, держаться*;

16) ЛСГ глаголов, характеризующих снег: *идти, падать хлопьями, пойти, выпасть, покрыть землю*;

17) ЛСГ глаголов, характеризующих ветер: *дуть, подуть, налететь, подняться, усиливаться, выть, завывать, завывать, стихать, стихнуть, прекратиться, сбить с ног, дуть в лицо (в спину), разгонять тучи, продувать насквозь, подняться (о вихре, урагане)*;

18) ЛСГ глаголов (включая глагольные словосочетания), характеризующих мороз(–ы) и его (их) действие: *доходить до 40°, достигать 30°, усиливаться, ударить, стоять, морозить, подморозивать, делать красивые узоры на окнах, щипать (пощипывать) щеки*;

19) ЛСГ глаголов, описывающих физическое состояние человека: *обморозить, отморозить (нос и щеки), замерзнуть, озябнуть, продрогнуть*.

Анализ тех же учебных пособий по развитию речи позволил выявить следующий состав лексико-тематической подгруппы «Лето»: *солнце, дождь, пляж, собирать грибы, ягоды, ходить в лес за грибами, за ягодами, за орехами* и т. д. — всего 152 единицы. Эти единицы могут быть сгруппированы по следующим ЛСГ:

1) ЛСГ прилагательных, характеризующих лето по продолжительности: *долгое, продолжительное, короткое, длинное*;

2) ЛСГ прилагательных, характеризующих лето по температуре воздуха: *жаркое, знойное, теплое, холодное, прохладное*;

3) ЛСГ прилагательных, характеризующих лето по наличию осадков: *засушливое, сухое, дождливое, сырое*;

4) ЛСГ фазовых глаголов: *наступить, настать, прийти (наступило лето)*;

5) ЛСГ прилагательных, характеризующих погоду: *жаркая, теплая, хорошая, чудесная, прекрасная, плохая; ясная, пасмурная, ненастная, дождливая; ветренная, тихая; (не)устойчивая, изменчивая*;

6) ЛСГ глаголов, характеризующих изменение состояния погоды (сюда относятся и глагольные словосочетания): *погода бывает (какая?), меняться всё время, часто; измениться внезапно, резко*;

7) ЛСГ глаголов и словосочетания, характеризующие солнце: *светит, греет, печет, палит; выглянуло, скрылось; взошло, зашло; греть по-летнему; скрыться (спрятаться) за тучу (за тучей);*

8) ЛСГ прилагательных, характеризующих тучи: *тяжелые, дождливые, темные, черные;*

9) ЛСГ глаголов и словосочетаний, характеризующих тучи: *покрыли небо, обложили небо, рассеялись;*

10) ЛСГ прилагательных, характеризующих ветер: *сильный, резкий, порывистый, слабый; холодный, теплый, прохладный, пронизывающий; попутный, встречный; северный, юго-западный;*

11) ЛСГ прилагательных, характеризующих дождь: *сильный, мелкий, частый, проливной, летний, короткий, шумный, грибной;*

12) ЛСГ глаголов и словосочетания, характеризующие дождь: *пошел, начался, стал накрапывать, полил, идет, льет (льет как из ведра); прошел, перестал, прекратился; собирается, так и не собрался; стучит в окна, стучит по крыше, стекает по крыше;*

13) ЛСГ глаголов и словосочетания, характеризующие грозу: *собирается, надвигается; началась, разразилась; прошла стороной, прекратилась;*

14) ЛСГ глаголов, характеризующих молнию: *засверкала, сверкнула, сверкает; блеснула, ударила (во что?);*

15) ЛСГ глаголов, характеризующих гром: *загремел, гремит, ударил, грохочет, загрохотал;*

16) ЛСГ прилагательных, характеризующих реку: *мелкая, глубокая, многоводная;*

17) ЛСГ прилагательных, характеризующих течение реки: *быстрое, спокойное;*

18) ЛСГ прилагательных, характеризующих воду в реке: *прохладная, чистая, прозрачная, мутная;*

19) ЛСГ прилагательных, характеризующих пляж: *большой, тихий, многолюдный, безлюдный;*

20) ЛСГ существительных — наименований цветов: *ромашки, васильки, лютики, незабудки, колокольчики, полевые цветы;*

21) ЛСГ существительных — наименований насекомых: *комары, мухи;*

22) ЛСГ глаголов и словосочетания, характеризующие занятия человека летом: *собирать грибы, собирать ягоды, ходить в лес за орехами; ходить в горы, лежать на пляже, лежать на песке, загорать, загореть, лежать на солнце, лежать в тени, греться на солнце; плавать хорошо, плавать плохо; нырять;*

23) ЛСГ глаголов и словосочетания, характеризующие действия и состояния человека, связанные с погодными условиями: *попасть под дождь, спрятаться от дождя (где?), переждать дождь (где?), промок-*

нуть под дождем, промокнуть до нитки, перегреться на солнце, взять с собой зонт, захватить с собой плащ, идти под зонтом, надеть (снять, расстегнуть) плащ, получить солнечный удар;

24) отдельные единицы, не образующие ЛСГ, представляющие собой словосочетания: *невыносимая жара; загорелый человек; еле держаться на воде.*

Все выделенные единицы, по данным двуязычного русско-китайского словаря, имеют переводческие эквиваленты в китайском языке.

Для выявления реальной представленности единиц анализируемых тематических групп в языковом сознании русских и китайцев необходимо было обратиться к данным ассоциативного эксперимента.

Для построения ассоциативно-вербальных полей «Зима» и «Лето» в русском и китайском языковом сознании был проведен свободный ассоциативный эксперимент с носителями русского и китайского языков. В эксперименте приняли участие 50 русских респондентов в возрасте от 20 до 70 лет и 50 китайских респондентов в возрасте от 20 до 70 лет. В основном в качестве информантов выступили студенты и преподаватели университетов России и Китая, кроме того, были опрошены пожилые люди двух стран, имеющие высшее образование. В качестве слов-стимулов были предложены существительные *зима и лето* для носителей русского языка и их эквиваленты — для носителей китайского языка. Участникам эксперимента предлагалось привести ассоциации, возникающие у них в связи с этими стимулами. Количество ассоциаций не ограничивалось. Эксперимент имел своей целью определение состава ассоциативно-вербальных полей «Зима» и «Лето» в русском и китайском языковом сознании.

Полученные в ходе эксперимента ассоциации были далее классифицированы по лексико-тематическим подгруппам и подвергнуты лингвокультурологическому анализу.

Выявленное ассоциативное поле «Зима» отличается большим объемом как в русском языковом сознании (306), так и в китайском (466 различных реакций).

Наибольшее сходство полученных ассоциатов отмечается в таких тематических группах, как «наименования явлений природы и их восприятия», «цветообозначения», «наименования физических ощущений», «наименования одежды».

Различия наблюдаются в названиях и восприятии временных периодов, названиях праздников и их атрибутов; отличаются также ассоциации, связанные с традиционными напитками и едой, психоэмоциональным состоянием и восприятием зимы, номинациями животных, зимними занятиями, названиями исторических событий. Национально-культурно обусловлены прецедентные феномены:

строчки из стихотворений и песен, названия литературных произведений, фильмов.

Сначала рассмотрим ассоциаты — наименования временных периодов. По мнению А. А. Леонтьева и Ю. Н. Караулова, концепт «Время» является одной из важнейших констант бытия, сознания, культуры и языка. Время существует в мире абстрактно, но разные народы ощущают время по-разному и, соответственно, конкретизируют это понятие в своих языках по-разному (Караулов 2004: 7, Леонтьев 1993: 20).

У русских с зимой ассоциируются три зимних месяца: *декабрь, январь и февраль*. Кроме того, школьники и студенты ассоциируют зиму с *сессией и каникулами*. Общими для всех носителей русского языка являются ассоциации со временем суток: *зимнее утро, холодное утро, морозное утро, морозный день, зимние вечера, долгая ночь, темная ночь, звездная ночь*. При этом отмечается утренний холод, мороз днем, длительность зимних вечеров и ночей, ночная темнота и звездность ночного неба морозной ночью. В русском языковом сознании зима — это время года, которое наступает после осени, отсюда и реакция *после осени*, и предшествует весне — ассоциация *скоро весна*. Ассоциация *школьные каникулы* влечет за собой ассоциацию *детство*.

Ассоциаты китайских респондентов лишь отчасти совпадают с русскими: *зимние каникулы, сезон, день короткий, ночь длинная, перемена сезона, окончание года, изменение расписания, лето*.

В отличие от русских в сознании китайцев зима связана с пятью из 24 сезонов сельскохозяйственного года. Это (лидун) начало зимы, (дахсюе) большой снег, (дунчжи) зимнее солнцестояние, (сяохань) малый холод, (дахань) большой холод. Это явление обусловлено китайской традиционной культурой. 24 сезона сельскохозяйственного года — это уникальная черта этнической характеристики китайской цивилизации. Китай — сельскохозяйственная страна, 24 сезона, которые выделило китайское трудовое население согласно движению Солнца, являются неотъемлемой частью культуры китайского народа. Этот календарь отражает изменения в природе, характерные для каждого сезона. Эти наблюдения, бережно сберегаемые из поколения в поколение на протяжении столетий, помогают крестьянам и по сей день успешно вести сельскохозяйственную деятельность, которая, в свою очередь, дает всё необходимое для жизни китайского народа. Таким образом, выделение 24 сезонов занимает важное место в жизни китайского народа.

Результаты анализа ассоциаций показывают также, что русские и китайцы воспринимают зиму по-разному, отличается психоэмоциональная оценка. Соответствующая группа ассоциатов различается своим объемом в языковом сознании русских и китайцев — у русских

это всего 12 реакций: *долгая, долго, радость, инфинити, неискренность, замкнутость, пассивный, праздничный, дети, бабушкины рассказы, зима мне очень нравится, потеряла перчатки! опять!* Зима, с одной стороны, воспринимается как очень долгий период времени, связана с негативными эмоциями: *неискренность, замкнутость, пассивность*. С другой стороны, оценивается положительно, ассоциируется с праздниками, детством. Можно сделать вывод о том, что в языковом сознании русских зима имеет амбивалентную оценку с точки зрения психоэмоционального состояния.

Ассоциатов, входящих в данную группу, полученных от китайских респондентов, — 103. Зимой китайцы оценивают, во-первых, положительно. Об этом свидетельствуют ассоциаты, связанные с семьей, Родиной, положительными межличностными отношениями, восприятием окружающего мира: *члены семьи в далеком месте, вспоминать о родном крае, теплота дома* и т. п. Самый важный праздник — «чуньцзе» отмечают именно зимой, в связи с этим китайцы думают о родных. Во-вторых, зима оценивается отрицательно. Это доказывается наличием отрицательно оценочных ассоциаций, обозначающих внутреннее состояние человека, его восприятие времени года, наименованиями отрицательных межличностных отношений: *одиночество, холод в сердце, разлука* и т. п. Зимний сезон — это самый холодный и тяжелый период в году, холодная погода обостряет негативные чувства, мысли. В-третьих, зима ассоциируется с жизнью, возрастом человека: *зима символизирует старость человеческой жизни, возрастание возраста, человеческая жизнь, зима выносит жизнь*. В-четвертых, по результатам эксперимента можно выделить ассоциации, связанные с духовными качествами человека, обеспечивающими победу: *цветы китайской сливы (символ китайского духа), несгибаемый дух (твердый и непреклонный характер), китайские сливы среди снегов (олицетворяют несгибаемого человека в китайской традиционной культуре), хладнокровное настроение человека, удача, стремиться* и др. Прежде всего китайцы ассоциируют зиму с китайской сливой, потому что китайская слива — особенное растение. Другие деревья цветут только весной или летом. А китайская слива, наоборот, любит холод. Чем больше снега или сильнее ветер, тем более ароматны ее цветы, более пышно она цветет, восхищая изяществом оттенков. Благодаря этому удивительному свойству китайская слива стала особенным растением для китайцев. Для многих поколений китайцев она стала символом великого духа, несгибаемой стойкости, силы и упорства. Китайская слива стала по сути символом духа китайской нации. Весь народ любит это растение на протяжении тысячелетий. В литературе и искусстве количество произведений о китайской сливе огромно. Такие ассоциаты, как *несгибаемый дух* (твердый и непреклонный характер), *китайские*

сливы среди снегов (олицетворяют негибавшего человека в китайской традиционной культуре), *хладнокровное настроение человека, хладнокровное раздумье, самосовершенствование, спокойствие, воля, твердость, победитель, настойчивый, бороться, дать отпор, удача, победа, стремление, далекие устремления, стремиться, скромный в желаниях, замкнутый и высокомерный, терпеть, попытка, упорство, деталь обуславливает успех или поражение, воля*, как нам кажется, обусловлены принципами философии конфуцианства, главное — не сдаваться в трудный период. Именно поэтому китайцы ассоциируют зиму с различными словами, обозначающими духовные качества людей, приводящие к победе.

В русском ассоциативно-вербальном поле есть группа «Наименования видов деятельности, активного отдыха, спорта», в нее входят безэквивалентные для китайского поля единицы: *купание в проруби, расчистка дорожек от снега, подледный лов, прогулка в лесу, в кедах по Европе, делать салат оливье, пить чай с антоновкой, варить глинтвейн с друзьями* и некоторые др. Эти явления обусловлены русскими географическими, климатическими особенностями и традициями. Так, в праздник Крещения люди купаются в проруби, принимают крещение, особая группа русских людей («моржей») занимается «моржеванием», закаливанием, что также предполагает купание в проруби. Традиционно в России зимы очень снежные, что предполагает толстый снежный покров на земле и необходимость расчищать дорожки. Реки и озера скованы в России толстым слоем льда, в котором можно сверлить лунки и заниматься подледным ловом рыбы. Молодежь часто уезжает из России на каникулах путешествовать по странам Европы, где климат традиционно мягче, долгие годы снег вообще не выпадал, отсюда ассоциация *в кедах по Европе. Салат оливье, антоновские яблоки* — это традиционные для русских реалии быта.

В китайском ассоциативно-вербальном поле выделяется единица *греться у огня*, что связано с тем, что опрос проводился на юге Китая, где в домах нет отопления, поэтому это является частотной ассоциацией.

В русском и китайском ассоциативно-вербальных полях есть единицы, которые совпадают: *сани, кататься на лыжах*, но причины появления этих ассоциатов различны: для русских эти виды спорта являются типичными видами зимнего спорта. А у китайцев эти ассоциации появляются в связи с распространением телепередач.

Еще одна группа, которая была выделена в результате анализа ассоциаций китайских респондентов, — это «Названия исторических событий», среди ассоциаций русских респондентов такая группа не была выявлена. Например, *льды как стихийное бедствие, снег как стихийное бедствие, Красная армия перешла снежные горы, попасть в немилость*. Эти ассоциации связаны с китайской историей.

Льды как стихийное бедствие, снег как стихийное бедствие. В январе 2008 года произошло сильное стихийное бедствие на юге Китая. Из-за ужасной погоды, сильного снега и ледяного дождя автомобильный и железнодорожный транспорт и гражданская авиация прекратили свою работу, инфраструктура города (вода, электричество, дороги) была серьезно нарушена, жилые дома и сельскохозяйственные постройки были завалены снегом. Это стало катастрофическим моментом в истории Китая, люди не могут об этом забыть.

Красная армия перешла снежные горы. В 1933 году в Китае произошла Гражданская война. Из-за натиска врагов Красная армия была вынуждена передислоцироваться на военные базы. С 1934-го по 1936-й, целых два года, продолжался поход, сопровождавшийся ожесточенными боями. По статистике известного американского журналиста Эдгара Сноу, Красная армия перешла через 18 гор, включая пять покрытых вечными снегами и ледниками. Красная армия совершила беспрецедентный героический поступок в истории человечества. Это великое деяние навсегда запечатлелось в истории Китая.

Попасть в немилость. Эта единица также имеет историческую специфику, но связана с более ранней историей Китая. В феодальном обществе императоры имели высшую власть и могли выбрать себе дополнительных жен. Когда эти женщины попадали в немилость, им запрещали жить во дворце, они переезжали в специальное место. Название этого места в буквальном переводе — «холодный дворец».

Лакунарной относительно русского ассоциативно-вербального поля является и группа этнонимов китайского ассоциативно-вербального поля: эскимос (5)¹, инуит («человек, поедающий сырое мясо»).

В свою очередь, только в реакциях русских информантов встретилась этническая (национальная) оценка времени года — *русская зима*.

На основе сопоставления полученных в проведенном эксперименте результатов и данных «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова (РАС) необходимо отметить, что ядро русского ассоциативно-вербального поля не изменилось — сохраняются ассоциаты, называющие климатические особенности зимы: *холодная, снежная, суровая, морозная, лютая* и природные явления: *снег, лед*. Сохраняется представление о зимних видах спорта: *сани, коньки*, но виды зимней деятельности расширились: *снеговик, горка, сноуборд, горные лыжи, уборка снега, купание в проруби, расчистка дорожек от снега, подледный лов* и т. д.; из наименований психологических состояний сохраняется реакция: *долгая зима*. В ассоциативном ядре остается очень важная этническая оценка: *русская зима* и прецедентные феномены: *Пушкин, Простоквашино*. Не зафиксированы в РАС такие

¹ Здесь и далее приводится буквальный перевод на китайский язык.

реакции, как *мандарин и салат оливье*, полученные в ходе проведенного нами эксперимента.

Сопоставление результатов, полученных при опросе русских респондентов в нашем эксперименте и полученных в исследовании О. Л. Чоудхури, показало совпадение наиболее частотных ассоциатов.

Нельзя согласиться с выводами Цзу Сюецин о том, что в китайской языковой картине мира зиме более свойствен философский смысл, а в русской языковой картине мира ярче выражена религиозная идея. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что зима и в русской, и в китайской языковых картинах мира воспринимается философски. Но если в русской языковой картине мира это в большей степени житейская философия, сформированная народным опытом, то китайское восприятие зимы обусловлено конфуцианством.

В результате проведенного эксперимента было установлено, что ассоциативно-вербальное поле «Лето» также отличается большим объемом ассоциаций как в русском языковом сознании (506 единиц), так и в китайском (383 единицы). Полученные ассоциаты и в русском, и в китайском языке были классифицированы по 21 тематической подгруппе. Но состав подгрупп в этом фрагменте двух языковых картин мира не совпадает. В русском ассоциативно-вербальном поле выделяются лакунарные для китайского языкового сознания группы «Наименования транспорта» и «Наименования лиц». В то же время в ассоциативно-вербальном поле китайского языка присутствует лакунарная для русского поля группа «Этнические ассоциации».

Общими реакциями для русских и китайцев являются, например, следующие: *солнце, жаркое, сухое, глубокое небо, зеленый, цветы, трава* и т. п.

Наиболее яркие различия в анализируемых ассоциативно-вербальных полях отмечаются в лексике, номинирующей восприятие явлений природы, названиях видов деятельности и активного отдыха, наименованиях еды и напитков (для русских: *зелень, ягоды, шашлыки, малина, квас*; для китайцев: *арбуз, мороженое, холодный чай, каша, шашлык*), праздников и их атрибутов (для русских — государственные праздники: *праздник Нептуна (День Военно-Морского Флота), День России*; петербургские праздники: *праздник «Алые паруса», день рождения Петербурга*; христианские праздники: *Троица, Петров день, Ильин день, Яблочный Спас, Медовый Спас*; языческий по происхождению праздник *Ивана Купала*, для китайцев — государственные праздники: *Международный день защиты детей, День создания Народно-освободительной армии Китая, День основания Коммунистической партии Китая, праздник Первого Мая, День образования Китайской Народной Республики*; традиционные: *Праздник начала лета (Дуаньюэцзе), праздник Циси (праздник Сороки), фестиваль «Летнее солнцестояние», Праздник блуж-*

дающих (голодных) духов; местные праздники: *пивной праздник, Праздник лотоса*.

Цзу Сюецин пришла к выводу о преобладании в языковом сознании китайцев ассоциаций, связанных с государственными летними праздниками — *Международным днем защиты детей, Днем основания Коммунистической партии Китая и др.* Полученные нами результаты опровергают выводы диссертационного исследования Цзу Сюецин, так как среди ассоциаций китайских респондентов оказалось большое количество реакций, связанных с традиционными праздниками.

Различия также отмечаются в наименованиях растений (для русских: *трава, ромашки, роза, шиповник, сосны, кашка, клевер, кипрей*; для китайцев: *лотос, лист лотоса, зеленый лист*); наименованиях животного мира (для русских: *мухи, комары*; для китайцев: *цикады, лягушка, комар*). Таким образом, в русском сознании больше ассоциаций с яркими цветами и зеленью. А *арбуз, каша, лягушка, цикада, лотос* считаются отличительными признаками лета в китайском сознании. Лето очень жаркое, у людей нет аппетита, вместо риса люди чаще едят кашу. Когда наступает лето, во многих прудах цветут лотосы.

В ассоциативно-вербальном поле китайских респондентов выделяется такая группа, которая является лакунарной для русских, — «Этническая ассоциация»: *Хуася* (традиционное самоназвание Китая), *династия Ся*. Причиной появления этих единиц является то, что *Ся* буквально означает «лето».

Отдельно выделяется группа «Прецедентные феномены», в которую входят строчки из стихотворений и песен, названия литературных произведений, фильмов, пословиц.

Остановимся подробнее на наиболее объемных тематических группах — «Наименования явлений природы и их восприятие» и «Наименования видов деятельности и активного отдыха». Русские и китайцы ассоциируют лето с *солнцем и жарой*. Но для русских лето воспринимается в большей степени как *тепло*. После длинной зимы люди в России очень ждут лета (одна из самых частотных реакций — прецедентных высказываний — «лето — это маленькая жизнь»), у большинства русских людей отпуск летом. Летний отдых связан с *купанием, загаром, путешествием, рыбалкой, пикником и сборанием ягод*. Люди не только отдыхают и веселятся, но и наслаждаются природой и чувствуют запах разных растений, даже запах пыли. Например, в группе «Наименования запахов» были отмечены следующие единицы: *запах сена, запах свежескошенной травы, запах нагретой солнцем пыли на дороге, запах сосен в жару, одуряющий запах цветов*. В русском языковом сознании понятие «лето» включает даже мягкое, теплое начало осени, которое называется *бабье лето*. Вероятно, это связано с психологическим желанием продлить данное время года.

Для китайцев в первую очередь лето ассоциируется с такими явлениями природы, как *жара, знойная погода, палящее солнце, рыжее солнце, жгучее солнце, горячее солнце, горячая волна, горячий ветер, высокая температура, «собачьи дни»* (самый жаркий период в году). Из-за страшной жары в сознании китайцев выделяются конкретные температуры, например *38–39 градусов, 36 градусов, 37 градусов*, и др. реакции, которые мы отнесли в группу «Наименования теплоощущения», являющуюся лакунарной относительно русского ассоциативно-вербального поля.

Русские ассоциируют лето с *отдыхом, отпуском и дачей*. Лето — это приятное время в году, люди *путешествуют за границу, собирают ягоды и грибы, устраивают пикники на природе*. Несмотря на то что люди много трудятся на даче, ср. реакции: *поливать и полоть в огороде и в саду, посадить цветы*, для русских дача связана не с работой, а с отдыхом. Ассоциат *дача* связан с такими словами-реалиями, как *печка и баня*. Необходимость данных реалий вызвана отсутствием центрального отопления и горячего водоснабжения на «типичной» русской даче.

Ассоциация *пикник* совпадает у русских и китайцев. Русские любят устраивать пикники на природе, в любых живописных местах, которые им нравятся. В Китае же существуют специально отведенные для этого места, люди собираются вместе, чтобы полакомиться шашлыком и пообщаться.

Летом в Китае стоит страшная жара, от которой нужно спастись. Поэтому китайцы ассоциируют лето с *плаванием, играми в воде*, а также ср. ассоциации: *гулять в сумерки, ходить в тени деревьев с веером*.

Лето метафорически — это расцвет жизни, но результаты анализа ассоциаций показывают, что русские и китайцы воспринимают лето по-разному. Тематическая группа ассоциатов психоэмоциональной оценки различается в языковом сознании русских и китайцев: «лето» в русском сознании оценивается однозначно положительно (например, *радость, счастье, веселье, чудесное время, приятные воспоминания, любимое время года, приятные дни* и др.). Китайцы оценивают лето и положительно (например, *гармония, мечта, страсть*), и отрицательно (например, *вступительные экзамены в вуз, скука*). Дело в том, что в Китае *вступительные экзамены в вуз* проводились с 7 по 9 июля каждого года. Абитуриенты и выпускники назвали этот период «*черный июль*». (С 2003 года время экзаменов перенесли на июнь из-за высокой температуры и природных бедствий. Перенос времени экзаменов связан с тем, что многие абитуриенты пропускали экзамены из-за болезни.) Из-за вступительных экзаменов у школьников в средней школе нет развлечений и отдыха, только учеба. Для них это поле боя без дыма, которое изменяет судьбу человека. Им нужно выдержать

учебную нагрузку и давление со стороны родителей. Поэтому тот, кто пережил это время, не хочет вспоминать о нем. У русских такого отношения к экзаменам не наблюдается. У русских национально-культурная специфика восприятия лета выражается в том, что человек очень ценит такое короткое время года и не хочет упустить ни одной минуты лета, стремится активно планировать свою деятельность. В китайской лингвокультуре проявляется отношение к лету как к очень тяжелому природному периоду, например: *это жаркий сезон, остаться в комнате с кондиционером*. И, кроме того, лето — это *сезон борьбы за будущее*.

Сравнивая полученные в проведенном эксперименте результаты с данными «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова, необходимо отметить, что ядро русского ассоциативно-вербального поля не изменилось — сохраняются ассоциаты, называющие климатические особенности лета: *жаркое, теплое, знойное, яркое*. Сохраняется представление об отдыхе: *море, дача*, эмоциональные оценки: *приятное, šťastливое, прекрасные, веселые* и т. д., ожидание: *скорей бы*. Виды деятельности расширились (в нашем эксперименте получены такие реакции, как *путешествие, поездка, поездки за границу, в Европу*). В связи с тем что мы проводили эксперимент в Петербурге, появились новые группы ассоциатов: *развод мостов, тополиный пух, белые ночи, плавающий под ногами асфальт, горящие торфяники*.

Отдельному детальному рассмотрению были подвергнуты наиболее структурированные и ограниченные по объему лексико-семантические группы в каждой из двух лексико-тематических групп — наименования зимних и летних праздников. Был дополнительно проведен анализ контекстов употребления единиц данных ЛСГ по материалам Национального корпуса русского языка для выявления особенностей их семантики, синтагматических связей и прагматического компонента значения с целью определения соответствия полученных в ходе эксперимента ассоциатов и функционирования единиц ЛСГ в речи.

Приведем в качестве примера анализ зимних праздников.

Для русских респондентов реакциями-названиями зимних праздников являются пять: *Новый год, старый Новый год, Рождество, Святки, Масленица*, наиболее частотные из которых — *Новый год* и *Рождество*, а для китайцев — четыре: *Чуньцзе (Праздник Весны), Юаньдан цзе (Новый год), Праздник Юаньсяоцзе (Праздник фонарей), Лаба праздник (Праздник восьмого декабря по лунному календарю)*.

Проведем лингвокультурологический анализ наименований русских зимних праздников на фоне китайского языка, опираясь на результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента, данные Национального корпуса русского языка и словарей — этнолингвистического словаря «Славянские древности», краткой

энциклопедии славянской мифологии, большого лингвострановедческого словаря «Россия» и др.

Новый год — это государственный праздник, который в России отмечают в ночь с 31 декабря на 1 января. Этот праздник продолжается семь дней, с учетом нерабочих субботы и воскресенья. До XVIII века 1 сентября являлось началом нового года в России в связи с завершением цикла сельскохозяйственных работ, уборкой урожая и сбором с крестьян оброка. В 1700 г. царь Петр I издал указ праздновать Новый год по новому обычаю, т. е. 1 января. С этого времени люди стали украшать улицы и дома елками (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 393). Новый год — один из трех основных праздников (Рождество, Крещение, Святки) святочного периода, который содержит ряд обычаев и ритуалов, известных в составе рождественского и крещенского цикла. В отличие от Рождества и Крещения, содержательную основу которых составляют религиозные мотивы, Новый год воспринимается как светский праздник, как рубежная дата, определяющая благополучие всего наступившего года (Славянские древности 2004: 415).

Новый год — это один из самых главных, общих для всех людей праздников в России: «“Праздничность” Нового года в российском менталитете не подвергается никакому сомнению, Новый год — единственный праздник, который празднуют все; он беспроblemen по сравнению с другими праздниками» [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003]; «Новый год признается, по крайней мере открыто не отрицается, всеми конфессиями» [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003].

Это самый желанный и ожидаемый праздник для большинства людей. Ожидание Нового года — очень важная составляющая в русском языковом сознании: «Фразы типа “Скоро Новый год” мы говорим уже с середины ноября» [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003].

Популярность праздника связана с тем, что в новогоднюю ночь все ждут чудес, исполнения желаний: «Я не понимаю людей, которые не любят Новый год, по-моему, это самый волшебный праздник, когда сбывается всё-всё и возможны любые чудеса» [Светлана Ткачева. Новый год и звезды (2002) // «100 % здоровья», 2002.11.11].

С наступлением нового года связывается начало «новой» жизни, счастья: «Встречая новый год, мы друг друга приветствуем словами: “С Новым годом, с новым счастьем!”» [митрополит Антоний (Блум). Новогодний молебен (1988)].

Новый год в русском языковом сознании ассоциируется прежде всего с *елкой*: «*Елка* в Новый год, конечно, должна быть обязательно»

[Светлана Ткачева. Новый год и звезды (2002) // «100 % здоровья», 2002.11.11].

Новогоднюю елку украшают специальными игрушками, гирляндами, разноцветными лампочками, на верхушке дерева укрепляется шпиль или звезда, под елку ставят игрушечного Деда Мороза. Ср.: «Общение продолжилось в зале, где стояла *украшенная игрушками и блестящей мишурой елка*, вокруг которой еще совсем недавно кружились новогодний и рождественский хороводы» [Гостей в детдоме пригласили, чайком с вареньем угощали (2004) // Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.15].

Ср. ассоциации *елочное украшение, мишура, Дед Мороз под елкой, гирлянда, елочные украшения*.

Как самостоятельный атрибут Рождества (и лишь потом — Нового года) елка пришла в Россию в начале XIX века и к концу 1830-х гг. уже была непременным атрибутом рождественского праздника.

Культурологический комментарий новогодней елки как реалии удачно представлен в статье Олега Николаева: «Смысл новогодней елки в большей степени заключается не в ее присутствии в доме как праздничного символа, а в процессе ее покупки и украшения: выбор елочного базара; стояние в очереди; долгий выбор самой елки (елка должна выбираться долго, надо перебрать весь елочный завал, чтобы вернуться к первой елочке, которая сразу привлекла внимание); покупка елочных игрушек, доставание старых игрушек (часто сопровождающееся историко-семейными комментариями по поводу особо древних или любимых) и т. д. Красноречиво выглядит и временной план “елочного бытия”: елка обычно покупается задолго до Нового года, лежит на балконе, долго устанавливается и украшается (если сюда присовокупить покупку игрушек, гирлянд и само существование вопроса “А не пора ли поставить елку?”) — и может быть выброшенной уже 1 января» [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003].

Необходимо заметить, что елка может быть натуральной или искусственной: «Какая елка у вас будет в этом году — натуральная или искусственная?» [Марина Миславская. Диана Гурцкая: На свидание — в кино (2004) // «Амурский меридиан» (Хабаровск), 2004.12.22].

Дед Мороз — главный атрибут праздника, особенно для детей. Ср. ассоциацию *все Деду Морозу стихи рассказывают*.

Этот сказочный герой приходит на праздник к детям со своей внучкой Снегурочкой, приносит детям и взрослым подарки в большом мешке, дети читают ему стихи, поют песенки. Внешне этот персонаж выглядит как добрый дедушка, с длинной белой бородой, белыми волосами, одет в красную длинную шубу. Ср. контексты употребления имени этого сказочного персонажа в произведениях современной

художественной литературы и периодики: «Обычно Дед Мороз — положительный герой, добрый, веселый, с мешком подарков и красавицей внучкой Снегурочкой» [Темные силы против Масленицы // «Народное творчество», № 1, 2004]; «С длинной-предлинной такой бородой Вылитый сказочный “Дед Мороз” С елкой под мышкой саночки вез» [Елена Душечкина. Дед Мороз и Снегурочка // «Отечественные записки», 2003]; «А хозяином там я — белобородый кудесник-сказочник, властелин вьюг-метелей, снегов колючих да морозов трескучих — российский Дед Мороз» [С Новым годом! // «Мурзилка», № 12, 2002].

На детских праздниках, специально организованных мероприятиях — «новогодних елках» Дед Мороз и Снегурочка проводят различные конкурсы для детей, участвуют в спектаклях, дарят детям подарки: «Затем появляются Дед Мороз и Снегурочка: они вновь проводят конкурсы, дарят подарки» [Светлана Леонтьева. Детский новогодний праздник: сценарий и миф].

Создание Деда Мороза как обязательного персонажа новогоднего ритуала, по мнению Е. Душечкиной, приписывается советской власти и приурочивается к концу 1930-х годов, когда после нескольких лет запрета вновь была разрешена елка. Этот персонаж формировался в процессе поисков ответов на детские вопросы: откуда в доме берется елка, кто ее приносит, кто дарит подарки? [Елена Душечкина. Дед Мороз и Снегурочка // «Отечественные записки», 2003].

Новый год в русском языковом сознании ассоциируется также с *мандаринами, шампанским, салатом оливье, боем курантов*.

Мандарины долгие годы поступали в продажу из южных районов Советского Союза, в частности из Абхазии, Грузии. Поспевали они как раз к декабрю и были обязательным атрибутом новогоднего застолья. Запах мандаринов у подавляющего большинства русских информантов ассоциируется с этим праздником: «Фруктов не помню, мандарины, нестерпимо душистые, нам дарил жакт на Новый год» [Владимир Арро. Дом прибежища // «Звезда», 2002]; «Любимые друзья, любимые абхазские мандарины с советским шампанским» [Светлана Бабаева, Георгий Бовт. Две страны одного президента. Социальная база реформ грозит сузиться до слоя самих «реформаторов» (2002) // «Известия», 2002.12.15].

Мандарины, как и конфеты, вешают как украшения на елку: «Вместе с мамой мы оборачивали *мандарины* и грецкие орехи серебряной бумагой и тоже вешали на елку, а внизу родители прятали подарки» [Лидия Вергинская. Синяя птица любви (2004)].

Таким же неизменным атрибутом новогоднего стола являются и разнообразные традиционные праздничные закуски — салат оливье, заливная рыба или мясо, красная рыба, икра, мясные деликатесы, пироги и шампанское, бокалы с которым поднимают, поздравляя друг

друга с Новым годом ровно в полночь и загадывая желание: «И вы судорожно крутите проволочку на *шампанском*, и вот-вот зазвонят часы, и у вас в голове: “Ого-о... так, так, так, так, так... вот уже сейчас, прямо шас, шас, надо загадать желание... чего же я хочу, че хочу... — и вслух: — Ребята, ребята, давайте стаканы, стаканы...” — и в это время часы — бабам! *шампанское* — бабах! все — ура!» [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)]; «И опять же — коллекционируются рецепты, обсуждаются разные кулинарные изыски, принимается коллективное решение отказаться от стандартных салатов — в результате на новогоднем столе появляются с ритуальной неизбежностью *салат оливье*, селедка “под шубой” и т. д.» [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003].

Наступление Нового года символизирует бой кремлевских курантов, за десять минут до полуночи по всем радио- и телевизионным программам транслируется новогоднее поздравление народу России от руководства страны, в последние годы — президента страны: «Все налили себе и под далекий *бой кремлевских курантов*, прорывавшийся сквозь треск ночного эфира, выпили за Новый год и за победу» [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]. Ср. также ассоциацию *речь президента РФ*.

Это преимущественно семейный праздник, хотя многие молодые люди предпочитают встречать его в кругу друзей (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 393).

В последние годы в новогоднюю ночь на улице слышны взрывы петард и хлопушек, люди жгут бенгальские огни. Этим обусловлено и появление ассоциации *бенгальские огни*.

Юаньдан цзе отмечают первого января, «юань» обозначает «первый», «дан» значит «день». Этот праздник в Китае существует уже более 3000 лет. Раньше Юаньдан отмечали по лунному календарю, сегодня это Праздник весны, который является китайским Новым годом. Когда в Китае начали использовать солнечный календарь, правительство издало указ, что 1 января — начало Нового года, но данное число не называется «Новый год». Но народ не признал такого начала нового года, и люди следовали старым привычкам и традициям. Таким образом, после создания Нового Китая китайцы назвали первый день лунного месяца «Праздник весны», а 1 января по новому календарю — «Новый год».

К новогодним праздникам в России относится и встреча так называемого старого Нового года, то есть Новый год по старому календарю. В XX и XXI веках этот праздник приходится на полночь между 13 и 14 января по новому стилю. После перехода на новый стиль старый Новый год продолжает по традиции неофициально отмечаться в России (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 394).

Само название праздника является оксюмороном. Но, как свидетельствуют данные собранной нами картотеки, «Никого не удивляет сочетание: *старый Новый год*. То есть по старому стилю. Но смысл мудрый — старый Новый год» [Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник», 2004.04.15].

Старый Новый год — это вообще особенный праздник, потому что в России старый Новый год связан не только с сохранением традиции, с тем, что Русская православная церковь отмечает праздники по старому календарю, но и с тем, что, как свидетельствует периодическая печать, «31 декабря празднование получается все-таки более официальным, а вот на *старый Новый год* — более камерным, для души» [Юрий Богомолов. Новый год на трезвую голову. Праздничное телевидение наводит на мысль (2003) // «Известия», 2003.01.12]. Ср. также: «*Старый Новый год* они в семье любили даже больше, чем законный Новый» [Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978)].

Этот праздник существует только в России, поэтому в материалах нашей картотеки он часто называется «*русский старый Новый год*»: «Следующая наша встреча с Сережей произошла через месяц, это было 13 января, соответственно 90-го года, под *русский старый Новый год*» [Николай Климонтович. Далее — везде (2001)]; «С Ритулей мы встретились совсем неожиданно — в Нью-Йорке, на *русский старый Новый год*, в одном эмигрантском доме, и она воскликнула как ни в чем не бывало: «Николя, мы часто вспоминали тебя — и я, и Гуля, и Ольга» [Николай Климонтович. Дорога в Рим (1991–1994)].

Русские отмечают *старый Новый год* по нескольким причинам, которые называются в анализируемых нами контекстах: «Старый Новый год буду отмечать обязательно, потому что я *приверженец наших хороших старых традиций*» [Юрий Богомолов. Новый год на трезвую голову. Праздничное телевидение наводит на мысль (2003) // «Известия», 2003.01.12]; «*Старый Новый год — это хорошая возможность просто посидеть, пообщаться с друзьями*» [там же].

Новый год молодое поколение любит праздновать на дискотеках, на улицах и площадях. Это шумный праздник. Старый Новый год празднуется в семье, это домашний праздник. Вся семья собирается за столом у елки, за праздничным ужином со свечами, разговорами о планах на год, загадыванием желаний.

Зимние праздники в русском языковом сознании ассоциируются еще с одним важным праздником — *Рождеством Христовым*. Это один из двенадцатых праздников, установленный в честь рождения Иисуса Христа. На Руси Рождество начали отмечать в X в., оно стало одним из самых веселых праздников в народной среде и в высших слоях общества. В советское время церковь в России была отделена от государства и церковные праздники официально не праздновали. Однако

старшее поколение в русской семье всегда отмечало Рождество Христово. С 1992 г. Рождество отмечается и как традиционный общегосударственный праздник (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 473).

Елка считается важнейшим и очевидным атрибутом как для Нового года, так и для Рождества. Однако, согласно традиционной точке зрения, «Елка — это Рождество, а не Новый год!» [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый мир», 1990]. Традиция украшать дома елкой появилась, вероятно, в начале XVI в. Первое документальное свидетельство о новом обычае относится к 1521 г., когда власти французского города Селеста поручили леснику срубить для них елку [Н. Ю. Феоктистова. Новогодняя елка // «Первое сентября», № 1, 2003].

Праздник Рождества традиционно был жданным и любимым: «Я очень любил Рождество и елку, и до сих пор осталось ощущение чего-то сказочного, праздничного» [Зоя Масленникова. Разговоры с Пастернаком (2001)], поэтому многие воспринимают возвращение этого праздника в жизнь русских людей как положительное явление: «Лучший подарок — еще один праздник: забытое волшебное Рождество, которое всё увереннее возвращается в наши семьи» [Анастасия Крячко. Дорожка к Рождеству (1997) // «Здоровье», 1997.12.15].

Этот праздник обычно является «домашним»: «Православное Рождество, которое лишь с недавних пор вновь стало всеобщим выходным днем, на фоне некоторой усталости от праздников отмечается достаточно камерно, тихо, обычно в семье» [Катя Метелица. Зима (1997) // Столица, 1997.12.08].

Обычно на Рождество стоит морозная зимняя погода, «рождественские морозы». Именно с такой погодой у большинства русских ассоциируется этот праздник: «*День был исключительно морозный, как и полагается на Рождество*, и при этом совершенно бесснежный, отчего мороз казался еще круче» [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)]; «*Слякотная, ненастоящая зима, словно устыдившись, встречала Рождество заказным календарным морозом*» [Людмила Улицкая. Гуля (1993)]; «*Мороз, и снег при луне блестит, как в Рождество*» [М. М. Пришвин. Дневники (1926)]. По тому, какая стояла погода в рождественские праздники, можно было предсказывать урожай: «*Осенью висела на лугах паутина, зимой в Рождество иней был, значит, год урожайный*» [М. М. Пришвин. Дневники (1926)].

Традиционное представление о празднике Рождества хорошо отражено в следующих контекстах: «Было Рождество — веселое морозное Рождество с жареным гусем, ангелами из ваты и старой елкой» [Виктор Кин. По ту сторону (1928)]; «Он всегда любил Рождество, и память связывала в одно и елку, и подарки, и аромат апельсинов, и кутю,

и тихий вечер, и груды лакомств» [Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)]; «А когда она умывалась, остаток давнего детского чувства, — радость, что сегодня Рождество, вдруг шевельнулась в ее груди, и после этого стало легко, свободно и чисто на душе, как будто и душа умылась или окунулась в белый снег» [А. П. Чехов. Бабье царство (1894)]; «Уже накрывается длинный стол в задней комнате, и хотя руки дворового официанта Андрея не совсем чисты, но, судя по хлебосольным привычкам хозяина, нельзя сомневаться, что на столе будет и свежая осетрина, и жирный зажаренный лещ, и все, одним словом, что приличествует кануну такого великого праздника, как Рождество Христово» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Для детского возраста (1863)].

Русские празднуют Рождество по-разному: верующие ходят в церковь на праздничную службу, которая всегда особенная, торжественная, красивая, с церковным хором, который исполняет гимны в честь Рождества, написанные великими русскими композиторами. В настоящее время в Рождество церковь посещают в обязательном порядке государственные деятели, в том числе идет трансляция службы и по телевидению на всех центральных каналах. Русские, кто не ходит в церковь, смотрят службу по телевидению или праздничные программы на других каналах. В этот день всегда показывают очень хорошие фильмы, проводят концерты популярной, любимой всеми музыки. Когда семья собирается за столом, то стол отличается обилием и особенными некаждодневыми блюдами, например: холодец, утка с яблоками, пироги с рыбой, блины с икрой и др.

В последние годы на бытовом уровне празднование Рождества происходит в России практически дважды: первый раз — 25 декабря вместе со многими христианскими странами, второй раз — 7 января по русскому православному обычаю. Это явление объясняется отчасти глобализацией: «Католическое, или западное, Рождество отмечают в Москве как светский праздник» [Катя Метелица. Зима (1997) // «Столица», 1997.12.08]; «Вообще, западное Рождество в православной Москве склонны рассматривать как прелиминарии предстоящего главного праздника» [там же]; «Вот, например, в прошлую субботу Никита Стеркин в кругу своих самых близких людей — школьного друга Михаила и своей возлюбленной Екатерины — отметил наступление Нового года, а заодно и католическое Рождество» [Ольга Демьянова. Нездоровье (1997) // «Столица», 1997.12.22].

Как и на Новый год, на Рождество в городах проводятся увеселительные мероприятия, ср.: «В Рождество, 7 января, с 14.00 до 20.00 на Васильевском спуске пройдут народные гулянья с розыгрышем призов и снежными забавами» [Геннадий Анисимов. Централизованный затор. ГИБДД советует автомобилистам на праздники стать пешеходами (2002) // «Известия», 2002.12.29]. Хотя «И западное Рожде-

ство, и государственный праздник Нового года приходится на срок православного Рождественского поста, когда возбраняются не только вечеринки, гулянки и питье, но и употребление скоромной пищи» [Катя Метелица. Зима (1997) // «Столица», 1997.12.08].

Но отношение к религиозной составляющей праздника у современных носителей русского языка очень разное, как и к телевизионной трансляции первых лиц страны во время церковной службы. Большинство молодежи и людей среднего возраста воспринимают только внешнюю сторону Рождества, празднование его — это во многом дань моде, ср. контексты из нашей картотеки: «Само слово «Рождество» пробилось в бытовой контекст благодаря ауре начинающегося тысячелетия, разветвилось на западное и православное и принялось избавляться от духовной сущности, чтобы беззастенчиво, как нувориш какой-то, кичиться своей позолотой, вошедшей в моду» [Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003]; «Каково истинное место православия в сознании народа, который когда-то с гордостью называл себя богоносцем, потом на протяжении многих десятилетий жил в богоборческом государстве, а теперь каждое Рождество видит на экране телевизора первые лица страны в православном храме?» [Дмитрий Фролов. Пиррова победа православия (2003)]; «По меткому выражению одного из современных богословов, нашу паству можно разделить на «прохожан», то есть тех, кто по долгу служебного положения приходит в церковь на официальные мероприятия или из любопытства; «захожан» — тех, кто приходит на Пасху, Крещение и Рождество, чтобы освятить куличи или набрать крещенской воды; и, наконец, настоящих прихожан, тех, кого можно назвать, по слову апостола, «народом Божиим» [архиепископ Иоанн (Попов). Миссионерское служение (2002)]; «В нашей стране нынче Рождество каждый проводит, как разумеет, — то ли как еще один выходной в долгой череде праздников, то ли как лишний повод выпить-закусить...» [Алия Зиганшина // «Вечерняя Казань», 2003].

В Рождество и верующие, и неверующие русские люди набирают в церкви «святой воды», обладающей целебными свойствами, т. к. «По старинному русскому поверью, в ночь на Рождество вся вода становится святой» [Андрей Битов. Дежа вю (2002)].

Ср. ассоциации *посещение службы в храме в Рождество, святить воду*.

Рождество является праздником как в русском, так и в китайском сознании. Но отношение к нему совсем разное в сознании носителей русского и китайского языков. В прошлом китайцы не праздновали этот праздник, но сейчас всё больше и больше людей в крупных городах начинают его отмечать. В крупных городах Китая одна треть населения празднует Рождество. Этот праздник, возникший на Западе,

стал почти таким же важным в Китае, как традиционный китайский Новый год. Но Рождество важно только для торговых компаний — с целью повышения потребительских расходов. Таким образом, бизнесмены превратили его в коммерцию. Его реальное значение было полностью утрачено. Тем не менее молодые люди по-своему отмечают этот праздник и даже начали формировать новые обычаи, такие как в сочельник дарить яблоко, символизирующее благополучие.

В дореволюционном российском быту *Святки* — это 12 дней зимних праздников, которые начинаются с Рождества и заканчиваются Крещением, т. е. с 7 по 19 января (Краткая энциклопедия славянской мифологии 2001: 484).

Святки — это «святые дни», в которые славяли, прославляли Христа, Новый год, будущий урожай, поздравляли друг друга, всех родных, знакомых, соседей, желали здоровья, счастья, всего наилучшего: «Считается, что святочные недели — «модель» года, как Святки пройдут — такой и год будет» [Ольга Шотландия. Январь // «Пятое измерение», 2003].

Это веселый праздник: «Отгуляли Рождество, наступили *веселые Святки*, или Коляды» [Михаил Шелехов. Я изменю мир! (2004) // «Наш современник», 2004.08.15]; «Скоро праздники, *Святки*, — воображаю, как весело будет...» [Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. Часть 3 (1928)].

Святки имеют два основания: христианское и языческое, поэтому празднование на Святках представляло собой смешение языческих и христианских обрядов.

В христианской традиции Святки — это празднование Рождества Христова: «Идут Святки, святые дни, они так зовутся от святости той радости, которая наполняет их» [Михаил Селищенский. Из рукописного наследия протоиерея Михаила Селищенского (1923–1924) // «Журнал Московской патриархии», 2003]. В православной церкви каждый день проводятся службы, посвященные Иисусу Христу.

Для народа, для крестьян отличительным атрибутом Святков были магические обряды, гадания, приметы. Святки в народном представлении «считались «временем без креста» — Иисус родился, но еще не крещен» [Ольга Шотландия, «Пятое измерение», 2003].

Считалось, что на Святки души предков посещают свои дома, поэтому в это время специально для умерших готовили поминальную пищу (обрядовый хлеб, кутью, блины), оставляли на столе остатки ужина, а также жгли костры у ворот, полагая, что умершие родители прилетают к ним обогреться (Краткая энциклопедия славянской мифологии 2001: 484). Празднество Святков сопровождалось обращением к душам предков, гаданием о будущей судьбе: «Святки связаны с пением, гаданием и переодеваниями — и всего этого здесь в избытке»

[Алексей Филиппов. Путешествие Анатолия Васильева. Спектакль по мотивам «Евгения Онегина» в «Школе драматического искусства» (2003) // «Известия», 2003.01.20]. Святочные гадания — это остатки языческой обрядности и являются неотъемлемой частью этого праздника.

По народным обычаям, гаданию посвящали целую неделю Святков, начиналась она с Рождества Христова и заканчивалась Крещением. Гадание, как правило, происходило после Рождества, с 11 до 12 ночи, при свечах. Предварительно фанты с предсказаниями писались на бумажке и сворачивались в трубочку. Сначала три раза пелась песенка подблюдная, которая называлась так потому, что гадание совершалось над блюдом. Потом тянулся из мешочка фант, обязательно левой рукой, и гадающий читал и узнавал свое будущее. Не надо всё понимать буквально, предсказания иногда иносказательны. Гадание проходило всегда весело, шумно, обсуждалось всеми собравшимися (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 474).

Девичьи гадания занимают самое видное место среди святочных гаданий. Гадали обычно при помощи различных вещей, животных и т. п.; нередко гадали по звукам и т. п. (Краткая энциклопедия славянской мифологии 2001: 202). Так, например, во многих местах девушки гадали следующим образом: «чья свеча заплывет дальше, та девушка будет счастливее всех» [К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)]. Вот как описал гадание фольклорист-сборатель И. П. Сахаров: «Нянюшки с вечера обсевают золой башмаки и прячут под кровати, утром девушки встают и смотрят: на чьих башмаках будет больше золы, тем предрекается большее богатство» [Русские пословицы и свадебный ритуал (2003) // «Народное творчество», 2003.08.18].

Святки праздновались всеми, но в основном это был праздник молодежи. Хождение ряжеными тоже являлось отличительной чертой всего праздника Святков. Ряженные — обрядовое и игровое переодевание с использованием масок и других приемов изменения внешнего вида. Ряженные чаще всего изображали животных (козу, коня, тура, медведя, быка, журавля, аиста и т. п.) либо персонажей потустороннего мира («деда», «бабу», смерть, покойника, чудовище и др.), а также персонажей нечистой силы (черта, ведьму, русалку, кикимору и т. п.). В некоторых местах рядились также в святых (Андрея, Варвару, Николая, ангелов и т. д.); нередко ряженные могли изображать и иностранцев, «чужих» (цыган, евреев, барина, солдата, нищего, странника и др.) (Краткая энциклопедия славянской мифологии 2001: 463; Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 470). Ряженные представляют собой традиционное развлечение: «Выворачивали кожуки и играли на Святки во всяких зверей — медведей, рысей и зубров» [Михаил

Шелехов. Я изменю мир! (2004) // «Наш современник», 2004.08.15]. Все ряженые, кроме одетых в святых, старались выглядеть пострашней, устраивали потасовку. Но «запрещаются маски и переодевание в костюм другого пола, так как всё это подделка, двусмысленность, фальшь» [А. В. Ельчанинов. Записи (1926–1934)].

О традиционном праздновании Святков дают представление следующие контексты из нашей картотеки: «В тепло натопленных уютных комнатах этих усадеб весело, еще по-старинному, проводились Святки с ряжением и гаданьем, с ночными катаньями по скрипучему снегу в крещенский мороз, когда занесенные снегом поля искрятся и сверкают на месяце пухлой холодной пеленой» [П. С. Романов. Русь (1922)]; «И целые Святки не убирались закусовые столы с винами, окороками, колбасой, маслянистым сыром и всякими орехами на железных подносах, покрытых прозрачными вязаными салфеточками, такими же, что на угольниках» [П. С. Романов. Русь (1922)]; «А тут Святки, театры, концерты, катанье на «голубях» — парных санях за заставу» [П. Д. Боборыкин. Однокурсники (1900)].

Традиции гадания сохраняются и в наши дни: «Сегодня решила погадать (Святки все-таки)... расческу под подушку положила, всё, что положено, сказала... просыпаюсь...» [Что тебе снится, крейсер «Аврора»? (форум) (2007.01.04)].

Прошли Святки, и наступает *Масленица* — языческий многодневный праздник проводов зимы у древних славян и других народов, приуроченный христианской церковью к неделе перед Великим постом и отмечаемый печением блинов и различными увеселениями (МАС 1999: 232). Этот традиционный праздник маркирует в народном календаре границу зимы и весны, а также мясоеда и Великого поста (Славянские древности 2004: 194). Самая ранняя Масленица приходится на конец января — начало февраля (по старому стилю), а самая поздняя — на конец февраля — начало марта. Название «Масленица» возникло потому, что на этой неделе по православному обычаю мясо уже исключалось из пищи, а молочные продукты ещё можно было употреблять (Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Т. 2. 2009: 231). Об этом свидетельствует и периодическая печать: «Масленица потому так названа, что русским в течение этой недели позволяется вкушать коровье масло, ибо они во время поста вместо коровьего употребляют конопляное в кушанье» [Масленица // «Отечественные записки», 2003]. Русский ассоциирует Масленицу с зимой, потому что Масленица обозначает прощание с зимой. Масленица — исконно русский праздник, сохранившийся с языческих времен. Это один из любимых, веселых, разгульных, истинно народных праздников еще со времен язычества: «Масленица — один из любимых народных праздников в России» [Ольга Акулова, Герман Арутюнов.

«Широкая Масленица» в Москве (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16]; «Масленица — праздник на Руси веселый, озорной, отчаянный, долгожданный, всеобщий» [Масленицы бойкой кипит широкий пир (2003) // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.03.03].

Масленица до XIV в. была для предков русских людей началом нового года. Масленица — это древнеславянское имя забытого мифологического персонажа, олицетворявшего мрак, ночь. Со временем Масленица утратила мистический смысл и превратилась в массовое народное гулянье. В советский период российской истории народ тоже отмечал этот праздник, но гораздо скромнее, чем до Октябрьской революции 1917 г. Сегодня в России принято широко отмечать Масленицу. Праздник проходит в парках, на городских площадях, на территории этнографических музеев (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2009: 348). Ср.: «Можно сказать, Масленица — это карнавал по-русски» [Ирина Вакштейн. Не все коту Масленица (2003) // «100 % здоровья», 2003.01.15].

Этот праздник остался даже после принятия христианства на Руси. Причем его считают народным праздником, а не праздником христианской церкви, поскольку христианского переосмысления Масленица не получила. С приходом православия Масленица стала предвестницей Великого поста перед Пасхой, и оттого празднование ее стало еще более масштабным, чем прежде. «В народном быту Масленица слывет *честною*, а по разгульности и раздолью *широкою*, так как русский человек в эти дни предается *широкому разгулу*» [Масленица // «Отечественные записки», 2003]. Ср.: «Масленицы бойкой кипит широкий пир» // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.03.03.

Праздник стал именоваться «Масленица» с XVI века. Это пробуждение природы от зимнего сна означало начало полевых работ. И доныне Масленица живет как проявление надежды на год урожайный, сытый, потому она была и остается обильной и очень сытной. В течение этого праздника едят много мяса. Но у Масленицы ещё есть другое название — Сырная седмица (неделя) или Сырница. Потому что в среду и пятницу едят сыр и яйца: «В церковных книгах Масленица называется сырною неделею, подобно всей предшествующей седмице, на которой в среду и пяток едят сыр и яйца, в отвращение предания Яковитской и Гетрадитской ереси» [Масленица // «Отечественные записки», 2003].

Праздничный день начинался с утра, люди торопились на святилище на высокое место, где уже подсохла земля. Поодаль от святилища и на перекрестках дорог рассыпали зерно. На столы ставили горячие блины и пироги, овсяный кисель, меды, квасы и закуски. Блины

имели магическое значение: горячие и круглые, они символизировали солнце (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2009: 347). И люди угощали друг друга блинами, потому что это главное угощение на Масленицу, ср.: «У меня записана интересная беседа с одним русским ученым о происхождении блинов. Масленица — это праздник поедания солнца. Его заклинали хороводными плясками, затем кушали его изображение — блины» [А. Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга третья. Хмурое утро (1941)]. После этого торжественно везли к капищу на шесте соломенное чучело Масленицы. Чучело Масленицы, наряженное в женские одежды, ввозили на гору с зазыванием «Приехала в гости Масленица на широкий двор» [Ирина Агаева. Куклы (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16] и «Приезжай к нам, честная Масленица, широкая боярыня, на горках покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться» [Ольга Акулова, Герман Арутюнов. «Широкая Масленица» в Москве (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16]. К персонифицированной Масленице обращались: «душа моя Масленица, перепелиные косточки, бумажное житье, сахарные твои уста, сладкая твоя речь, красная краса, русская коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка, киночка, ясочка, ты же моя перепелочка» [Масленица // «Отечественные записки», 2003]. Масленицу делали из соломы или лыка, но обязательно использовали дерево — тонкий ствол березы. Вечером увозили за околицу и сжигали: «Масленица вместе с прошлыми невзгодами должна сгорать дотла, иначе обряд теряет смысл» [Ольга Акулова, Герман Арутюнов. «Широкая Масленица» в Москве (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16].

Праздник продолжается целую неделю, и каждый день этой праздничной недели имеет свое название и свое содержание. Если первую половину недели еще можно было заниматься хозяйством, то с четверга работать запрещалось, и начиналась «широкая Масленица». За каждым днем Масленицы были закреплены определенные действия, правила поведения, обряды и т. д. Так, понедельник масленичной недели именовался «встречей», вторник — «заигрышем», среда — «лакомкой», «разгулом» или «переломом», четверг — «широким», «разгуляем», пятница — «тещинными вечерами», суббота — «золовковыми посиделками» или «проводами», а воскресенье — «прощеным днем» или «заговеньем» (Краткая энциклопедия славянской мифологии 2001: 345).

Традиция праздновать Масленицу сохраняется и сейчас, проводятся всенародные гулянья, во время которых катаются на санках, играют, поют и танцуют (Россия: Большой лингвострановедческий словарь 2007: 347). В парках устраивают сжигание чучела Масленицы, проводят выставки: «Поистине широко прокатилась Масленица

по Всероссийскому выставочному центру в воскресные дни Масленной недели, где развернулась ярмарка Кубанской сельскохозяйственной продукции «Кубань — москвичам» [Ольга Акулова, Герман Арутюнов. «Широкая Масленица» в Москве (2004) // «Народное творчество», 2004.02.16].

С Масленицей, с широким сытным ее разгулом связаны многие пословицы и поговорки: «Как на Масленной неделе в потолок блины летели», «Без блина не Маслена», «На горках покататься, в блинах поваляться», «Не житье, а Масленица», «Хоть с себя все заложить, а Масленицу проводить», «не житье, а Масленица»: «Мне было у нее не житье, а Масленица; чего хочешь, того просишь: пить, есть, всего по горло» [О. М. Сомов. Сказки о кладах (1829)].

Но Масленица кончается, и начинается Великий пост, о чем свидетельствует поговорка «Не всё коту Масленица (будет и Великий пост)»: «Но это должно было когда-нибудь быть, потому что говорят по-русски: *не всё коту масленица*, должен и пост быть» [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Перейдем к рассмотрению ассоциаций носителей китайского языка, связанных с традиционными китайскими праздниками.

Чуньцзе — это китайский Новый год по традиционному лунному календарю, он является самым важным и торжественным праздником для китайцев. В этот день вся большая семья собирается вместе и празднует. Те, кто находятся далеко от дома, спешат вернуться домой для встречи с родными.

Юаньсяоцзе — этот праздник отмечается на 15-й день первого месяца по лунному календарю. Этот день приходится на первое новолуние в новом году и считается последним днем празднования Нового года. Название этого праздника связано с важным обычаем — к этому празднику обязательно готовят особое блюдо *юаньсяо*. Оно представляет собой маленькие шарики из рисовой муки с различной начинкой: из сахара, масла, грецких орехов, кунжута, роз, пюре из фасоли или фиников. Эти сладкие шарики едят в качестве десерта. *Юаньсяо* также называют *таньюань*, что созвучно *туяюаньн* — «встреча после разлуки». Такое название символизирует, что семья будет всегда вместе, будет жить долго и счастливо. У этого праздника есть еще одно название — *Дэнцзе (Праздник фонарей)*, потому что в этот день вечером будут выставлены разноцветные блестящие фонари различной формы. Люди гуляют по улицам, любясь фонарями.

Праздник лаба — это восьмой день последнего месяца года по лунному календарю. В этот день во многих домах готовят ароматную кашу — «лабачжоу», в состав которой входят восемь видов продуктов или фруктов. Например, клейкий рис, чумиза, зерна иовлевых слез, финики, семена лотоса, красные бобы, плоды «луньянь», семя гинкго

(в переводе с китайского — «серебряный абрикос» или «серебряный плод») и т. д. В разных местах есть разные традиции, готовят сладкий или соленый «лабачжоу».

Русские ассоциируют зимние праздники с *Дедом Морозом, елкой, гаданием, речью президента, Крещением, ряжеными, Святками, Масленицей, курантами, хлопушками, елочными украшениями, гирляндами, рассказыванием стихов Деду Морозу, праздничным столом*. А для китайцев важны (и, соответственно, выступают как ассоциации) *новогодний обед в честь встречи всей семьи после разлуки, традиция дарить деньги детям на праздник Весны, обычай вешать фонарики, парные надписи, посещение цветочного рынка, оконное украшение из бумажной вырезки, названия кушаний, имеющие символическое значение*.

Новогодний обед в честь встречи всей семьи после разлуки: ночь перед китайским Новым годом — для китайцев самый важный момент. Вся семья собирается за праздничным столом к новогоднему ужину, готовят разнообразные блюда, и у каждого блюда есть особое значение. Например, для новогоднего ужина необходимы блюда из куриного мяса, рыбы и «доуфу» — соевого творога, потому что в китайском языке названия этих продуктов созвучны со словами, означающими «счастье» и «достаток».

Традиция дарить деньги детям на праздник Весны: в Китае детям принято дарить красные конверты с карманными деньгами. В народе известна такая легенда: в канун Нового года чудовище, которое зовут Суи, угрожает детям. А дети могут подкупить чудовище, для того чтобы отвести беду. Помимо того, младшее поколение дарит старикам деньги и желает им долголетия. Суи созвучно с «возраст», а означает «зажать возраст, возраст не повышается».

По традиции в новогоднюю ночь люди не спят и бодрствуют до утра. Этот обычай существует с древних времен, и суть его в том, чтобы отогнать злых духов от домов. Во время бодрствования люди готовят кондитерские изделия и фрукты. Всё приготовленное имеет свое особенное значение, например: финик (весна рано наступит), сушеная хурма (всё в порядке), миндаль (счастливый человек), арахис (долговечная жизнь), новогоднее рисовое печенье (выше год за годом).

Обычай вешать фонарики — это важный обычай на праздник Юаньсяоце, перед входом у каждого дома вешают два больших красных фонаря. Китайский фонарь не только используется для освещения, но и выступает как праздничная символика.

Клеить парные надписи означает, что на все дверные рамы наклеивают каллиграфические надписи, выполненные черной тушью на красной бумаге. Каждой надписи должно быть по две. Содержание надписей — желания хозяина дома или добрые пожелания на Новый год.

Посещать цветочный рынок. Перед Новым годом люди посещают цветочный рынок. Цветочный рынок обычно открывается за три дня, с 28 декабря до кануна праздника Весны. А цветы символизируют большое счастье и блестящее будущее.

Поздравлять родных с Новым годом. С наступлением новогоднего утра люди надевают нарядную одежду. Молодые кланяются в ноги старшим, поздравляют их с праздником и желают им долголетия.

На севере Китая на Новый год принято есть пельмени, а на юге — «няньгао» (ломтики, приготовленные из клейкого риса). По традиции «няньгао» включают два разных цвета — золото и серебро и символизируют пожелание богатства. Еще «няньгао» созвучно со словами «год за годом выше», поэтому есть скрытый смысл: работа и качество жизни улучшаются с каждым годом. Еще одна ассоциация носителей китайского языка — *есть «хуогуо»*. «Хуогуо» — это национальное специфическое блюдо (острый или неострый бульон, в котором варят продукты — мясо, овощи и др., но бульон не едят). Едят «хуогуо» на седьмой день по лунному календарю. В него обязательно входят: сельдерей (символизирует трудолюбие), чеснок (умение считать), лук (умный), кинза (дружеские отношения между людьми), лук-порей (долговечное счастье), рыба (иметь избыток), мясо (достаток).

Оконное украшение из бумажной вырезки. Это популярное народное искусство. «Вырезной рисунок из бумаги» обычно клеят на окне, поэтому он называется «оконное украшение». Содержание оконного украшения очень богатое, и тематика широка. Большинство людей, которые покупают «оконное украшение», являются крестьянами, поскольку многие «оконные украшения» отражают жизнь крестьян. Например, вспахать и посеять, прясть и ткать, ловить рыбу, пасти овец и т. д. Кроме того, тема «оконного украшения» включает мифы, легенды, сюжеты оперы и драмы, а также цветы, птиц и восточно-зодиакальный знак года рождения. В период Нового года окна украшают яркими бумажными узорами, которые символизируют пожелание счастья и богатства.

Таким образом, зимние праздники, как показал проведенный анализ, по-разному представлены в русской и китайской языковых картинах мира, языковом сознании носителей русского и китайского языков в силу культурно-бытовых различий, традиционного уклада жизни, философии, искусства.

Что касается летних праздников, то для русского языкового сознания актуальны такие государственные праздники, как День Военно-Морского Флота, День России; традиционные праздники — выпускной вечер, праздник последнего звонка; петербургские праздники «Алые паруса» и День города и религиозные праздники. Но актуальны эти праздники в разной степени. День Военно-Морского

Флота имеет устоявшиеся традиции празднования, День России — это новый праздник, отношение к нему разных групп населения отличается. Религиозные праздники только возвращаются в жизнь русских людей, поэтому ассоциаты представляют собой только их наименования, не вызывают «цепочечной реакции», не порождают серии ассоциаций. Наиболее актуализированными являются традиционные праздники, связанные с окончанием средней школы. Именно эта группа является лакунарной в китайском языковом сознании. Для китайцев традиционные праздники также оказываются самыми актуальными, но они уходят своими корнями в глубокую древность.

В интересующем нас фрагменте паремиологического пространства двух языков наблюдаются как сходства, так и различия. Материал для лингвокультурологического анализа русских паремий о зиме и лете на фоне их китайских аналогов отбирался из словарей В. М. Мокиенко «Большой словарь русских пословиц» и «Большой словарь русских поговорок», сборника «Русский народный календарь. Пословицы, поговорки, обычаи, обряды, имена», словаря «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений», а также из китайских лексикографических источников — «Словарь пословиц Синьхуа» и «Словарь пословиц китайского языка».

Рассмотрим вербализующиеся в русских паремиях установки культуры на фоне китайских единиц:

1. Зима для русских — трудное, суровое время года, поэтому люди зимой менее притязательны, например: *Зима — не лето, сойдет и это; Зимой и это над горсточкой съешь.*

2. Зима в русской языковой картине мира делится на временные периоды: *Зима без трех подзимков не бывает; От первого снега до санного пути — шесть недель.*

В русских паремиях содержится характеристика возможных с точки зрения климатических условий зим, зимних периодов и зимних месяцев: *Зимой солнце светит, да не греет; Птица на лету мерзнет; Такую зиму и старики не припомнят* (о необычной зиме, чаще слишком суровой); *Это не зима, а лето в зимнем платье* (о теплой зиме); *Январь мосты строит, а февраль рушит; Январю-батюшке — морозы, февралю — метелицы; Мы в дом ель, а она с собой — метель.*

Ср. сходную характеристику особенно сурового периода зимы в китайской паремии: *Галка погибает от мороза в зимнее время на седьмое и восьмое декабря по лунному календарю.* В целом же периодизация зимы в китайских паремиях отличается по сравнению с русскими единицами: *В третью и четвертую десятку самых холодных дней зимы от мороза погибает собака; Галка погибает от мороза в зимнее время на седьмое и восьмое декабря по лунному календарю.*

3. Атрибутами зимы в русских паремиях являются такие природные явления, как мороз, вьюга, метель, например: *Зима без мороза не бывает.*

4. Суровым климатом обусловлено то, что в отдельные группы выделяются паремии, выражающие идею о том, что одежда зимой — это жизненная необходимость: *Вспомнишь и лето, коль шубы нету; Зимой всяк рад тулупу до пят; У кого уши замерзли, тому и тряпка — шапка; Зимой без шубы не стыдно, а холодно и др.*

5. Зимой необходимо хорошо питаться: *Не шуба греет, а хлеб; Холод не терпит голода; Не страшна зима, коли есть корма.*

6. Отдельная группа русских единиц характеризует состояние и деятельность человека зимой: *В зимний холод каждый молод; Мороз не велик, а стоять не велит; Голод заставляет работать, а холод — бегать; Мужика не шуба греет, а топор.*

Различиями климата обусловлено и различное состояние человека в русских и китайских паремиях. Ср. в китайском: *Весной устаешь, осенью утомляешься, летом дремлешь, зимой три месяца невозможно проснуться.*

7. Зимой особенно необходимо иметь пристанище: *На печи всегда красное лето.*

В русских паремиях зима часто противопоставляется лету: *Зиме и лету союзу нету; Июль — макушка лета, декабрь — шапка зимы; Летом мухи черные, а зимой белые; Лето мухами, а зима морозами полнится.* В русских единицах используются метафоры, «очеловечивающие» окружающий мир, явления природы: *макушка лета, шапка зимы, белые мухи* (снег). В силу климатических особенностей зима в сознании русского человека всегда тянется дольше, чем быстро проходящее лето: *Лето идет вприпрыжку, а зима вразвалочку.* Летом день насыщен событиями, поэтому *Летний день — за зимнюю неделю.*

Цзу Сюэцин отметила в своем исследовании, что в русском языке больше пословиц о сравнении зимы и лета, а в китайском языке больше пословиц о сравнении зимы и весны, но противопоставление зимы и лета находим и в китайских паремиях: *Летом пройти пять километров — светлое небо, а зимой пройти пять километров — темное небо*, т. е. продолжительность светового дня летом больше, чем зимой. *Зимой не надо топить печь, летом не надо пользоваться веером*, т. е. нужно стараться в зимнее время перенести холод, а летом — жару. С другой стороны, в китайских паремиях действительно присутствует и противопоставление зимы и весны: *Зимой без коровы живи как Бог; а весной без коровы проси помощи у Бога; Если не испытываешь зимних морозов, не оценишь весеннего тепла.*

Таким образом, можно лишь частично согласиться с выводами Цзу Сюэцин относительно противопоставления сезонов в русских и китайских паремиях.

Жизненная философия русского человека проявляется в идеях о том, что каждому сезону — своё время: *Нет зимы, которая бы не кончалась; Заковал мороз реки, но не навеки; Зима лето пугает, да всё равно таёт.* Однако времена года взаимосвязаны и взаимозависимы: *Лето проходит — зима настаёт; Будет зима — будет и лето; Когда зима так себе — и лето будет так себе; Какова зима, таково и лето.* Человек, как и всё в природе, должен привыкнуть к смене времен года: *Волку зима за обычай; Не первую зиму волку зимовать; Зиме и лету перемены нету; Будет зима — будет и лето.*

Китайские паремии выражают идею о том, что человек должен уметь активно приспосабливаться к разным временам года: *В самое холодное время и в самые жаркие дни надо усиленно заниматься тренировкой.* Человек не должен быть эгоистом, нельзя отнимать жизненно необходимые вещи у другого: *Летом не берите у другого веер, зимой не берите у другого одеяло.*

Номинации времен года в китайских паремиях служат для аллегорического выражения мысли о том, что человек должен уметь выделять в жизни главное: *Зимой утепляйся ватником, а в летнее время ешь арбуз, надо всегда говорить по существу.*

Китайские паремии о зиме содержат советы, касающиеся сохранения здоровья: *В зимнее время больше ешь редьки, а летом больше ешь имбиря, не надо идти к лекарю.*

Времена года в китайских паремиях могут служить иносказательной характеристикой человека. Например, через образ зимующего растения описывается человек, у которого есть какие-то желания, но нет возможности для их реализации: *Зимний лук-порей, лист пожелтел, корень сгорел, но сердце лука не погибло.*

В паремиях русского языка часто наблюдается персонификация зимы и зимних явлений природы: *Зимой солнце сквозь слезы улыбается; Зимушка родная устали не знает; Два друга — мороз и вьюга; Схлестнулись две подруги — метель и вьюга.* Зима ласково именуется *зимушкой*, используется эпитет *родная*.

Таким образом, общими установками русской и китайской лингвокультур являются философское восприятие зимы как времени года; выделение различных периодов зимы; характеристика физического состояния человека, жизненных потребностей в теплой одежде, еде. Специфика национального мировидения проявляется в том, что в русских паремиях акцентируются особенности разных зимних месяцев, более детально «прорисованы» явления природы, такие как метель, вьюга, мороз, присутствуют номинации одежды человека, отмечается важность физического труда (*Мужика не шуба греет, а топор*). В русских единицах персонифицируются явления природы, часто употребляются метафоры. Китайские паремии о зиме в иносказательной

форме делают акцент на чертах характера, которыми должен обладать человек, на достойном поведении человека.

Рассмотрим вербализующиеся в русских паремиях о лете установки культуры на фоне китайских единиц:

1. Лето — очень короткое и прекрасное в восприятии русских людей время года, долгожданное, например: *Пчела рада цветцу, а человек — лету.*

2. Лето — благодатное время года, когда не надо заботиться об одежде и ночлеге, например: *Летом тепло и без шубы; Летом каждый кустик переночевать пустит.*

3. Лето воспринимается как время года, когда светло, много солнца и травы: *Худо лето, колья солнца нету; И лето не лето, если солнца нету; Много травы — много сена.* (Последнее важно для крестьянского быта: будет чем кормить скот зимой.) Когда речь идет о плохом лете, говорят, например: *Это не зима, а лето в зимнем платье; Лето прошло, а солнце не обожгло.*

Ср. характеристики летних явлений в китайской паремии: *Летом в одном месте идет дождь, а рядом солнце сияет; В летние жаркие дни солнцестояния капли дождя очень дороги.* Поскольку для Китая лето — очень жаркий период, то особо выделяется дождь, а не солнце.

4. Лето в русском языковом сознании — важный период для всего года. Именно летом делается запас продуктов питания на весь год: *Летний день год кормит; Что летом родится, то зимою пригодится; Что летом соберешь, то зимой на столе найдешь.*

Ср. сходную характеристику лета в китайской паремии: *Весной береги каждый день, чтобы посадить, а летом береги каждый час, чтобы собрать урожай.*

5. Физическое состояние в разгар лета, эмоциональное восприятие лета в целом и многолетние наблюдения за природой нашли отражение в следующих русских паремиях: *В июле хоть раздёнсья, а всё легче не будет; Красно лето никому не докучило; Знойный июнь — на рыбалку плюнь.*

Необходимо отметить, что физическое состояние человека выражается в русских и китайских паремиях по-разному в связи с различными климатическими условиями России и Китая. Ср. в китайском языке: *Весной устаешь, осенью утомляешься, летом дремлешь, зимой три месяца невозможно проснуться.*

6. Характеристика летних месяцев в пословичном фрагменте русской языковой картины мира выглядит следующим образом: *Июнь — месяц белых ночей (на Севере), цветущих трав, поющих птиц; Июнь — румянец года; Июль — макушка лета, устали не знает, всё прибирает.*

Лето персонифицируется: *Лето перешагнуло знойный возраст.*

У лета есть атрибуты, которые связываются именно с этим сезоном: *После лета по малину в лес не ходят.*

7. В русских поговорах лето часто противопоставляется зиме, например: *Июль — макушка лета, декабрь — шапка зимы; Летом мухи черные, а зимой белые (снег).*

8. В русских поговорах выделяется группа, в которой лето сравнивается с осенью, например: *Дождливое лето хуже осени.* Такое сравнение отсутствует в китайских поговорах.

Важно отметить, что в русском языке есть выражение *Бабье лето*, которое называет теплый период в начале осени.

Таким образом, в русском и китайском фрагментах пословиц картин мира лето воспринимается как очень важный сезон, обеспечивающий благосостояние в течение всего года. Лето противопоставляется зиме. Но в русских поговорах подчеркивается, что это благоприятное, приятное для человека время года, в китайских единицах акцент ставится на том, что это жаркий и трудный для человека сезон. В русском поговориологическом пространстве лето персонифицируется, дается характеристика отдельным летним месяцам.

Итак, лексико-тематические группы «Зима» и «Лето» как самостоятельные словарные объединения не выделяются существующими тематическими словарями русского языка. Однако актуальность изучения данных групп лексики в иностранной аудитории как отдельных объединений доказывается их представленностью в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.

На словарном уровне все единицы лексико-тематических групп «Зима» и «Лето» в русском языке имеют эквиваленты в китайском языке. Проведенный ассоциативный эксперимент с русскими и китайскими респондентами позволил выявить реальную представленность интересующих нас лексико-тематических групп в языковом сознании носителей двух различных лингвокультур.

Состав ассоциатов и те группы, которые в системном виде их представляют, показывают, что времена года (зима и лето) присутствуют в сознании в виде представлений, отражающих зрительные, звуковые образы, физические ощущения и эмоциональные впечатления человека, а также опыт его деятельности в определенное время года. С этой особенностью связано то, что в составе ассоциатов очень много не только отдельных лексем, но и словосочетаний, причем иногда многословных: *хруст снега под ногами, заносы на дорогах, замирание сердца с первыми лучами летнего солнца* и др.

Выделенные лексико-семантические группы внутри лексико-тематических групп «Зима» и «Лето» различаются в русском и китайском языках с точки зрения их состава и количественного наполнения. Эти различия объясняются разными климатическими условиями, социально-историческими предпосылками, культурно-бытовыми стереотипами и философскими воззрениями.

Результаты подробного анализа наименований русских праздников и их атрибутов позволяют констатировать, что функционирование русских лексических единиц в текстах современной художественной литературы и периодики подтверждает устойчивость национальных ассоциаций, полученных в ходе эксперимента.

Анализ русских и китайских поговорок о зиме и лете показывает, что в русских поговорах ярко проявляется жизненная философия человека, в то время как в китайских поговорах находят отражение принципы конфуцианства.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37–57.

Брутян Г. А. Язык и картина мира // Философские науки. — 1973. — № 1. — С. 108–111.

Воротников Ю. Л. «Картина мира» и грамматика смыслов // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. — М., 1995. — С. 27–28.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. — М., 1965. — 246 с.

Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. — СПб., 1996. — 320 с.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л., 1986. — 312 с.

Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. — Л., 1991. — С. 106–125.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М., 2003. — 349 с.

Лебедева Е. К. Языковая картина мира и перспективы лингвистических исследований // Mitteilungen für Lehrerinnen und Lehrer slawischer Fremdsprachen. — St. Polten. — Nr. 93. — Juni 2007.

Маковский М. М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 36–53.

Миллер Л. В. Реализация эстетико-смысловых компонентов художественного концепта «путь» в интертекстуальном пространстве русской литературы // Преподавание русского языка как иностранного. Традиции и перспективы. — СПб., 1999. — С. 134–143.

Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 2.

Моисеева В. Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — 1998.

Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. — СПб., 1997. — 264 с.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988. — 242 с.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. — М., 1997. — 384 с.

Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М., 1997.

Трушина Л. Б. Диалог культур при профессиональном общении бизнесменов // Русский язык за рубежом. — 1997. — № 1–2. — С. 98–102.

У Вэй. Времена года в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2013.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М., 1990. — 208 с.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. — Л., 1983. — 168 с.

Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом. — 1996. — № 1–3. — С. 47–56.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М., 1994. — 344 с.

Вопросы

1. Что такое «картина мира»?
2. Можно ли выделить универсальную картину мира для всего человечества?
3. Чем отличаются понятия «концептуальная» и «языковая картина мира»?
4. На каком уровне, на ваш взгляд, будет наблюдаться больше различий у представителей различных культур — на уровне концептуальной или языковой картины мира и почему?
5. Какая картина мира — научная или наивная — представляется вам шире? Обоснуйте свое мнение.
6. В каких основных направлениях идет на данном этапе исследование наивной языковой картины мира?

IV. ЕДИНИЦЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Проблемой лингвокультурологии является определение того, что является единицей изучения этой науки. На настоящий момент в качестве таковой предлагаются *логоэпистема*, *лингвокультураема*, *концепт*, *лингвокультурный концепт*, *лингвосапиентема*.

Термин *логоэпистема* мотивирован греческим языком («слово» + «знание»). Таким образом, итоговый смысл термина — «знание, хранимое в единице языка». «Логоэпистемы не обязательно являются клишированными; важно, что они отсылают к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его «сверткой» или просто символом. Логоэпистемы несводимы к известным лингвистическим категориям: это не слово или словосочетание, не фразеологизм или клише, не метафора или аллегория и т. д.; это знание. <... > Логоэпистемы принадлежат и языку, и культуре; их можно назвать символами чего-то, стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст» (Верещагин, Костомаров 1999: 7).

Лингвокультураема — это единица лингвокультурологического поля, включающая в себя единство знака, значения и соотносительного понятия о классе предметов культуры. Семантика лингвокультураемы представляет собой диалектическую связь языкового и внеязыкового содержания (референта). Такая единица соотносится одновременно и с собственно языковым планом, и со знаниями о широко понимаемых предметах материальной и духовной культуры; она входит не только в собственно языковые, но и более глубокие внеязыковые «парадигмы» и «синтагмы», т. е. классификационные системы и способ применения в действительности самих вещей (Воробьев 1991).

Как полагает В. И. Карасик, возникновение двух вышеназванных терминов обусловлено тем, что лингвисты стремятся уйти от многозначности термина *концепт*, одно из значений которого и представляет собой содержательную сторону *лингвокультураемы*. В качестве альтернативного обозначения содержания лингвокультураемы был предложен термин *логоэпистема* (Карасик 2001). О содержании термина *концепт* поговорим ниже. Пока лишь отметим, вслед за В. И. Карасиком, что не стоит отказываться от использования этого термина в рамках лингвокультурологии.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров (2005) предприняли попытку свести многообразие фактов взаимодействия языка и культуры к каузальному единству путем постулирования сверхконцепта (*лингво*)*сапиентемы*, включающего в себя соположенные концепты *лексического фона* и *рече-поведенческой тактики*. Лингвосапиентема — пограничный феномен, отчасти данный и отчасти не данный в непосредственном

наблюдении, отчасти вербальный, отчасти не способный иметь материальных носителей. В последнем случае лингвосапиентема постигается путем *конtemplации* — созерцания, способа познания, требующего участия в нем всех чувственных, рациональных и сверхчувственных потенциалов человека.

Лингвосапиентема, по мнению исследователей, это «путь к конкретному результату: она позволяет понять (и временами предвидеть), почему и как человек поступит по социальной модели (при творческом говорении); почему и как человек поступит, следуя рече-поведенческим тактикам; почему и как человек построит свою речь с опорой на лексические фоны» (Верещагин, Костомаров 2005: 954). Конкретные единицы статичного опыта в латентном состоянии — это лексические фоны («что я [как носитель определенной культуры] знаю о том-то и о том-то?»); конкретные единицы динамичного опыта в латентном состоянии — это рече-поведенческие тактики («как мне [как носителю определенной культуры] вести себя, чтобы добиться желанного результата?») (там же).

Болгарская исследовательница Пенка Филкова предлагает в целях избежания терминологической неупорядоченности использовать общий термин *лингвокультурологические единицы* или *единицы лингвокультурологии*, выделяя такие общие черты, как: прецедентность, историко-культурная значимость, эталонный, символический характер, информативность, нравоучительность, экспрессивность, стилистическая маркированность, которые могут быть представлены в неполном виде, в разных комбинациях, с различными акцентами (Филкова — интернет-сайт «Балканская русистика»).

На наш взгляд, единицами изучения в лингвокультурологии могут являться отдельные слова, различные словарные объединения, фразеологизмы, словообразовательные гнезда, паремии, синтаксические единицы, тексты. Исследованию подлежат единицы разных языковых уровней, если они содержат в себе, по выражению А. Д. Шмелева, «национально-специфичную конфигурацию идей».

В качестве «силовой точки», организующей вокруг себя семантическое пространство языка с национально-специфической конфигурацией идей, выступает *лингвокультурный концепт*, который может быть вербализован языковыми единицами разных уровней. Но прежде чем перейти к анализу его содержания, остановимся более подробно на термине *концепт*.

IV.1. ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На наш взгляд, для решения вопроса о специфике изучения концепта в лингвистике представляется важным определить свою позицию по следующим вопросам: 1) К какой категории единиц следует

относить концепт, т. е. какими понятиями мы оперируем, делая попытки дать дефиницию этого термина? 2) Каково соотношение содержания понятий *слово* и *концепт*? 3) Каковы критерии выделения концепта в лингвистике? 4) Можно ли моделировать концепт, обладает ли он структурой, возможна ли типология концептов и существует ли их иерархия? 5) Каковы методы анализа концепта в лингвистике? 6) В чем заключается сходство и различие в подходах к исследованию концепта в различных науках? На наш взгляд, наиболее важно развести в этом смысле *когнитологию* (*концептологию*), *когнитивную лингвистику*, *психолингвистику* и *лингвокультурологию*. 7) И наконец, что считать национально-специфическими чертами концепта?

Попробуем ответить на поставленные вопросы.

Определение термина «концепт»

СПРАВКА

Слово *conceptus* — позднелатинское, средневековое образование, производное (причастие) от глагола *concipere* — *con* — *capere* ‘собирать’, ‘схватывать’, ‘загораться’, ‘задумывать’, ‘зачинать’. В классической латыни *conceptus* зафиксирован лишь как ‘водоём’, ‘воспламенение’, ‘зачатие’ и ‘плод (зародыш)’. Слово *концепт* вместе со своим производящим глаголом вошло во все романские и в английский языки, в русском же языке оно было еще и семантически калькировано, т. е. его внутренняя форма была воспроизведена морфемными средствами русского языка: *по* — *(н)ять* — *по-(н)ятие*. В синонимической паре *концепт* — *понятие* первый член, безусловно, стилистически отмечен: в большинстве толковых словарей русского языка статья «концепт» вообще отсутствует; с пометой «лог. и книжн.» он фиксируется лишь в «Большом толковом словаре русского языка». Как большинство греко-латинских заимствований, «концепт» — «ученое слово»: можно спокойно сказать «не иметь понятия о чем-либо», но совершенно неестественно «не иметь о чем-либо концепта», и российские «беспредельщики» живут «по понятиям», но отнюдь не «по концептам». В логико-психологических текстах русские *понятие* — *концепт* противопоставляются главным образом представлению по степени абстрактности своего содержания (Воркачев 2004: 12–13).

Термин *концепт* определить трудно, так как у него есть содержание (существенные признаки), но пока не ясен объем. По определению В. В. Колесова, это смысл, не обретший формы.

На настоящий момент в лингвистической литературе существует огромное количество дефиниций концепта. Их анализ показывает, что большинство исследователей определяют этот термин как основную единицу ментальности (Колесов 1999), концепты понимаются как «в прототипе бинарные ментальные структуры, являющиеся оперативными единицами сознания в усвоении и представлении опыта» (Кравченко 1999: 10), концепт определяется как мировоззренческое понятие, компонент сознания и наших знаний о мире; концепты — это «категории языкового видения мира и в то же время “творцы” и одновременно продукты мира идеального, в том числе и национально-культурной ментальности» (Ли В. С. 2000: 184), концепты — мыслительные модели идеальных объектов создаются и модифицируются коллективным сознанием (Brumfit 1994: 31); концепт — «это всё то, что мы знаем об объекте, во всей экстенсии этого знания, концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует “прототип” (он и есть гештальт-структура)» (Телия 1996: 97). В качестве особого типа концепта рассматривается *художественный концепт* (Миллер 1999; Данькова 2000 и др.). Способом формирования концепта в сознании признается гештальт (Проскуряков 1998: 15), комплекс значений соответствующего слова и его ассоциации и коннотации (Рябцева 1991: 262). Выделяют «узловые» и «атомарные» концепты, которые, объединяясь, образуют фреймы (Булатова 1999: 41). Таким образом, можно сделать вывод о том, что *в конечном счете концепт относят к сфере идеального, ментального.*

Последовательно лингвистический признак кладется в основу выделения концепта Н. Д. Арутюновой: в ее трактовке концепты — это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов» (например, Арутюнова 1993: 3–6), закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса. Концепты в таком понимании представляют собой единицы обыденного (преимущественно этического) сознания, они культурно значимы, аксиологически окрашены и мировоззренчески ориентированы. Подобное толкование концепта, по мнению С. Г. Воркачева, является последовательно лингвистическим в той мере, в какой он отождествляется с лексическим значением (Воркачев 2004: 20).

На наш взгляд, все высказываемые в научной литературе точки зрения по поводу определения термина *концепт* в основном могут быть сведены к двум: 1) концепт — понятие, которое, постепенно развиваясь, актуализируя в речи отдельные семантические признаки, обрастает объемом (узкое понимание) и 2) концепт «выражает со-значения “национального колорита”, т. е. все принципиально возможные значения в символично-смысловой функции языка как средства мышления

и общения» (Колесов 1999: 157) (широкое понимание). При втором подходе встает вопрос: как далеко в область экстралингвистики можно и нужно заходить, выявляя концепт? Встает проблема соотношения лингвистического и экстралингвистического. В качестве примера приведем книгу Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Дом бытия языка» (2000), посвященную логоэпистеме (другой термин для наименования концепта). Объектом исследования является, по сути дела, концепт *дом*. Но при этом охватываются все библейские ассоциации, все части дома — от окна до крыши, русская изба, подклеть, традиционная русская еда, комнатные растения, народные суеверия, связанные с домовыми и кикиморами, и т. д. Объем энциклопедических сведений при таком подходе фактически неограничен, но исчезает, размывается семантическая доминанта, «схваченная» словом как вторичным знаком.

Принимая понимание концепта как основной единицы ментальности, можно, как нам представляется, предварительно, вслед за В. В. Колесовым, определить его как *смысл*, который может существовать в различных *формах* в нашем ментальном мире, сознании — в форме представления, образа, символа или понятия.

Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Первичный эмпирический образ, лежащий в основе концепта, аналогичен «представлению» в концепции А. А. Потебни (Попова, Стернин 2000).

Концепт и вербализация концепта

Описывая национальный менталитет по составляющим его концептам, лингвисты в действительности постоянно говорят о толкованиях *слов* или других единиц *языка*. Как справедливо отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, ни слово, ни вся совокупность речевых средств, репрезентирующих концепт в языке и текстах, не дают полной картины концепта. Поэтому в лингвистических исследованиях точнее говорить о вербальной репрезентации концепта. Однако путь через язык — самый легкий и доступный к раскрытию содержания концепта (Попова, Стернин 2000). Не случайно исследователи, рассуждая о соотношении языка, мышления и сознания, вводят, например, термин *ментально-лингвальный комплекс* (Морковкин, Морковкина 1994), а В. В. Колесов подчеркивает, что «ментальность есть мирозерцание *в категориях и формах родного языка*» (1999).

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что концепт репрезентируется в языке: 1) готовыми лексемами и фразеосочетаниями,

2) свободными словосочетаниями, 3) синтаксическими конструкциями и 4) текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) (см., например, Попова, Стернин 2000: 20–21).

На наш взгляд, исходное начало, «зарождение» концепта связано с корнем слова, поэтому важно также проследить его репрезентацию в однокоренных словообразовательных производных от ключевого слова, манифестирующего соответствующий концепт, так как семантический синкретизм корня сохраняется во всех словах словообразовательной парадигмы. К тому же выбор того или иного явления, предмета внеязыковой действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации важен сам по себе, свидетельствуя о его значимости в языковой картине мира носителей языка (Вендина 1999).

Критерии выделения общезыковых (познавательных) концептов

Как нам представляется, общерусские семантические корреляции могут быть выявлены прежде всего благодаря анализу контекстов речи. Особого внимания заслуживают произведения публицистики, как отражающие современный узус, фразеологизмы, пословицы и поговорки (но с некоторой осторожностью, принимая во внимание время их возникновения. — См. об этом ниже), произведения фольклора и художественные контексты. Словарные дефиниции также могут привлекаться как дополнительный критерий.

Моделирование и структура концепта

Многомерность объекта требует построения адекватных моделей его изучения. В лингвистических исследованиях предлагаются такие трехмерные модели языка, языковых явлений, признаков и категорий (в конечном счете, на наш взгляд, модели концептов), как «пресуппозиция — значение — смысл», «явление — рациональная оценка — эмоциональное переживание», «прагматика — семантика — синтактика языка», «понятие — образ — поведенческая реакция» (Карасик 1997).

Что касается структурированности концептов, то некоторые исследователи, например Ю. С. Степанов, считают, что концепт имеет четкую структуру: выделяются этимологический слой концепта, сжатая до основных моментов история и актуальный слой (1997). Следуя за идеями С. Д. Кацнельсона и А. А. Потемни, выделяют «концепт-минимум» и «концепт-максимум» (А. Вежбицкая), «узловые» и «атомарные» концепты (Булатова 1999), микро- / и макроконцепты (Токарев 1999), суперконцепты (Гафарова, Кильдибекова 1998) и т. п.

В результате выстраивается определенная иерархия концептов. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, концепт может получить описание в терминах теории семантического поля — в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные семы составят периферию концепта. Исследователи считают, что концепт представляет собой квант структурированного знания и в силу этого имеет определенную, хотя и не жесткую структуру: он состоит из компонентов (концептуальных признаков) (2000: 15–17). Однако эти же авторы справедливо полагают, что идеальное структурирование концепта для лингвиста вряд ли возможно. Можно установить ядро концепта, а моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической) в принципе нельзя. Можно говорить о характеристике концепта, перечислении признаков и концептуальных слоев (там же: 23).

Еще один вопрос, который неизбежно встает перед теми, кто изучает концепты и пытается выявить тот смысл, который не меняется с течением времени. Это вопрос, как быть с лексико-семантическими вариантами многозначных слов. Данный вопрос находится в рамках проблемы соотношения лексического значения (семантической структуры слова) и концепта.

Языковые значения не могут приравниваться к концептам. «Значение слова — это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить его отдельные характеристики данным словом» (Болдырев 2001: 27). Согласно Е. С. Кубряковой, значением слова становится лишь концепт, «схваченный знаком» (1991: 92).

Д. С. Лихачев считал, что концепт существует для каждого основного значения слова (1997). Ср. точку зрения таких исследователей, как Г. В. Гафарова и Т. А. Кильдибекова, которые пишут о внутрисловной актуализации суперконцепта для многозначного слова и в качестве концептов выделяют лексико-семантические варианты, получающие актуализацию в речи благодаря синтагматическим связям. Так, суперконцепт бытия актуализируется, по теории этих исследователей, в смысловой структуре глагола *жить* (1998).

Концепт в концептологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике и лингвокультурологии

Термин *концепт* является «зонтиковым», он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации (Воркачев 2004).

С позиций концептологии, когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире «понятий», «образов», «поведенческих стереотипов», «ценностей», «идей» и тому подобных привычных феноменологических координат своего существования, одновременно на более глубоком уровне бытия он общается, мыслит, действует в мире *концептов*, по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы и т. д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами. Концепты понимаются как смысловые кванты человеческого бытия, в зависимости от конкретных условий превращающиеся в различные специализированные формообразования, «гештальты» бытия (Ляпин 1997). Главное в концепте — многомерность и целостность смысла, существующего в непрерывном культурно-историческом пространстве и поэтому предрасположенного к культурной (и культурогенной) трансляции из одной предметной области в другую. С. Х. Ляпин приводит такой пример. Математическое понятие «предела» (алгоритмы, точечное множество) — это не просто понятие, а смысловой концепт в математике. Культурная трансляция математического предела возможна, например, в нравственную сферу как граница нравственной нормы и т. д.

Выводы концептологии важны как во многих областях человеческой деятельности, так и в различных областях науки. Так, если государство для русского человека — это прежде всего власть и сила, до и поверх всякого права существующая над гражданином, то в западноевропейской ментальности государство — общественный договор гражданина и власти, что следует учитывать в политике. *Концептология* — это междисциплинарный интегративный подход к пониманию и моделированию сознания, познания, общения, деятельности. Ее центральное понятие — концепт, основной метод — культурогенная трансляция концептов. Концептология стремится достроить каждый специализированный феномен — научное понятие, художественный образ, нравственный поступок, религиозный символ веры и т. д. до его смысловой полноты и раскрыть его культурогенный эвристический потенциал. Концептология имеет прямую и обратную задачи. *Прямая задача* концептологии: феноменологически дано то или иное формообразование (понятие, образ и т. д.); необходимо истолковать его как редуцированную форму концепта и достроить ее до соответствующего концепта. Результат решения прямой задачи — синтез концепта. Обратная задача концептологии: нечто дано или задано как концепт; необходимо найти его редуцированные и/или превращенные формы (там же).

Как отмечает В. И. Карасик, лежащие в основании концептологии идеи о дискретности человеческого бытия, многомерности дискретных формообразований бытия и сознания, об эвристическом и культуро-

генном потенциале, которым обладают эти многомерные смысловые сгустки («концепты»), представляются весьма продуктивными для переосмысления многих положений языкознания. Эти идеи отражают интегративную тенденцию в развитии гуманитарных наук. Не случайно языковеды всё чаще стремятся осмыслить в своих исследованиях понятия, методы и результаты, полученные в социологии, этнографии, культурологии и других дисциплинах. В свою очередь представители смежных с лингвистикой областей знания активно используют данные, которые ранее считались достоянием только науки о языке (Карасик 1997).

Предмет *когнитологии* — моделирование концептов в сознании народа в целом, в сознании социальной, возрастной и т. д. группы. Национальная концептосфера — это совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа (Попова, Стернин 2000: 28).

Относительно предмета и методов когнитивной лингвистики и психолингвистики следует, на наш взгляд, согласиться с представителями воронежской теоретико-лингвистической школы, что предметом *когнитивной лингвистики* является анализ семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт, т. е. предметом исследования в когнитивной лингвистике является репрезентация концептов — их выражение в языке «в различных языковых и текстовых формах». Семантическое же пространство языка — часть национальной концептосферы, обозначенная языковыми средствами, названная в языке и представленная семемами и семами. По словам С. Г. Воркачева, лингвокогнитивные исследования ориентированы семасиологически — от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации) (Воркачев 2004: 44).

Предмет *психолингвистики* — моделирование языка как феномена сознания, в том числе моделирование значений слов как психологической реальности. Психолингвистика позволяет экспериментальными методами выявить многие дополнительные компоненты, ассоциации. Предметом исследования в психолингвистике является актуализация концептов — включение концептов в мыслительную деятельность. Поводом для актуализации может быть как собственно мыслительная деятельность индивида, так и употребление слова, называющего тот или иной концепт. Когнитивная лингвистика и психолингвистика дают когнитологии материал, причем проверяемый, для осмысления и описания концептов, но само их представление в задачу этих дисциплин не входит (Попова, Стернин 2000).

Интерес лингвокультурологов фокусируется на изучении специфического в составе ментальных единиц и направлен на накопительное и систематизирующее описание отличительных семантических

признаков конкретных культурных концептов. В тенденции лингвокультурологические исследования ориентированы скорее ономазиологически и идут от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов (Воркачев 2004: 44–45).

Теоретической базой лингвокультурологии, которая описывает концепт как элемент национальной концептосферы, является когнитивная лингвистика.

Такое описание «может быть осуществлено в свободной форме, как перечисление концептуальных слоев и признаков с подтверждением этих выводов языковым материалом — разными лексемами, фразеосочетаниями и высказываниями, в которых репрезентируется тот или иной элемент концепта» (Попова, Стернин 2000: 27).

Для лингвокультурологических исследований наиболее приемлемым, как нам представляется, является широкое понимание концепта, который можно определить следующим образом: *концепт — это основная единица ментальности, заключающая в себе яркое образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемая вербально языковыми единицами разных уровней (словом, словосочетанием, всей словообразовательной парадигмой и т. д.)*.

Проблема национальной специфики концепта

По определению В. В. Красных, *национальный концепт* — «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» (2002: 184).

Как пишет А. Вежицкая, «гипотеза лингвистической относительности» имеет смысл только в сочетании с хорошо продуманной «гипотезой лингвистической универсальности» (2001: 45). Говоря о связи лексического состава языка и национальной культуры, она выделяет три существенных момента:

1. Принцип культурной разработанности словаря языка. Так, в языке хануноо на Филиппинах существует 90 слов для обозначения риса.

2. Частотность слова в конкретном языке, что необходимо учитывать при сопоставлении слов-эквивалентов двух языков.

3. Принцип ключевых слов, «особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры». При этом А. Вежицкая отмечает, что некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры (Вежицкая 2001).

Следует принимать во внимание, что в концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходств, чем в языковой.

Кванторизация культурных концептов — их деление на универсальные и идиоэтнические — в достаточной мере условна, поскольку идиоэтничность частично присутствует и в концептах-универсалиях, отличающихся от одного языкового сознания к другому своим периферийным семантическим составом и способами его иерархической организации (Воркачев 2004: 47).

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в количестве и наборе лексем, фразеосочетаний, репрезентирующих концепт (Попова, Стернин 2000: 26).

Однако в научной литературе, на наш взгляд, весьма справедливы предостережения от субъективной интерпретации языковых фактов, выдаваемых за сугубо национальные стереотипы, от глобальности выводов, построенных на неадекватном сопоставлении фактов разных языков (Тарланов 1999; Мокиенко 2001). К тому же следует иметь в виду, что при изучении, например, паремий очень часто реконструируется не национальная, а конкретно-историческая картина мира. Причина этого — кумулятивная функция языка, который сохраняет следы прошлого быта и менталитета (Мокиенко 2001). В. М. Мокиенко отмечает, что при описании языковой картины мира лексический и фразеологический уровни обычно анализируются недифференцированно, а между тем фразеологической спецификой является существенное количественное ограничение концептуальных доминант по сравнению с доминантами лексическими: в то время как поля лексики покрывают практически всю концептуальную картину мира, фразеологические поля характеризуют в основном зоны с антропоморфной семантикой и мощной экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, коннотативной маркированностью (там же: 120). Как показывает В. Г. Так на примере сопоставления русского и французского языков, национальная специфика языковой картины мира может объясняться не только особенностями культуры народа, но и структурными особенностями языка (2000).

Следует учитывать, что эксплицитно либо имплицитно концепт — всегда объект сопоставительного анализа, подразумевающего сравнение: внутриязыковое, когда сопоставляются облик и функционирование концепта в различных «областях бытования» — дискурсах (научном, политическом, религиозном, поэтическом и пр.) и сферах сознания, межъязыковое, когда сопоставляются концепты различных языков (Воркачев 2004: 46).

Обобщение точек зрения на концепт и его определений в лингвистике позволило С. Г. Воркачеву прийти к следующему заключению: концепт — «это единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение

и отмеченная этнокультурной спецификой» (Воркачев 2004: 51).¹ По существу, как считает исследователь, единственным *raison d'être* терминологизации лексемы *концепт* является потребность в этнокультурной авторизации семантических единиц — соотношении их с языковой личностью, являющейся носителем национального менталитета (там же).

Типология концептов как ментальных образований

А. П. Бабушкин в своей монографии приводит классификацию лексических концептов *по содержанию* на материале современного языка и выделяет следующие их типы: мыслительная картинка (*Бабусяга*), концепт-схема (*голубая лента реки*), концепт-фрейм (*больница, базар*), концепт-инсайт (*ножницы, барабан*), концепт-сценарий (*драка*), калейдоскопический концепт (*вера, счастье*) (1996). Исследователь выстраивает свою типологию на основе словарных дефиниций соответствующих лексем.

По признаку стандартизованности, обработанности концепты делятся на индивидуальные, групповые (половые, возрастные, социальные) и общенациональные.

Методика изучения ценностных доминант в языке

Данная методика базируется на понимании концепта когнитологами.

Такие исследователи, как С. Х. Ляпин (1996) и В. И. Карасик (1996), рассматривают *концепт как многомерное культурно значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме*. Здесь на первый план выдвигается идея многомерности концепта, выделения в нем как рационального, так и эмоционального, как абстрактного, так и конкретного компонентов. Концепты являются первичными культурными образованиями, транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира. В этом плане можно противопоставить 1) объективное потенциальное содержание, или концепт, 2) содержательный минимум, который обычно представлен в словарной дефиниции и который является актуализацией концепта, всегда частичной и субъективной по отношению к смысловому потенциалу (известно, что каждый

¹ На наш взгляд, концепт может и не быть отмечен этнокультурной спецификой.

словарь есть отражение субъективной авторской трактовки объективного содержания слов), 3) конкретизацию содержательного минимума, проявляющуюся в нескольких направлениях: а) тематизация (*фуганок* — это инструмент; *дифференциал* — математическое понятие). Чем образованнее носитель языка, тем ближе тематизатор в сознании человека к содержательному минимуму в идеальном сознании образцового носителя языка; б) прагматизация (*эвакуация* для человека, пережившего войну, содержит важные эмоционально-оценочные характеристики, которые вряд ли могут возникнуть у людей, не имеющих такого опыта).

Методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. Собственно лингвистическое исследование культурных доминант осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, а также прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов, текстов художественной литературы, газет и т. д., с одной стороны, и интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с определенными предметными областями, — с другой). Лингвистическое изучение культурных концептов должно быть дополнено данными других дисциплин — культурологии, истории, психологии, этнографии.

Приведем примеры В. И. Карасика, иллюстрирующие, как «работает» данная методика.

Содержательный минимум концепта «*труд*» выражается как «целенаправленная деятельность, требующая физического или умственного напряжения, осуществляемая не для удовольствия, предполагающая получение денег». Конкретизация содержательного минимума данного концепта представляется следующей: 1) характеристика работы, 2) отношение к труду, 3) результативность. В качестве единиц изучения рассматривались глаголы и прилагательные со значением «работать», «бездельничать», «трудолюбивый», «ленивый» в английском, немецком и русском языках. Понятие «трудиться» противопоставляется понятию «играть» (деятельность, осуществляемая только для удовольствия, обычно о детях), отсюда — пресуппозиция необходимости труда, и как следствие этого — вариативное представление волеизъявления и долженствования в связи с выполняемой работой.

Модель концепта «труд» строится на основе фрейма, в центре которого находится образ человека, выполняющего напряженную (обычно физическую) работу. Эта работа может быть тяжелой, длительной, изнурительной, монотонной, постоянной (объективные

характеристики процесса). Человек трудится по принуждению (внешнему либо внутреннему), напряженно, умело, проявляя старательность, упорство, терпение, выносливость (субъективные характеристики). При этом работа выполняется успешно, качественно, красиво, быстро (объективные характеристики результата). Все эти характеристики могут быть выражены в виде условных шкал с положительным и отрицательным полюсом. Идея «лени» предполагает не только нежелание трудиться, но и удовольствие от праздного времяпрепровождения, пассивность как черту характера, а также сопутствующие процессы (слоняться без дела, заниматься пустяками, откладывать дела на потом, отвлекаться, медлить).

Этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского, немецкого и русского языков сводятся не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков. Так, идея привлекательности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего с учением (английское *diligent* не ассоциируется только с учебной и предполагает постоянные, а не разовые усилия). В русском языке осуждается халтурная, небрежная работа в ином ключе по сравнению с английским и немецким: в русском языке «он халтурит» означает «он не хочет делать качественно (работа выполняется попутно и поэтому небрежно), а мог бы», т. е. он не желает работать старательно, добросовестно. Осуждается плохая мотивация. В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда (осуждается дилетант и шарлатан, т. е. тот, кто не умеет делать, а берется; прежде всего, это относится к представителям творческих профессий). Следовательно, подчеркивается низкая результативность работы. Эффективная работа предполагает сосредоточенность на деле. Английское *businesslike* несет положительную оценку, в то время как русское «деловой» имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в современной разговорной речи: «Деловой какой!». Отрицательная ассоциация этого слова (и соответствующего признака) вытекает из поведения человека, ставящего дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении — на второй. Признавая важность результата, носители русской культуры, как видим, уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. В русских пословицах мы находим известные речения «Дурака работа любит», «Работа — не волк, в лес не убежит», «От работы кони дохнут», (в современном городском фольклоре «Работа — наш друг, и мы ее не трогаем»), в английском таких пословиц не встретилось, в немецком есть единичное выражение — *Arbeit ist kein Hase, l uft nicht in den Wald*), и это можно объяснить исторически: степень внешнего принуждения для трудящегося в России была очень высокой по сравнению с другими странами. Именно

поэтому для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России — этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации «труд — страдание», «работа — рабство»).

Содержательный минимум концепта «подвиг» выражается как «неординарный, исключительный, благородный поступок, связанный с моральным выбором и с большими усилиями и риском». Отношение к подвигу моделируется как характеристика человека, совершающего такой поступок либо неспособного к подвигу. В качестве конкретизирующих направлений для данного концепта выделяются следующие признаки: наличие опасности, отсутствие страха, способ осуществления поступка.

Фрейм *подвига* строится как модель ситуации, связанной с необходимостью спасения кого / чего-либо и большим риском для жизни человека, совершающего такой поступок. Человек совершает подвиг, невзирая на опасность, без страха, проявляя благородство, хладнокровие, силу, мудрость, энтузиазм, презрение к опасности, стремительно, импульсивно, напоказ.

Этнокультурная специфика отношения к подвигу применительно к английскому, немецкому и русскому языкам обнаруживается в признаке способа осуществления этого поступка. Подвиг в глазах англичан и немцев сопряжен с благородством, изяществом, мудростью, умением, действием напоказ и прославленностью. Для русского человека подвиг — не искусство, а защита родной земли ценой жизни. Не случайно в сознании англичан идея мужества сопрягается с рыцарским кодексом поведения. Рыцарские турниры были неотъемлемой частью жизни Англии и Германии. Поэтому понятие «подвиг» ассоциируется у жителей этих стран с ситуацией поединка как состязания, где есть противник, с которым необходимо помериться силой и которого нужно победить, и где есть публика, перед которой можно изящно продемонстрировать свои умения и возможности, не убивать противника, упавшего с лошади, но подать ему руку и дать возможность вновь взять выбитый меч. Для русских, хоть и существовали кулачные бои, подвиг связан с охраной родного края. Необязательно было всю жизнь упражняться в военном искусстве, но если враг напал на родную землю, то требовалось встать и защитить ее. Исторически такое различие объясняется тем обстоятельством, что Россия противостояла набегам кочевников. Эти набеги отличались особой жестокостью: кочевникам не нужна была дополнительная рабочая сила. В этой связи противостояние героя и врага приобретало не эстетическую, а прежде всего этическую значимость (Карасик 1996).

Концептуальный анализ и методика концептуального анализа

Словосочетание *концептуальный анализ* неоднозначно: оно может обозначать и анализ концептов, и определенный способ исследования, а именно анализ с помощью концептов или анализ, имеющий своими предельными единицами концепты, в отличие, например, от элементарных семантических признаков в компонентном анализе (Никитина 1991: 117).

Понимая под концептуальным анализом исследование концепта, считаем целесообразным применение методики, представляющей собой синтез предлагаемых в научной литературе методов: выявление парадигматических и синтагматических связей изучаемого концепта с другими концептами той же культуры (Никитина 1991), а также метод, основанный на выявлении сочетаемости абстрактных имен и ассоциативных полей (Чернейко 1997; Чернейко, Долинский 1996: 38).

Концептуальный анализ, как отмечают исследователи, следует отличать от семантического анализа слова. Они имеют точки соприкосновения, но их конечные цели не тождественны. Семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений. Концептуальный анализ — это отражение наиболее употребительных контекстов слова, констатация всех направлений, по которым идут преобразования семантики слова. Семантический анализ связан с разъяснением слова, а концептуальный способствует получению знаний о мире.

В лингвистических исследованиях вообще, а в лингвокультурологических в частности можно, как нам представляется, предложить несколько основных этапов анализа концепта.

1. Исследование этимологии ключевого слова (слова-концепта) для выявления «свернутого смысла», синкретично представленного в корне, «этимона, зародыша смысла», так как концепт вбирает в себя множество форм и одновременно является их началом (Лукин 1993: 63).

2. Анализ лексикографических источников, которые позволяют выделить содержание понятия на основе словарных дефиниций, т. е. ту семантическую доминанту, которая не меняется со временем. Выделяются семы, формирующие ядро концепта.

3. Выведение дополнительных концептуальных признаков слова посредством дистрибутивного анализа типичной сочетаемости слова-концепта.

4. Анализ метафорических употреблений.

5. Анализ словообразовательных производных ключевого слова, поскольку концепт заложен не в слове, а в корне слова и реализуется во всей словообразовательной парадигме.

6. Выявление парадигматических связей концепта в концептосфере языка предоставляет исследователю возможность частичного толкования интересующего его концепта. Сумма всех частичных толкований является достаточно полным семантическим описанием концепта (Никитина 1991).

7. Обращение к ассоциативным словарям и (или) проведение ассоциативного эксперимента для определения ассоциативного поля слова-концепта. Однако следует учитывать, что концепт репрезентирует ассоциативное поле, но не равен ему. Концепт — это парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте, тогда как ассоциативное поле отражает все системные и несистемные связи и отношения слов и явлений (Чернейко, Долинский 1996: 38).

Предлагаемая методика применена и детально разработана в кандидатской диссертации О. В. Абыякой (2004) на примере анализа слов-мифологем, О. А. Ипановой (2005) на примере лингвокультурологического анализа концепта *жизнь* в русском языке и в других работах, выполненных на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ.

Литература

Brumfit C. Understanding, language and educational process // *Language and Understanding* / Eds. G. Brown, Malmkjaer e. a. — Oxford, 1994.

Абыякая О. В. Принципы лингвокультурологического анализа русской лексики (на примере слов-мифологем) // *Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Материалы IV Международной научно-практической конференции 28–29 июня 2001 г.* — СПб., 2002. — С. 194–200.

Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания. Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2004. — 195 с.

Арутюнова Н. Д. Введение // *Логический анализ языка. Ментальные действия.* — М., 1993. — С. 3–6.

Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология* / Под общей ред. В. П. Нерознака. — М., 1997. — С. 267–279.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж, 1996. — 104 с.

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики.* — Воронеж, 2001. — С. 25–35.

Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // *Вестн. Моск. ун-та.* — Сер. 9. — Филология. — 1999. № 4. — С. 34–49.

Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. — М., 2001. — 288 с.

- Вендина Т. И.* Языковое сознание и методы его исследования // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 19. — 1999. — № 4. — С. 15–33.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. — М., 1999. — 84 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. — М., 2000. — 124 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. — М.: Индрик, 2005. — 1038 с.
- Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. — М., 2004. — 236 с.
- Воробьев В. В.* К понятию поля в лингвокультурологии (Общие принципы) // Русский язык за рубежом. — 1991. — № 5. — С. 101–106.
- Гак В. Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. — М., 2000. — Вып. 1. — С. 36–45.
- Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А.* Когнитивные аспекты лексической системы языка (на материале функционально-семантической сферы «жить»). — Уфа, 1998. — 182 с.
- Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. — СПб., 2001. — 288 с.
- Ипанова О. А.* Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005. — 225 с.
- Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. — Волгоград — Архангельск, 1996. — С. 3–16.
- Карасик В. И.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. — Волгоград, 2001. — С. 3–16.
- Карасик В. И.* Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. — М., 2004. — 390 с.
- Карасик В. И.* Языковые манифестации социального статуса человека // Концепты. — Архангельск, 1997. — Вып. 1. — С. 99–129.
- Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. — Л., 1986. — 297 с.
- Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова... — СПб., 1999. — 368 с.
- Колесов В. В.* Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестн. С.-Петерб. ун-та. — 1992. — № 3. — С. 30–40.
- Комлев Н. Г.* Слово, денотация и картина мира // Вопросы философии. — 1981. — № 11. — С. 25–37.
- Кравченко А. В.* Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. — 1999. — № 6. — С. 3–12.
- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М., 2002. — 284 с.
- Кубрякова Е. С.* Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М., 1991. — С. 82–112.
- Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 34–47.
- Кубрякова Е. С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Вып. 1. — 2001. — С. 4–10.
- Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального слова память // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М., 2000. — С. 85–91.
- Ли В. С.* О языковой концептуализации мира и концептуальном анализе // Язык образования и образование языка. Материалы Международной научной конференции. — В. Новгород, 2000. — С. 184.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. — М., 1997. — С. 28–37.
- Лукин В. А.* Концепт истины и слово «истина» в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 63–86.
- Ляпин С. Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. — Архангельск, 1997. — Вып. 1. — С. 11–35.
- Ляпин С. Х.* Факт в пространстве бытия (опыт концептологического понимания). — Архангельск, 1996.
- Миллер Л. В.* Реализация эстетико-смысловых компонентов художественного концепта «путь» в интертекстуальном пространстве русской литературы // Преподавание русского языка как иностранного. Традиции и перспективы. — СПб., 1999. — С. 134–142.
- Данькова Т. Н.* Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2000. — 22 с.
- Мокиенко В. М.* Русские пословицы и поговорки и нерусская картина мира // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы докладов и сообщений. — 2001. — Т. 1.
- Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 1. — С. 34–42.
- Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. — СПб., 1996. — 760 с.
- Никитина С. Е.* О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М., 1991. — С. 117–123.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж, 2000. — 31 с.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — Харьков, 1888. Т. 1–2.
- Проскуряков М. Р.* Концепт из хаоса // Материалы XXVII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 12. Секция стилистики русского языка. — Ч. 1. — СПб., 1998. — С. 13–22.
- Рябцева Н. К.* «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М., 1991. — С. 72–77.
- Слухай Н. В.* Основные направления осмысления культурно-языкового феномена «концепт» в современной русистике // Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: Сборник докладов. — Том 1. — СПб., 2003. — Ч. 1. — С. 290–299.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М., 1997. — 824 с.

Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. — Петрозаводск, 1999. — 207 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996. — 288 с.

Токарев Г. В. Лингвокультурологическое осмысление отношений концептов «труд» и «календарь» // Язык образования и образование языка. Материалы Международной научной конференции. — В. Новгород, 2000. — С. 307–308.

Филкова П. Сопоставительная лингвокультурология (в рамках русского и болгарского языков) // VI Международный симпозиум «Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков» (Сербия, Белград, 1–5 июня 2004 г.). — Белград, 2004. — С. 91–94.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. Учебное пособие. — М., 2004. — 184 с.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. — М., 1997. — 352 с.

Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуально-го и ассоциативного анализа // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 9. Филология. — 1996. — № 6. — С. 20–41.

Вопросы

1. Что можно считать единицами изучения в лингвокультурологии?
2. Кому принадлежит авторство терминов «логоэпистема», «лингвокультурема», «лингвосапистема»?
3. Каковы общие черты языковых единиц, которые, по мнению П. Филковой, можно подвести под термин «лингвокультурные единицы»?
4. Какие точки зрения на определение термина «концепт» могут быть выделены в научной литературе?
5. Какими языковыми единицами репрезентируется концепт?
6. Каковы точки зрения исследователей на структуру концепта?
7. Почему термин *концепт* называют «зонтиковым»?
8. В чем, по мнению исследователей, заключается национальная специфика концепта?
9. В чем заключается методика изучения ценностных доминант в языке?
10. Чем отличается концептуальный анализ от семантического анализа слова?
11. Какие основные этапы концептуального анализа могут быть выделены?

IV.2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК БАЗОВАЯ ЕДИНИЦА ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В рамках системного подхода, являющегося методологической основой современной культурологии, культура рассматривается как совокупность объективных и субъективных элементов (Kroeber, Kluckhohn 1952; Triandis 1972; Мацумото 2002).

Объективные элементы культуры — это физические манифестации культуры, предметы, которые мы можем фактически увидеть и потрогать, такие как одежда, артефакты, посуда, пища и архитектура. Субъективные элементы культуры — все те аспекты, которые мы не можем увидеть или потрогать, но которые, как мы знаем, существуют, например социальные нормы, обычаи, установки и ценности (Мацумото 2002: 43). Разумеется, данное разделение условно, т. к. в сознании артефакты представлены как ментефакты.

Субъективные элементы культуры, реализованные в языке, получили название лингвокультурных концептов (Слышкин 2004).

Лингвокультурный концепт — условная ментальная единица, направленная на комплексную репрезентацию языка, сознания и культуры. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя вышеуказанными сферами может быть сформулировано следующим образом: сознание — область пребывания концепта (концепт лежит в сознании); культура детерминирует концепт; язык и/или речь — сферы, в которых концепт опредмечивается.

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт)¹, акцентуацией ценностного элемента. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать: «Это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т. д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт.

Лингвокультурный концепт — это условная единица в том смысле, что сознание синкретично и его членение производится в исследовательских целях.

Существует множество способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт»). К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней (Карасик, Слышкин 2001: 75–80).

План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех его «языковых реализаций, которые скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности (Воркачев 2004: 37).

¹ Хотя, на наш взгляд, эти понятия также могут быть определены как лингвокультурные концепты (см. работы В.И. Карасика).

Знаковая, лингвистическая природа культурного концепта предопределяет его закрепленность за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта (словотермином). Имя концепта — это главным образом слово, а в случае многозначности последнего — один из его лексико-семантических вариантов (Воркачев 2004: 123).

Таким образом, содержание термина *лингвокультурный концепт* отличается от термина *концепт*, используемого в когнитивистике. Как отмечает Г. Г. Слышкин, для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т. е. он может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи; для когнитивиста любому слову соответствует свой концепт, для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц (Слышкин 2004).

Основанием для выделения лингвокультурных концептов является наличие одиннадцати критериев, систематизированных О. А. Ипановой (2005) на основе работ А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, Н. Д. Арутюновой, М. В. Орешкиной, С. Г. Воркачева и др.: 1) слово-имя концепта должно быть высокочастотным, 2) слово-имя концепта должно содержать активную производящую основу, 3) словарепрезентанты концепта должны активно входить в состав устойчивых идиоматических конструкций; кроме того, существенными признаками являются 4) «переживаемость» концептов, 5) «номинативная плотность», 6) «непредельность», 7) «мировоззренческая ориентированность», 8) «лингвокультурная отмеченность», 9) коммуникативная релевантность, 10) «языковая абстрактность» — концепт обобщает значения своих лексических реализаций, а также 11) наличие «этимологической памяти». Отметим, что не все из приведенных критериев и не во всех случаях являются обязательными.

СПРАВКА

«Семиотическая плотность» (Воркачев 2004), или «номинативная дробность» (Попова, Стернин 2001), — это представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что объясняется их значимостью в жизни человека.

Оптимальным для полноты семантического описания лингвокультурного концепта является выделение в его составе трех составляющих: *понятийной*, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, *образной*, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостной*, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка (Воркачев 2004: 7), а также местом в концептосфере языка. В. И. Карасик справедливо, на наш взгляд, добавляет еще *ценностную* составляющую лингвокультурного концепта (Карасик 1996). Следует подчеркнуть, что все эти составляющие взаимосвязаны и взаимозависимы.

СПРАВКА

С. Г. Воркачев полемизирует с В. И. Карасиком, считая, что ценностное «измерение», при всей его значимости для выделения культурных доминант в языке, вряд ли предоставит материал для собственно лингвистического исследования, поскольку не имеет анализируемых специфических средств выражения и не является универсальным: можно указать на ментальные образования, с полным правом причисляемые к числу концептов, но не вызывающие никаких аксиологических и эмоциональных рефлексов, никакого «трепета» (время, пространство, язык и пр.) (Воркачев 2004: 7).

Приведем в качестве примера результаты проведенного Ю. А. Кузнецовым диссертационного лингвокультурологического исследования концепта «смех».

Слово-концепт «смех» как имя лексико-семантического поля

*(на материале диссертационного исследования
Ю. А. Кузнецова «Лексико-семантическое поле смеха
как фрагмент русской языковой картины мира»,
науч. рук. Е. И. Зиновьева)*

Существительное *смех* в русском языке имеет значение «короткие (прерывистые) голосовые (горловые) звуки, в норме являющиеся выражением того, что субъекту весело, которые возникают в результате коротких выдыхательных движений, обычно производимых с открытым ртом или растянутыми губами». Это понятийная составляющая данного концепта.

Принимая во внимание два типа употреблений слова *смех* в любом языке, можно выделить следующие разряды словосочетаний:

I. Симптоматические (физиологические).

II. Коммуникативные, обозначающие смех как социальный и культурный феномен.

I. К симптоматическим (физиологическим) словосочетаниям относятся те, которые характеризуют смех с точки зрения звучания.

I.1. По степени громкости: *громкий, тихий, громовой, беззвучный, немой смех; грохочет, грянул смех* и др.

I.2. По продолжительности звучания: *долгий, короткий, неумолкаемый, непрекращающийся смех* и др.

I.3. По характеру звучания: *бархатный, звонкий, залиvistый, клокоцущий, переливчатый, серебристый смех* и др. Характер звучания смеха определяет свойственную субъекту манеру смеяться.

I.4. Оценка звучания.

а) Положительная: *журчащий, искристый, колокольчатый, мягкий смех* и др.

б) Отрицательная: *визгливый, дребезжащий, крикливый, лающий, пискливый смех* и др.

Следует заметить, что оценка предполагает уже акт коммуникации и, таким образом, находится на границе двух выделенных разрядов, т. к. может быть отнесена и к коммуникативным словосочетаниям.

Характер звучания смеха часто характеризуется в русском языке при помощи метафор: метафоры жидкости (как и все эмоции в целом. — Арутюнова 1998: 389–392) — *густой, жидкий смех; захлебываться, заливаться смехом*; «военной метафоры» — *взрываться смехом и смех взорвался, залп смеха, взрыв смеха*. Заметим попутно, что в русском языке равным образом возможны словосочетания *захлебываться от смеха* и *захлебываться от слез*.

II. Коммуникативные словосочетания.

II.1. Характеризующие по социальному признаку.

— С точки зрения возраста: *детский, старческий, старушечий смех*.

— С точки зрения пола: *женский, мальчишеский смех*.

Существительное *смех* не имеет множественного числа, но может иметь коллективного субъекта, поэтому возможны словосочетания *общий смех, дружный смех*.

— С точки зрения межличностных отношений: *благодарный, понимающий, принужденный, льстивый, угодливый, язвительный смех* и др.

II.2. Физическое состояние субъекта характеризуют словосочетания, среди которых преобладают называющие болезненное

или сходное с ним состояние (в том числе метафоры): ср. *здоровый смех* и *нездоровый, спазматический, припадочный, судорожный, нервный смех; угорать от смеха, закуснуть от смеху* и др.

Смех всегда имеет внешнее проявление. Интенсивность смеха, выражающаяся в поведении субъекта, передается словосочетаниями *плакать от смеха, прослезиться от смеха, корчиться от смеха, трястись от смеха, падать от смеха, лежать от смеха, покатиться со смеху, упасть от смеху* и др. Крайняя степень интенсивности смеха и связанного с ней физического состояния субъекта выражается словосочетаниями *лопнуть от смеха, помирать со смеху, умирать от смеха, умирать со смеху, надрывать животики от смеха*.

II.3. Словосочетания, характеризующие психологическое состояние, эмоции субъекта.

Условно все словосочетания с существительным *смех*, обозначающие эмоциональное состояние субъекта, можно разделить на следующие подгруппы:

— Нейтральные с точки зрения положительной или отрицательной оценки: *смущенный смех, беззаботный, шаловливый смех* и др.

— Словосочетания, выражающие положительную оценку: *добрый, дружелюбный, ласковый, сердечный смех*, метафорическое сочетание *заразительный смех* и др.

— Словосочетания, выражающие отрицательную оценку: *обидный*, метафорическое сочетание *горький смех; горестный, недобрый смех* и др.

— Слово *смех* обозначает и напоминающую обычный смех нервную реакцию на сильное душевное потрясение (Урысон 2000: 312). См. в наших материалах: «Это было намного больше, чем я мог вместить, и из моей груди вырвался *нервный смех*, который обожженное кокаином горло превратило в подобие сиплого кашля» (В. Пелевин. Чапаев и пустота).

Эмоциональное состояние субъекта, как показывают приведенные примеры, часто трудно отделить от эмоционального отношения, характеристики межличностных отношений. Ср. сочетания, характеризующие главным образом эмоциональное отношение к другому лицу, восприятие смеха другого лица: *приятный, неприятный, ядовитый, язвительный, дурацкий, инфантильный смех* и др.

Достаточно большое количество прилагательных в русском языке характеризуют смех с точки зрения его искренности / неискренности: *вынужденный, деланный, искренний, льстивый, напряженный, напускной, натянутый, неестественный, принужденный, притворный, фальшивый*.

Анализ словосочетаний с существительным *смех*, обозначающих психологическое состояние человека, лишней раз подтверждает, что вербальные обозначения мимических жестов отображают комбинацию различных чувств. Ср. выражение *смех сквозь слезы*, оксюморонные сочетания *мучительный смех*, *муки смеха*, *горестный смех*. Переход в эмоциональное состояние, выражаемое смехом, могут обозначать сочетания *смех вырывается*, *смех разбирает*, *бросать в смех*, *смех напал*. Смех как выражение психологического (эмоционального) состояния трудно поддается контролю: *смех душил кого*, *давиться от смеха* и др. Попытку контроля над эмоциональным состоянием выражают такие словосочетания, как *сдерживать смех*, *подавленный смех*, *давиться от смеха (со смеху)*, *глотать смех*.

Смех может предполагать интеллектуальную оценку, например *глупый смех*.

В ходе исследования был проведен лингвистический эксперимент, в котором приняли участие студенты-филологи II и III курсов, обучающиеся на отделении «русский язык как иностранный» СПбГУ. В качестве информантов выступили 20 русских и 10 иностранных учащихся из Кореи, Китая, Японии, Испании и Финляндии.

В числе прочих заданий и русским, и иностранным учащимся было предложено написать адъективные и глагольно-именные словосочетания с существительным *смех*.

Русские студенты привели 95 адъективных словосочетаний с существительным *смех*; общее количество словоупотреблений — 364. Наиболее частотные словосочетания представлены в таблице 1.

Таблица 1

Наиболее частотные адъективные словосочетания с существительным *смех*, приведенные русскими информантами *

СЛОВСОЧЕТАНИЯ	ЧАСТОТНОСТЬ
громкий смех	10
веселый смех	10
звонкий смех	7
детский смех	7
добрый смех	7
заразительный смех	6
тихий смех	6
беззаботный смех	5
злобный смех	4
истерический смех	4
саркастический смех	4

Необходимо отметить, что прилагательные, входящие в состав атрибутивных сочетаний со словом *смех*, в русском языке связаны парадигматическими отношениями. Так, например, среди приведенных русскими респондентами единиц можно выделить следующие парадигматические связи:

Таблица 2

Парадигматические отношения прилагательных, характеризующих смех

СИНОНИМЫ	АНТОНИМЫ	ПАРОНИМЫ
беззаботный — беспечный		ироничный — иронический
беззлобный — добрый — добродушный	злобный — злой — злорадный	истеричный — истерический
злобный — злой — злорадный		
безумный — глупый — идиотский — тупой		
громкий — громовой — оглушительный	тихий	
глумливый — издевательский		
сатанинский — дьявольский		
болезненный — нездоровый		
грустный — невеселый		
радостный — счастливый — жизнерадостный	грустный — невеселый	
приятный	противный — поганый	
привычный — знакомый		

Русские студенты привели 46 различных глагольно-именных словосочетаний с существительным *смех*; общее количество употреблений — 78. Наиболее частотные из этих словосочетаний представлены в таблице 3.

Иностранцам студентам оказались знакомы следующие словосочетания (атрибутивные и глагольно-именные): *горький*, *театральный*, *радостный*, *громкий*, *гомерический*, *веселый*, *детский*, *наивный*, *приятный*, *мрачный смех*; *умереть от смеха*, *вызывать смех*, *услышать смех*, *смех напал на кого*, *сдерживать смех*, *слышится смех*¹.

¹ Выявленные в ходе эксперимента ошибочные употребления обусловлены различными причинами: незнанием управления русских глаголов, калькированием из родного языка, неправильным словообразованием прилагательных и приставочных глаголов. Ср., например: *слезный смех*, *смеяться носом*, *смеяться из живота*, *терпеть смех*, *отвращенный смех*, *задерживать смех*, *разобрать смех*, *покатиться со смехом*, *дать смех кому*, *получить смех от кого*.

Таблица 3

Наиболее частотные глагольно-именные словосочетания,
приведенные русскими информантами

СЛОВСОЧЕТАНИЯ	ЧАСТОТНОСТЬ
услышать смех	4
умирать/умереть со смеху	3
послышался смех	4
прекратился смех	4
поднять на смех	3
покатиться со смеху	2
звучал смех	3
захлебнуться смехом	2
зайтись смехом	2
доносился смех	3
вырвался смех	2

Неизвестными большинству иностранных студентов оказались такие словосочетания, как *давиться от смеха, закатиться смехом, поднять на смех, разразиться смехом, загибаться от смеха*.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента позволяют констатировать следующее:

1) наличие вербального обозначения мимического жеста смеха в разных языках словом, представляющим собой контекстно-независимый смысловой инвариант;

2) богатство и разнообразие синтагматических связей существительного *смех* в русском языке, известных его носителям;

3) освоенность иностранными учащимися лишь ядра стандартного языкового воплощения мимического жеста.

Слово-концепт *смех* широко представлено во фразеологических сочетаниях русского языка, что говорит о его «семиотической плотности» (Воркачев 2004): *смех сквозь слезы, без смеху, и смех и грех, на смех, смеху подобно* (Ожегов, Шведова); *гомерический смех, сардонический смех, лопнуть от смеха* (СФР — Бирих, Мокиенко, Степанова); *смеху подобно, кроме смеха, [и] смех и горе, как (будто) на смех* (Федоров — ФСРЛЯ); *курам на смех, без смеху* (БТС).

О важности концепта *смех* для русской языковой картины мира говорит наличие таких словосочетаний, как *День смеха, комната смеха*.

В концептосфере русского языка концепт «смех» связан парадигматически с такими концептами, как «жизнь», «слёзы» и «грех»¹.

Результаты проведенного анализа позволили выявить набор основных концептуальных признаков, в сумме образующих понятийную и значимостную составляющие слова-концепта *смех*. Для наглядности эти признаки представлены в следующей таблице:

Таблица 4

Основные концептуальные признаки слова-концепта *смех*

Признаки	Характеристика	Вербальная репрезентация
Внешнее проявление		1) симптоматические словосочетания
	звучание, в одном ряду с другими звуками	<i>взрывы смеха, музыка; голоса, смех</i>
	степень громкости	<i>громкий, тихий, громовой, беззвучный, немой; грохочет, грянул смех</i> и др.
	продолжительность звучания	<i>смех долгий, короткий, неумолкаемый, непрекращающийся</i> и др.
	характер звучания	<i>бархатный, звонкий, залихватый, клокощущий, переливчатый, серебристый смех</i> и др.
	оценка звучания: положительная и отрицательная	<i>журчащий, искристый, колокольчатый, мягкий смех</i> и др.; <i>визгливый, дребезжащий, крикливый, лающий, пискливый смех</i> и др.
		2) коммуникативные словосочетания, характеризующие
	а) по социальному признаку	
	С точки зрения возраста	<i>детский, старческий, старушечий смех</i>
	С точки зрения пола	<i>женский, мальчишеский смех</i>
	С точки зрения межличностных отношений	<i>благодарный, понимающий, принужденный, язвительный, угодливый, льстивый смех</i> и др.
	б) физическое состояние субъекта	
	преобладают называющие болезненное или сходное с ним состояние	<i>смех здоровый и нездоровый, спазматический, припадочный, судорожный, нервный; угорать от смеха, закинуть от смеху</i> и др.

¹ См. статью Бочинной Т. Г. Концепт «смех» в русской паремиологии // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской конференции 26–27 октября 2000 г. В 3-х т. Т. 2. СПб., 2001. С. 134–142.

Признаки	Характеристика	Вербальная репрезентация
Эмоциональное состояние, отношение	одиночные номинации	<i>приятный, неприятный, ядовитый, язвительный, дурацкий, инфантильный смех</i>
	комбинация различных чувств	<i>смех сквозь слезы, мучительный смех, муки смеха, горестный смех</i>
	переход в эмоциональное состояние	<i>смех вырывается, смех разбирает, бросать в смех, смех напал</i>
Оценка	положительная	<i>смех добрый, дружелюбный, ласковый, сердечный и др.</i>
	отрицательная	<i>обидный, горький смех; горестный, недобрый смех и др.</i>
	нейтральная	<i>смущенный, беззаботный, шаловливый смех</i>
	по степени искренности/неискренности	<i>вынужденный, напряженный, деланный, искренний, льстивый, напускной, неестественный, натянутый, принужденный, притворный, фальшивый смех</i>
	интеллектуальная	<i>глупый, идиотский смех</i>
Контролируемость	в позиции субъекта действия: невозможность контроля, автономность; попытка контроля над смехом	<i>смех разбирает, вырывается, смех душит кого; сдерживать смех, подавленный смех, давиться от смеха, глотать смех</i>
Каузатор	любой	<i>вызывать смех, причина смеха</i>

Эти концептуальные ядерные признаки иногда актуализируются в контекстах, могут быть представлены и имплицитно, но всегда являются общими для всех языковых реализаций концепта «смех».

Анализ метафорических словосочетаний со словом-именем концепта «СМЕХ» позволил выявить образную составляющую, дополнив набор концептуальных признаков. Эти концептуальные признаки являются общими для части языковых реализаций концепта «СМЕХ».

В русской ЯКМ «смех» соотносится с такими словами-концептами, как ЖИЗНЬ, ГРЕХ, СЛЕЗЫ, ГОРЕ: *смех сквозь слезы, и смех и грех, смех и горе; жизнь — это смех.*

Лингвокультурной, этносемантической спецификой отмечены значимостная и образная составляющие слова-концепта «смех».

Собственно языковой, внутрисистемный момент в семантике лингвокультурного концепта состоит также во включении этого

Образная составляющая слова-концепта смех

МЕТАФОРЫ	ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
Болезнь	<i>нездоровый, спазматический, припадочный, судорожный, нервный смех; угорать от смеха, закинуть от смеху, умирать от смеха; приступ смеха</i>
	<i>лопнуть от смеха, помирать со смеху, умирать от смеха, умирать со смеху</i>
Военная сфера	<i>взрываться смехом и смех взорвался, залп смеха, взрыв смеха; смех напал</i>
Вкус	<i>горький, ядовитый, едкий смех</i>
Жидкость	<i>заливистый, густой, жидкий, клокочущий смех; захлебываться, заливаться смехом; смех булькнул</i>
Живое существо (дикое)	<i>смех вырывается, смех душит, смех напал, сдерживать смех; крикливый, лающий смех</i>
Материал (металл, ткань, стекло и т. п.)	<i>бархатный, переливчатый, серебристый, звонкий смех; смех оборвался</i>

слова «в некоторый смысловой ряд, определяющий, в частности, наборы ... синонимов и антонимов» (Лотман 1994: 420), а «семиотическая плотность» — наличие у него большого числа синонимов — признается концептологически значимой характеристикой (Карасик 1996: 4).

Слово *смех* входит в большой синонимический ряд существительных в составе лексико-семантической группы наименований смеха.

Как справедливо пишет В. И. Карасик, представляют несомненный интерес те концепты, которые отражают специфическую логику, свойственную носителям определенной лингвокультуры. У таких концептов может не быть однословного обозначения, они представляют собой своеобразные коды — ключи к пониманию ценностей этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения. В частности, концепт-код прослеживается в этнокультурном юморе. Воспользуемся примерами исследователя.

Надпись на автозаправочной станции: «*Бензина на самом деле нет*». Необходимо знать, что в период дефицита объявления о том, что чего-либо нет, часто подвергаются в нашей стране справедливому сомнению: для всех официально — нет, но для некоторых, возможно, есть. Этот концепт-код раскрывает реалии нашей жизни и вытекающую отсюда логику поведения людей. Такая надпись вызывает улыбку у носителей современной русской культуры, переживших соответствующий период дефицита товаров.

Немецкий юмор, как известно, часто строится на столкновении прямой и изощренно ошибочной логики:

Врач: Вы курите?

Пациент: Нет.

Врач: Жаль, если бы вы курили, я бы посоветовал вам бросить, и вы бы почувствовали себя лучше.

Изошренная логика в данном случае сама по себе безошибочна, но абсолютно бессмысленна и поэтому является предметом шутки.

Русскому лингвокультурному сознанию присуща постоянная готовность свести ситуацию к абсурду для расшатывания, казалось бы, незбылемых норм: «*Все пропьем, но флот не опозорим!*». Ясно, что подразумевается пирушка моряков, состязающихся в количестве выпитого спиртного. Позор и выпивка традиционно соотносятся в иной плоскости — позор пьяницам. В приведенной шутке эта норма поведения ставится под сомнение и поэтому вызывает улыбку, — впрочем, только у носителей русской лингвокультуры (Карасик 2001).

Подводя итоги рассмотрения понятия «лингвокультурный концепт», отметим его известную условность. «Уязвимым местом» этого термина является в настоящее время его слишком широкое употребление, т. к. под содержание этого термина подводятся и значения языковых единиц, и особенности национального речевого поведения, и многое другое.

Литература

- Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. — М., 2004. — 236 с.
- Карасик В. И.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. — Волгоград, 2001. — С. 3–16.
- Карасик В. И.* Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. — М., 2004. — 389 с.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001. — С. 75–80.
- Кузнецов Ю. А.* Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира. Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005. — 215 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж, 2001. — 191 с.
- Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2004. — № 1. — С. 29–34.

Вопросы

1. Какую дефиницию можно дать лингвокультурному концепту?
2. В чем специфика лингвокультурного концепта по сравнению с другими ментальными единицами?

3. Что означает свойство «полиапеллируемости» лингвокультурного концепта?

4. Какие критерии являются основанием для выделения лингвокультурного концепта?

5. Какие составляющие выделяются в составе лингвокультурного концепта? В чем заключаются расхождения в точках зрения исследователей по этому вопросу?

IV.3. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Коммуникативное и речевое поведение

Коммуникативное поведение — это поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума. Коммуникативное поведение отражает национальный менталитет. Что такое коммуникативное поведение? Это совокупность норм и традиций общения народа. Норма — это то, что фиксируется, когда нарушается (см. работы И. А. Стернина и Ю. Е. Прохорова). И. А. Стернин в своем докладе на X конгрессе МАПРЯЛ отметил, что основная трудность описания русского коммуникативного поведения заключается в том, что у нас мало норм и много традиций. На Западе больше норм, на Востоке — больше традиций. В этом плане русские ближе по менталитету к Востоку. Обучение коммуникативному поведению — один из аспектов обучения иностранному языку. И. А. Стернин привел такой пример, демонстрирующий различия в толерантности по отношению к молчанию. В английской культуре пять-шесть минут молчания в разговоре — это норма. Коммуникативно-речевому поведению нужно обучать. При этом необходимо особо отбирать ситуации, в которых при межкультурном общении может быть культурный шок. Так, например, русские испытывают затруднения при ведении светской беседы, их нужно этому специально учить. Существуют различия в самопрезентации: у русских оно диффузное, у американцев — агрессивное. При обсуждении разногласий русским свойственны бурные дискуссии, резкие замечания, критика, а у немцев принято хвалить докладчика, не делать замечаний. Это различие проявляется на международных научных конференциях (Стернин 2003).

В ряде работ для обозначения коммуникативного поведения народа, группы, личности используется термин «*речевое поведение*». Речевое поведение выступает как синоним термина «коммуникативное поведение», они описывают одно и то же — общение народа, группы людей или личности как некоторую упорядоченную систему правил, но при этом термин «речевое общение» акцентирует речевую сторону, речевой аспект

общения, а термин «коммуникативное поведение» — коммуникативный, т. е. связанный с более широким набором факторов, в том числе нормами и правилами общения. Коммуникативное поведение, по мнению Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина, предпочтительнее как термин, поскольку коммуникативный аспект общения шире речевого, он включает речевой аспект общения как свою составную часть, но далеко не исчерпывается им (Прохоров, Стернин 2007: 42).

В процессе общения люди, как правило, воспринимают и оценивают друг друга с позиций собственной культуры и присущих ей стандартов, т. е. с позиций этноцентризма. Стараясь предсказать коммуникативное поведение собеседника, они сознательно или бессознательно полагаются на свой предыдущий опыт общения, однако если коммуниканты являются представителями разных культур, то этот опыт у них различен.

Приведем примеры Т. В. Лариной (Ларина 2003).

В русском сознании *быть вежливым* значит, главным образом, соблюдать правила поведения; в английском — продемонстрировать уважение, внимание к окружающим. Английская и русская вежливость имеют разную направленность: английская является объектно ориентированной, она направлена на собеседника и выполняет коммуникативную функцию; русская в большей степени замыкается в субъекте и несет этическую нагрузку. В русском сознании вежливость в большей степени ассоциируется с действенным, а не этикетным вниманием (вежливый — тот, кто помогает другим), в английском — с демонстративным и этикетным вниманием (вежливый — тот, кто демонстрирует свое уважение другим). Английская вежливость в равной степени направлена на всех; русская — в большей степени на «своих» и на тех, кто старше.

Называя русских людей грубыми, неприветливыми, излишне эмоциональными, агрессивными, любопытными, навязчивыми, представители других культур (в частности, англичане) обычно приводят следующие доводы: русские часто перебивают собеседника, легко вмешиваются в разговор, любят давать советы, критиковать, спорить, могут задавать личные вопросы, позволяют себе делать замечания окружающим, навязывают свое мнение другим, не контролируют свои эмоции, в процессе общения оказывают воздействие на собеседника, не всегда благодарят и извиняются, резко прекращают разговор и т. д. Приводимые доводы не беспочвенны: англичане практически никогда не делают замечаний, очень сдержанны в проявлении эмоций, всячески избегают оказывать воздействие на собеседника, умеют слушать, не перебивая, очень часто говорят *thank you* и *sorry*.

Одной из особенностей русского коммуникативного поведения, отмечаемых многими исследователями, является довольно свободное

употребление императива, которое в других коммуникативных культурах, в первую очередь в английской, имеет строгие ограничения. Именно эта особенность коммуникации является причиной того, что о русских сложилось представление как о людях грубых, навязывающих свою волю другим, склонных к директивам. В русской коммуникации императив является основным или важнейшим средством выражения не только таких речевых актов, как требование и команда, но также приглашения, совета, предложения. Императив, смягченный модификатором *пожалуйста*, легко переводит требование в просьбу, делая побуждение мягким и вполне вежливым. Не случайно *пожалуйста* в русской культуре называется волшебным словом. Несколько примеров:

- *Уберите, пожалуйста, вашу машину* (автоинспектор — водителю).
- *Откройте, пожалуйста, вашу сумку* (на таможне).
- *Предъявите, пожалуйста, ваш билет* (контролер — пассажиру).
- *Обратите, пожалуйста, внимание на эту таблицу* (преподаватель — студентам).

Английское *please* не имеет такого эффекта. Несмотря на наличие этого модификатора, английское императивное высказывание остается требованием. В английской коммуникативной культуре существует строгое табу на употребление императива. В английском языке употребляются вопросительные конструкции, модальные глаголы, условное наклонение и т. д. Например:

- *Could you please move your car?*
- *Will you open your handbag?*
- *Could I draw your attention to this table please?*
- *May I see your ticket?*

В английском менталитете существует зона личной автономии, являющаяся важнейшей культурной ценностью. Для ее названия в английском языке есть специальное слово — *privacy*. Сближение собеседников допустимо лишь до этой зоны, вторжение в нее является грубым нарушением норм общения. В русском менталитете ценятся общение и солидарность, подобной зоны личной автономии нет, сближение коммуникантов возможно до более близкого расстояния (Ларина 2003).

Культурно обусловленные сценарии А. Вежицкой

СПРАВКА

«Культурно обусловленные сценарии» — это краткие предложения или небольшие последовательности предложений, посредством которых делается попытка уловить негласные нормы

культуры какого-то сообщества «с точки зрения их носителя» и одновременно представить эти нормы в терминах общих для всех людей понятий (Вежбицкая 1997: 393).

Обосновывая свою концепцию, А. Вежбицкая исходит из следующих положений:

1. В различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причем не только с точки зрения лексики и грамматики.
2. Различия способов речевого поведения глубоки и образуют систему.
3. Они отражают различные культурные ценности или как минимум различия в иерархии культурных ценностей.
4. Речевые стратегии, типичные для данного языкового коллектива, не могут быть удовлетворительным образом описаны (тем более объяснены) в чисто «поведенческих» терминах; в действительности они представляют собой внешнее выражение скрытой системы «культурных правил»; чтобы понять способы речевого поведения данного общества, мы должны выявить и четко определить его имплицитные «культурные сценарии».
5. Для того чтобы избежать этноцентрической предвзятости при решении этой задачи, необходимо найти универсальную, независимую от конкретных языков основу для сравнения; этого можно достичь, если вышеупомянутые «правила» будут сформулированы в терминах лексических универсалий, которые являются общечеловеческими понятиями, лексикализованными во всех языках мира (Вежбицкая 2001).

СПРАВКА

Список семантических примитивов, предлагаемых А. Вежбицкой:

Субстантивы: Я, ТЫ, КТО-ТО (ЧЕЛОВЕК), ЧТО-ТО (ВЕЩЬ), ЛЮДИ, ЧЕЛОВЕК (BODY)

Детерминаторы: ЭТОТ, ЭТОТ ЖЕ, ДРУГОЙ

Квантификаторы: ОДИН, ДВА, НЕСКОЛЬКО, МНОГО, ВСЕ/ВСЬ

Атрибуты: ПЛОХОЙ, ХОРОШИЙ, БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ

Ментальные предикаты: ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ

Речь (speech): ГОВОРИТЬ (SAY), СЛОВО (WORD), ПРАВДА (TRUE)

Действия, события, движения: ДЕЛАТЬ, ПРОИСХОДИТЬ/СЛУЧАТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ

Существование и обладание: ЕСТЬ (СУЩЕСТВУЕТ), ИМЕТЬ

Жизнь и смерть: ЖИТЬ, УМИРАТЬ

Логические понятия: НЕ/НЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, МОЧЬ, ПОТОМУ ЧТО / ИЗ-ЗА, ЕСЛИ, ЕСЛИ БЫ

Время: КОГДА, СЕЙЧАС, ПОСЛЕ, ПЕРЕД, ДОЛГО (A LONG TIME), НЕДОЛГО (SHORT TIME), НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ

Пространство: ГДЕ, ЗДЕСЬ, НАД, ПОД, ДАЛЕКО, БЛИЗКО, С ЭТОЙ СТОРОНЫ, ВНУТРИ

Интенсификатор, аугментор: ОЧЕНЬ, БОЛЬШЕ

Таксономия, партономия: ВИД, ЧАСТЬ

Сходство: ПОДОБНО

(Вежбицкая 2001: 161)

В «культурно обусловленных сценариях» выражаются такие негласные правила, которые говорят нам, как быть личностью среди других личностей, т. е. как думать, как чувствовать, как хотеть (и как действовать согласно своему хотению), как добывать или передавать знания и, что важнее всего, как говорить с другими людьми. Правила подобного рода обычно являются для данной культуры специфическими (в большей или меньшей степени); поскольку, однако, они могут быть сформулированы на «естественном семантическом мета-языке», они сопоставимы и доступны пониманию в контекстах разных культур (Вежбицкая 1997: 393). Приведем несколько «сценариев», предлагаемых автором.

Сценарии чувств

Наиболее ярким примером культурно-специфических «сценариев чувств» служат «сценарии китайской сдержанности». В качестве иллюстрации А. Вежбицкая приводит один из рассказов о китайских обычаях:

«Жил давным-давно один почтенный старик, который разводил прекрасных лошадей. Как-то раз у него бесследно исчез призовой жеребец. Когда об этом узнали в округе, многие из его друзей пришли к нему выразить по-соседски свое сочувствие. К великому их изумлению, старика пропажа, по всей видимости, никак не обеспокоила. Когда же его спросили о причине такого безразличия, он многозначительно сказал: «Пропажа моего жеребца еще не означает, что потом не последует какого-либо возмещения». Удивительно, но несколько месяцев спустя жеребец вдруг появился снова, а вместе с ним и красавица кобыла — ценное пополнение для прекрасной конюшни. Теперь друзья пришли уже поздравить старика с удачей. И снова они нашли, что он взволнован меньше, чем можно было бы ожидать. «Это еще не значит, что следом не произойдет какой-нибудь беды», — были его слова. А тем временем красавица кобыла стала любимой верховой лошастью его единственного сына. Однажды, когда тот ехал на ней верхом, его выбросило из седла,

и он сломал себе ногу. Ходить нормально он уже больше не мог. Старик отнесся к этому вполне оптимистически. «Хоть это и был несчастный случай, но всё же и не смертельный. Может быть, он приведет в конце концов к чему-то хорошему», — таковы были его слова на этот раз. Прошел еще год, и на их сторону напало соседнее государство. Была объявлена война. От общего призыва в армию сына старика освободили из-за его хромоты. На той войне убили многих».

Рассказ учит отрешенности от превратностей жизни и тому, насколько важна широкая временная перспектива в оценке того или иного события. Это классический пример китайского кредо — умеренности (следования средним путем) в применении к своей личной и общественной жизни.

Но такими словами, как «отрешенность» и «умеренность», отдать должное китайским нормам не удастся. Это «западные слова», они не передают точку зрения китайца с точностью. К примеру, слово «отрешенность» тесно связано с христианской традицией, укоренившейся в классических западных словах. Само собой разумеется, что эта традиция весьма отлична по содержанию и духу от китайского «среднего пути». Чтобы обрисовать обсуждаемые китайские нормы более точно, А. Вежбицкая предлагает следующие культурно обусловленные сценарии (составленные из лексических универсалий):

Китайский сценарий:

когда что-то плохое случается со мной,
хорошо думать что-то вроде:
«что-то хорошее может случиться со мной из-за этого (после этого)»
если я буду думать что-то вроде этого,
я не буду чувствовать что-то очень плохое
это хорошо
когда что-то хорошее случается со мной,
хорошо думать что-то вроде:
«что-то плохое может случиться со мной благодаря этому (после этого случая)»
если я буду думать что-то вроде этого,
я не буду чувствовать что-то очень хорошее
это хорошо.

Хорошим примером англо-американского «сценария чувств» может послужить сценарий «чувствовать что-то хорошее»:

хорошо чувствовать что-то хорошее всё время.

Сценарий подобного рода чужд культуре японцев, где ожидается, что человеку часто приходится «чувствовать что-то плохое» и что следует высказать это ради социальной гармонии и хороших социальных отношений.

Сценарии того, как думать

Одним из самых характерных англо-американских «правил мышления», о котором много говорят, является постулат «позитивного мышления». Это правило можно сформулировать следующим образом:

хорошо часто думать что-то вроде:
я могу сделать что-то (очень) хорошее.

Еще одно англо-американское правило, которое приводит А. Вежбицкая, можно назвать правилом «уверенности в себе»:

плохо часто думать что-то вроде:
кто-то другой сделает для меня хорошее
мне не надо ничего делать
хорошо часто думать что-то вроде:
если я хочу, чтобы со мной случилось что-то хорошее,
мне надо делать что-то для этого
я могу это делать

Сценарии того, как хотеть

Англо-американская культура поощряет своих носителей говорить о том, чего ты хочешь сам, и давать другим людям право выбора. Это может быть представлено следующим образом:

каждый может говорить другим людям что-то вроде:
я хочу этого, я не хочу этого
так говорить хорошо
хорошо говорить другим людям что-то вроде:
я хочу знать, что ты хочешь.

Японская культура, наоборот, настаивает на почти диаметрально противоположных сценариях:

я не могу говорить другим людям что-то вроде:
я хочу этого, я не хочу этого.

Не поощряются в японской культуре и вопросы к другим людям о том, чего они хотят. Вам скорее придется угадывать потребности других и стараться удовлетворять их, не заставляя других людей говорить что бы то ни было:

я не могу сказать другим людям что-то вроде:
я хочу знать, что ты хочешь
хорошо знать, что другие люди хотят (и думают, и чувствуют),
когда они ничего не говорят.

Сценарии того, как говорить что-либо

Англо-американская культура поощряет ее носителей отзываться с похвалой о других людях, чтобы получать от них положительную ответную реакцию и поднимать их в их собственных глазах.

Это можно представить следующим образом:

хорошо часто говорить другим людям что-то вроде:
ты сделал (делаешь) что-то (очень) хорошее.

В японской культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется:

нехорошо говорить другим людям что-то вроде:
ты сделал что-то хорошее.

С другой стороны, в японской культуре вполне поощряется говорить о себе «плохие вещи» по такому принципу:

хорошо часто говорить другим людям что-то вроде:
я сделал что-то плохое
я чувствую что-то плохое благодаря этому (Вежицкая 1997).

Культура и дискретные речевые акты

Речевые акты могут рассматриваться как минимальные дискурсивные сценарии с законченными интенциями и обуславливающими их адекватное выражение ценностями. Для исследования речевых актов необходимо как минимум определить их цели и идентифицировать семантические и прагматические условия их достижения. Последние могут быть представлены в виде фреймов. При совпадении фреймов речевого акта у говорящего и слушающего цель будет достигнута, при их расхождении возможны нарушения общения. Г. В. Елизарова

ва описывает различия во фреймах, отражающих структуру некоторых речевых актов в англоязычной и русской культурах (Елизарова 2005). Приведем некоторые из ее примеров.

Жалоба

Фрейм, отражающий структуру жалобы в англоязычных культурах, в тех случаях, когда она носит формальный характер и обращена к тому, кто, по мнению обращающегося, несет ответственность за неудовлетворительное положение дел, включает следующие компоненты: 1) объяснение цели, 2) собственно жалобу, 3) подтверждение ее правомерности, т. е. объяснение того, почему субъект жалуется, и 4) предлагаемое решение. Лингвистически жалоба носителей английского языка характеризуется: 1) использованием вопросительной формы для получения разрешения объясниться, попросить совета или привлечь внимание собеседника к возможности изменения решения или ситуации: *Do you have a minute so that we could go over the problem together?, I'd like any advice you could give me over the problem I have...*; 2) деперсонализацией высказывания, которая приводит к тому, что вина переносится с субъектов на объекты: *It feels like the grade may reflect a difference of opinion*; 3) признанием частичной ответственности за проблему: *I know that a lot of those problems are mine..., I am wondering if it was just a lack of explanation on my part that...*; 4) использованием «смягчающих» выражений, таких как *maybe, a little, perhaps, kind of, just, really* и др., что демонстрирует отклонение положения дел от ожидания, что, собственно, и порождает жалобу. Все перечисленные структурные компоненты отсылают к традиционным ценностям. Формулировки в виде вопросов направлены на сохранение отрицательного лица вежливости слушающего и позволяют ему отказаться от сотрудничества в данный момент или вообще. Признание меры собственной ответственности соотносится с представлением о собственном контроле за происходящими событиями и их результатами, в том числе и негативными. Смягчающие выражения призваны продемонстрировать невмешательство (non-imposition) в дела другого.

Сравним фрейм, которым оперируют российские студенты, обращающиеся с жалобой к американским профессорам на неадекватную отметку. В их речи доминируют высказывания, содержащие модальные глаголы, особенно *should*: *You should look at it again, You can see the points here*. Таким образом, разговор не только теряет характер запроса и приобретает характер претензии, но и переходит из деперсонализованного в личный. Американские профессора также отмечали, что российские студенты редко признают собственную ответственность за упущения, а также редко предлагают конструктивный путь решения проблемы, требуя просто повышения оценки. С точки зрения российской культуры такой подход вполне объясним и согласуется с коллективистскими ценностями, которые распространяются

и на совместную ответственность за полученные (или неполученные) студентом знания. Однако такие лингвистические характеристики отсылают носителей английского языка к другому фрейму, включающему наряду с объяснением причины жалобы и ее обоснованием такие компоненты, как критика, требование и агрессивность, а это в американском сознании уже другой фрейм: не жалоба, а критика. Критические замечания личного плана, адресованные студентом профессору, неприемлемы в американской культуре и вызывают негативную реакцию. Адресаты не распознают их как неаутентичные высказывания иностранцев, но воспринимают как оскорбительные.

Кроме структурного фрейма жалобы существует и содержательный, т. е. фрейм, определяющий то, на что приемлемо жаловаться. Здесь тоже имеются большие культурные расхождения. В российской культуре жалоба часто играет роль связующего стержня разговора, позволяя собеседникам найти точки соприкосновения (общие предметы или объекты жалобы), продемонстрировать участие друг в друге, солидаризоваться в том, что многие моменты судьбы нам неподконтрольны, и выразить эмоции. В качестве речевого акта она имеет очень широкое распространение. В сочетании с темой разговора, которая может касаться политики правительства, действий начальства или поступков мужа или жены, жалоба становится отличительной чертой русской речи. Цель ее чаще всего не в разрешении проблемы, а в получении утешения и моральной поддержки. Перенос таких культурно обусловленных характеристик жалобы в англоязычную речь нарушает ее аутентичность как речевого акта и ведет к нарушению общения. Реакцией носителей английского языка в таких случаях могут быть: 1) смена темы; 2) вопросы; 3) возражение; 4) шутка или поддразнивание; 5) совет или лекция и 6) согласие с жалобой, направленное исключительно на плавное продолжение разговора и скорейшее окончание жалобы. В подобных случаях оба участника общения испытывают неудовлетворенность. Носитель языка недоволен или обескуражен грубостью обращающегося, которую он, как правило, приписывает качествам личности, а говорящий на английском языке россиянин не получает ожидаемого результата — исправления положения дел и/или сочувствия — и разочаровывается либо в том человеке, к которому он обратился, либо во всей системе общения, не учитывающей его интересов и не предоставляющей возможности реализации его представлений.

Приглашение

Социокультурные правила приглашений в англоязычных культурах, и особенно в американском обществе, по мнению их исследователей, могут представлять трудности для представителей других культур.

Структурный фрейм приглашения включает как минимум два компонента. Первый — вступление в виде вопроса или комментария, направленное на то, чтобы выяснить, свободен ли человек в предполагаемое время, интересуется ли он предполагаемым приглашением событиями и т. д. (*Are you busy tomorrow night?* — «Вы заняты завтра?», *Do you care about jazz music?* — «Вам нравится джазовая музыка?»), направленное на сохранение отрицательного лица вежливости приглашаемого, позволяющее ему отказаться в косвенном виде. Второй компонент — собственно недвусмысленное приглашение, касающееся времени, места и предполагаемого вида деятельности.

Фрейм приглашения в российской культуре более прозрачен и позволяет начать приглашение непосредственно с предложения совместно заняться какой-то деятельностью. Более того, лингвистические построения такого рода гораздо более приемлемы в российской культуре, поскольку именно они позволяют приглашаемому сначала оценить приглашение, а затем принять решение о нем и в случае, если приглашение неинтересно или обременительно, сослаться на занятость в указанное время, что было бы невозможным, если бы приглашаемый сначала отрицательно ответил на вопрос о том, свободен ли он. Расхождения во фреймах продиктованы культурными различиями в принципах вежливости и базовых ценностях, определяющих то, насколько позволительно вторгаться в личные дела друг друга. Они не являются «лучшими» или «худшими», а определяются терминами приемлемости. Но расхождение фреймов очевидно в речевом поведении и проявляется в том, как россияне делают своим американским сверстникам, друзьям или коллегам предложения вместе провести время. Они сразу начинают с предложения, не задавая вопроса о том, свободен ли приятель или сослуживец в указанное время, и тем самым либо нарушают негативное лицо собеседника, лишая его возможности отказаться, либо нарушают его позитивное лицо, обрекая на выражение отказа.

Ложь

По определению, «ложь» — это прагматический акт, имеющий своей целью создание заведомо неверного впечатления. В англоязычных культурах его структурный фрейм включает следующие компоненты: 1) высказывание ложно; 2) его автор знает, что оно ложно; 3) он намерен обмануть собеседника. Критическим условием определения речевого акта как лжи является намерение обмануть, а не несоответствие высказывания истинному положению дел. Поэтому в рамках американской культуры с ее доминантой на позитивном впечатлении и на ободрении как стимуле для последующего действия высказывания, фактически искажающие действительность, имеют

место в структуре дискурса и понимаются его участниками как воплощение желания ободрить и помочь, а не как ложь, поскольку не имеют в своей основе *намерения обмануть*. Отсутствие представлений о такой когнитивной модели у носителей российской культуры приводит их в лучшем случае к реакции раздражения при виде того, как в американских фильмах явно умирающему герою говорят: *You are going to be all right, I promise* («С тобой всё будет хорошо. Я обещаю»), а в худшем — к укреплению стереотипа о лицемерии американцев. Аналогичным образом воспринимаются русскими высказывания типа *I'll call you later* («Я позвоню тебе на днях») или *Drop in any time* («Заходи в любое время»), целью которых является не отражение факта намерения продолжить контакт, а практически ритуальное выражение ободрения вообще, направленное, наподобие приветствий, исключительно на признание самого факта существования собеседника (Елизарова 2005).

Литература

Аришинова О. С. Обучение речевому акту «комплимент» в иностранной аудитории (II сертификационный уровень). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2007. — 21 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М., 2001. — 272 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1997. — 416 с.

Владимирова Т. Е. Призванные в общение. Русский дискурс в межкультурной коммуникации. — М., 2007. — 304 с.

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. — СПб., 2005. — 352 с.

Вопросы

1. Какое определение можно дать термину «коммуникативное поведение»?
2. Как соотносятся коммуникативное и речевое поведение?
3. Что такое «культурно обусловленные сценарии» в концепции А. Вежбицкой?

V. СЛОВАРИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

V.1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК

Синтез филологии и культуры явился мощным фактором актуализации и выделения нового направления в лингвистике — *лингвокультурологии*, а в лексикографии — *лингвокультурологии*.

Лингвокультурология — относительно новая отрасль российской лексикографии. Как и лингвокультурология, лингвокультурология — комплексное направление (отрасль). К нему относятся словари, в которых сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка. Объектом описания в таких словарях являются различные языковые единицы, а также невербальные средства (жесты, мимика, телодвижения), выражающие национальные культурно значимые реалии и/или репрезентирующие культурные концепты. В разных словарях соотношение собственно лингвистической и культурной информации может быть различным: одни из них более «лингвистичны», другие более «культурологичны».

Данное направление не является совершенно новым, оно представляет собой современный этап развития выделявшейся ранее лингвоэнциклопедической лексикографии, занимающей промежуточное положение между лингвистической и энциклопедической лексикографией. Но сейчас это направление модифицируется: расширяется круг объектов описания и источников фактического материала, углубляется семантическая разработка описываемых объектов, расширяется общий корпус таких словарей и их типология. Культурную информацию отражают любые традиционные словари (толковые, идиостилистические, ономастические, словари диалектные, исторические, фразеологические, словари крылатых слов и выражений, паремий и т. д.), но они не преследуют специальной задачи акцентировать такую информацию, и в случаях необходимости пользователю приходится извлекать ее из словарных толкований, иллюстративного материала, а также ориентируясь на словарные пометы функционального типа (*устар.*, *в старину*, *доревол.* (*в доревол. России*), *малоупотр.*, *неупотр.*, *обл.* и др.), указывающие на происхождение слова (*араб.*, *англ.*, *др.* — *русск.*, *русск.* и т. п.) и др. Таким образом, в современной лексикографии назрела необходимость выделить лингвокультурологию как относительно самостоятельную отрасль (направление) и в связи с этим определить ее границы, т. е. типизировать реально

существующие словари. Однако, ставя подобную задачу, следует признать, что такие границы не могут быть жесткими, строго очерченными, многие словари относятся как к лингвокультурологии, так и к собственно лингвографии (Лукьянова 2006: 305–307).

Усилия составителей словарей лингвокультурологического типа, ориентированных на иностранного адресата, направлены на эксплицирование тех особенностей языковых единиц, которые не нуждаются в комментарии для носителей языка, являются для них самоочевидными.

Основные принципы организации и описания материала в словаре лингвокультурологического типа на настоящий момент в основном сложились. Это антропоцентрический подход, прагматическая ориентация (учет адресата), преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования, положение о том, что в качестве основного критерия лексикографической минимизации необходимой экстралингвистической информации должен выступать языковой материал, принцип эффективности описания, полноты и одновременно простоты, объективности анализа.

В зависимости от материала в качестве единицы описания в лингвокультурологическом словаре может выступать слово-концепт, прецедентное имя или выражение, фразеологизмы, в том числе пословицы и т. п. Соответственно, в каждом отдельном случае отличаются тип комментария, структура словарной статьи, иллюстративный материал.

Общим является то, что в словарной статье русского словаря лингвокультурологического типа должны найти отражение представления, актуальные для носителей русской лингвокультуры при их обращении к определенному фрагменту языковой картины мира.

При номинации совокупности лингвокультурологических источников целесообразнее использовать родовой термин «*словари лингвокультурологического типа*». Классификация же этих весьма разнородных лексикографических произведений в учебных целях может быть представлена следующим образом¹:

Словари лингвокультурологического типа

1. Культурологические словари
2. Толковые словари с историко-культурными данными
3. Функционально-когнитивные словари
4. Лингвострановедческие словари
 - 4.1. *Словари тематической лексики*
 - 4.2. *Словари фразеологии и афористики*
 - 4.3. *Словари соматического языка*
 - 4.4. *Словари речевого этикета*

¹ Ср. классификацию лингвокультурологических словарей, предложенную в статье Н.А. Лукьяновой (2006).

5. Лингвокультурологические словари

5.1. Словари тематической лексики

5.2. Словари концептов

5.3. Словари фразеологии

Литература

Лукьянова Н. А. Лингвокультурология в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX — начало XXI в.) // *Tehun grammatike* (Искусство грамматики). Вып. 2. Новосибирск, 2006.

V.2. ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩЕСТВУЮЩИХ СЛОВАРЕЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

1. Культурологические словари

Этот тип словарей не относится к собственно лингвистическим, но приводимые в данных изданиях данные активно используются в новейших лингвистических работах, служат базой для собственно лингвистических, лингвокультурологических изысканий.

Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 2001. — 608 с.

Первое издание словаря вышло двумя тиражами — в 1997 и 1999 гг.

Уникальный словарь-гипертекст, поясняющий наиболее актуальные понятия из основных областей культуры XX века: философии, психоанализа, лингвистики, семиотики, поэтики, стихосложения и литературы. Словарь гуманитарных идей XX столетия. Включает 170 словарных статей.

Словарь представляет собой совокупность трех типов статей. Первый — статьи, посвященные специфическим явлениям культуры XX века, таким как *модернизм*, *трансперсональная психология*, *концептуализм* и т. п. Статьи второго типа посвящены понятиям, которые существовали в культуре задолго до XX века, но именно в нем приобрели особую актуальность или были серьезно переосмыслены. Это такие понятия, как сновидение, текст, событие, существование, реальность, тело. Третий тип статей — это небольшие монографии, посвященные ключевым, с точки зрения автора словаря, художественным произведениям XX века.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. И доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.

Книга представляет собой словарь концептов — основополагающих понятий русской культуры, таких как «Мир» (вокруг нас),

«Ментальный мир» (в нашем сознании) и их компонентов — концептов «Слово», «Вера», «Любовь», «Радость», «Знание», «Наука», «Число», «Счет», «Страх», «Тоска», «Грех», «Блуд», «Свои — чужие» и т. д.

Грамотны ли вы, или 5000 слов, которые помогут проверить это / Сост. В. А. Пушкиных, Н. Н. Шевченко. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. — 86 с.

В основу словаря был положен метод оценки культурной грамотности, предложенный профессором Э. Д. Хиршем. Культурная грамотность — это система знаний, необходимая человеку для того, чтобы ориентироваться в современном мире. Она включает в себя знания во всех сферах человеческой деятельности. Эти знания могут существовать как в явной форме, так и в виде латентных знаний. Они позволяют человеку, получившему информацию из печати, телевидения, радио или иного источника, понять ее адекватно, проникнуть в ее контекст, сделать соответствующие выводы и выработать собственную точку зрения.

Фрагмент словаря на букву Б:

Б

Баба-яга
Бабель И. Э.
Бабочкин Б. А.
«Бабье лето»
Бавария
Багамские острова
Багдад
Багратион П. И.
Багрицкий Э. Г.
Бажов П. П.
Базаров (лит.)
Базальт
Базилика
Базис и надстройка
Байрон Джон Гордон

2. Толковые словари с историко-культурными данными

Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 4000 единиц. — М.: Русские словари, 1997. — 704 с.

Издание содержит словарное описание старомосковского языка и быта (период с начала XIX по 20-е годы XX в.). Основное внимание уделено последнему тридцатилетию XIX в. Словарь составлен с при-

влечением как широко известных источников (творчество А. Чехова, А. Островского, П. Боборыкина, И. Шмелева), так и литературы, неизвестной и иногда недоступной широкому читателю.

В состав словаря вошли:

— неофициально-разговорные старомосковские топонимы, а также некоторые официальные топонимы с дополнительным, «неофициальным» культурологическим комментарием;

— ненормативные, разговорно-просторечные наименования типичных реалий (одежды, блюд, различных инструментов, транспортных средств и т. п.), которые, судя по их частотности упоминания в источниках, играли важную роль в быту и занимали значительное место в менталитете москвича прошлого столетия, некоторые наиболее показательные архаизмы и историзмы, имевшие отношение к стихии быта;

— различные жаргонизмы (арготизмы, профессионализмы, корпоративные слова и выражения и т. п.), ярко отражающие быт и нравы людей различных сословий и профессий: извозчиков, студентов, старьевщиков, банщиков, парикмахеров, букинистов, нищих, воров, портных, мелких чиновников, профессиональных революционеров, кухарок, официантов, торговцев, купцов, разорившихся дворян, артистической богемы и т. д. и т. п.;

— типичные образцы городской, «уличной» риторики (выкрики извозчиков, рекламное острословие торговцев и др.);

— типичные образцы московского просторечия, включая сюда характерные примеры сниженно-«площадного» языка, ироничные инвективы и проч.;

— имена и прозвища легендарных исторических личностей, чаще москвичей, ставших героями городского фольклора, популярных анекдотов и т. п.

Словарная статья состоит из следующих элементов:

1. Заглавное слово.

2. Толкование.

Толкование может иметь как сугубо лингвистический характер, так и культурологическое (т. е. социологическое, этнографическое и любое иное) наполнение.

3. Цитата из источника, иллюстрирующая характерное контекстуальное и конситуативное бытование заглавного слова. Точных, постраничных ссылок на источники в словаре не приводится: дается имя автора и название произведения.

4. Дополнительный лингвистический или культурологический комментарий, который может включать следующие компоненты:

а) конкретизатор социальной (профессиональной) среды, например: «из речи сапожника»;

б) краткая этимологическая или словообразовательная справка;
в) аналогия с современным языком и бытом;
г) краткий общекультурологический (или общелингвистический) комментарий, представляющий собой максимально сжатую информацию.

5. Ссылочные статьи.

Словарь содержит указатель имен собственных, использованных в словаре либо в составе иллюстраций, либо в толкованиях, либо в этимологической справке.

Образцы словарных статей:

СЕСТРИЦА. Один из популярных сортов табака. «Сестрица» — очищенная жилка, крепкий, в затяжку не продохнешь, пятками вперед домой пойдешь и двери к себе не найдешь!

Из балагурства торговцев-разносчиков; Е. Иванов.

СЕЧЕНИЕ: сече́ние розгами. Как типичное средство воспитания описано во многих источниках. Широко практиковалось в московском быту почти до начала XX в. Сечение было достаточно «тонкой» наукой. Необходимо было максимально наказать виновного и в то же время — не засесть его насмерть и оставить работоспособным. Поэтому при сечении использовались всевозможные «предохранительные» меры. «Сечение... совершалось по особенной методе: Елей Алексеевич каждому перед операцией давал выпить стакан воды, а под голову клал что-нибудь, чтобы голова была выше, а то может прилив крови быть к голове...» («Наше купечество...») Обычно сечение осуществлялось по субботам и в прост. называлось «субботниками».

Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц / Н. П. Колесников. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. — 608 с.

По собранным в словаре названиям можно судить о месте женщины в крепостной России, Советском Союзе и в нашем демократическом государстве, о ее духовном мире, интересах, профессии, семейном положении, внешности, характере, поведении.

Словарь построен по алфавитному принципу. Каждое слово имеет толкование и снабжено стилистической пометой. В приложениях приводятся названия жительниц России, имена героинь Библии с краткими сведениями об их роли в жизни библейских персонажей и др.

Образцы словарных статей:

БОЙ-БАБА, бой-баб. *Разг.* Бойкая, энергичная, решительная женщина.

ЗАПАДНИЦА. *Разг.* Сторонница западничества (общественного течения в России сер. XIX в., представители которого считали российскую историю частью общемирового исторического процесса, выступали за западноевропейский путь развития страны).

ПОЧЕЧУЙКА, — чук, **ПОЧЕЧУШКА,** — шек. *Устар.* Дурно одетая женщина.

Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. — Санкт-Петербург: Европейский Дом; Москва: Знак, 2004. — 680 с.

Акцент в словаре сделан на реалиях быта рассматриваемого времени. В словаре собраны слова и выражения, которые обозначают те явления быта, которые или исчезли, или находятся на грани исчезновения, или изменили свою смысловую направленность. Чаще всего они лишь приблизительно знакомы современному читателю. Вместе с тем в словник включены такие слова, как *балалайка, завтрак, консервы* и др. Авторы сочли возможным включить их либо потому, что их происхождение относится к XVIII–XIX вв., либо потому, что их смысловое наполнение в рассматриваемый период отличается от современного.

В основе данного словаря лежит вышедший в 1999 г. «Российский историко-бытовой словарь» Л. В. Беловинского.

В словарь вошли данные по истории государственных учреждений, сведения о чинах, званиях, титулах, духовных санах, истории военного и гражданского костюмов, одежде разных сословий, духовном облачении, пище, транспорте, интерьере жилищ, храмов и учреждений, оружии и орудиях труда, домашней и церковной утвари. Включены статьи, посвященные народному и церковному календарям, народным верованиям и обрядам, фольклорным персонажам, а также идиома-тические выражения, жаргонные слова и т. п.

По характеру представления статей этот словарь является толковым. Содержащаяся в нем информация подается в историческом и этнографическом ракурсах. Там, где это возможно, указывается словная атрибуция описываемых явлений. Ко многим статьям приводятся цитаты из литературных или фольклорных текстов, призванные иллюстрировать контекстное использование рассматриваемых явлений. При составлении словника учитывалось вхождение слов в состав литературных, исторических текстов, мемуарной литературы.

Словарь включает около 5000 словарных статей.

Образец словарной статьи:

ГРИБЫ́ — популярная пища русской кухни: свежие Г. жарят в **масле** или сметане, варят, начиняют ими **пироги**. Для заготовки впрок Г. сушат, чтобы потом варить суп, солят, маринуют, готовят грибную **икру**, жарят и заливают топленным коровьим маслом, делают салаты. Грибные блюда становились основной пищей во время многочисленных **постов**, а для **крестьян**, которым постоянно не хватало **хлеба** до нового урожая, первые летние Г. — колосовики были существенным подспорьем. С Г. было связано много поверий. Они делились на мужские (выпуклые) и женские (вогнутые), наделялись даром речи, способностью к различного рода превращениям. Урожай Г. непосредственно связывался не только с дождем, но и с громом, молнией. *И урожай хорош, и заготовки вышли удачно, только вот грибов не уродилось: придет Великий пост, во щи покинуть нечего.* М. Е. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина.

ГРІВЕННИК — русская серебряная монета достоинством в 10 **копеек**. *Рука невольно тянется в карман за последним, единственным гривенником.* А. И. Куприн, Юнкера.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. — 270 с.

По своему назначению словарь является толково-энциклопедическим, что отражает его двоякую природу. С одной стороны, он выполнен как толковый, т. е. такой, в котором дается толкование значения каждого слова и показывается его соотношение с другими словами; приводятся грамматические характеристики, некоторые стилистические пометы и иллюстрации в виде речений и цитат. С другой стороны, словарь содержит большой объем энциклопедической информации, которая либо составляет все содержание словарной статьи (при описании персоналий, икон и т. п.), либо приводится в конце словарной статьи в легенде — комментарии, содержащем богословские, исторические, фактические, культурные и др. сведения. Цитаты из текстов Нового Завета, из просветительской религиозной, а также светской литературы выполняют разные функции: дополняют и углубляют толкование, представляют разнообразную информацию о церковной культуре, вводят в круг церковного чтения.

В словаре представлены разные группы и объединения слов:

- основные понятия вероисповедания и богословские понятия (*Бог, Троица, дух, Евангелие, вера, любовь* и др.);
- лексика христианской морали (*добро и зло, грех, милость, смирение* и др.);

- названия таинств (*крещение, миропомазание, покаяние, причастие* и др.);
- наименования Небесной иерархии (*ангел, архангел, серафим* и др.);
- элементы церковного календаря: церковные праздники, богослужебный круг, суточные богослужения и т. д. (*Пасха, Рождество Христово, Троица, Великий пост* и др.);
- формы и элементы богослужения (*литургия, утренняя, вечерняя, молебен* и др.);
- храм и его части (*церковь, алтарь, иконостас, амвон* и др.);
- предметы богослужения (*антиминс, дискос, кадило, просфора*);
- священнические облачения и их части (*фелонь, орарь, омофор, камилавка, митра*);
- наименования церковной иерархии (*иерей, диакон, митрополит, епископ, патриарх*);
- наименования библейских персонажей и знаменательных лиц (*апостол, пророк, святой, мученик, праведный* и др.).

Образец словарной статьи:

КОЛОКОЛ, а. м. Ударный сигнальный инструмент, обычно бронзовый или медный, в виде пологого усеченного конуса с подвешенным внутри стержнем (языком), звуки которого служат для созыва верующих на богослужение, сопровождение крестных ходов и т. п. *Полвека молчал валаамский колокол, заговорив вновь четыре с половиной года назад, когда на острове появились насельники возрождающегося монастыря. Разные периоды пережил монастырь за свою почти тысячелетнюю историю.* Смена. 18.06.94. *Помню, как впервые в ясный апрельский день услышал колокола церкви Всех Святых на Кулишках.* Памятники Отечества, 1997, № 37.

В христианском богослужении впервые введены в IV в. На Руси впервые колокола используются с IX в., собственного изготовления — с XIV в. С XVI в. в Москве стали отливать самые большие в мире колокола, например Царь-колокол в Московском Кремле весом более 200 тонн.

Коляда, *ы*, ж. [от лат. calendae ‘первые дни месяца’] Игры и обряды дохристианского (языческого) происхождения, в настоящее время приуроченные к Святкам и связанные с прославлением Рождества и Крещения Христа, а также с празднованием Нового года.

Коляда имеет общеславянское происхождение и в прошлом была связана с прославлением возрождения природы в период зимнего

солнцеворота. В дальнейшем языческие обряды синкретически вошли в христианский культ: наряду с прославлением Рождества и Крещения Христа, хождением по домам со звездой, символизирующей Вифлеемскую, в коляду входят сохранившиеся от старых языческих обрядов ряжение, выпрашивание денег и угощений и т. п. Утраченная и забытая почти повсеместно в годы советской власти, в настоящее время коляда возрождается, в ней принимают участие преимущественно дети.

3. Функционально-когнитивные словари

Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь / Изд-е Башкирского университета. — Уфа, 1998.

Комплексный функционально-ситуативный словарь внутреннего мира человека представляет собой описание вербальной репрезентации ситуативно связанных концептов. Оно включает в себя исходные лексемы, их дериваты, антонимо-синонимические ряды, сочетаемость, определяющую способность той или иной лексики присущим ей образом встраиваться в семантическую и прагматическую структуру предложения, проявляющие семантическое родство с исходной лексемой фразеологизмы и ситуативные сентенции (пословицы и поговорки).

Автор исходит из того положения, что языковую семантику можно представить как концептуальное пространство, концептосферу, организованную пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных ментальных структур (концептов). Взаимосвязи и вербальные репрезентации концептов играют определяющую роль не только в устройстве семантического пространства языка (или отдельного его участка), но и в организации всей системы конкретного языка в целом. Подобно тому как, «привязывая» лексические способы выражения одной и той же понятийной категории к грамматическим, мы получаем функционально-семантические поля, можно получить совершенно новую семантическую структуру, соединяя вместе грамматически разрозненные по линии разных частей речи, отдельных словоформ и разных семантических полей элементы одного и того же концепта.

В рамках концептосферы следует разграничивать суперконцепты, базовые концепты и микроконцепты. Интегрирующим суперконцептом в концептосфере языка является концепт «Человек». Имплицитно (через микроконцепт «Изучать» и через базовый концепт «Восприятие») он связан со сферой «Вселенная». Макроконцептами, лежащими в основе концептосферы «Внутренний мир человека»,

являются концепты «Душа» и «Дух». Именно они объединяют чувственную сферу внутреннего мира (концепт «Чувство»), ментальную сферу внутреннего мира (концепт «Ум»), чувственно-ментальную сферу (концепт «Вера»), императивную сферу (концепт «Воля») и нравственную сферу (концепты «Добро — Зло») в единое целое.

Взаимодействие концептов осуществляется по линии деривационных, парадигматических и синтагматических связей вербализующих их лексем. Так, например, концепт «Душа» по линии деривационных отношений связан с концептами «Правда»: простодушный, бесхитростный, правдивый; «Дух»: душевный, внутренний, духовный; «Жестокость»: бездушный, бессердечный, безжалостный, жестокий и т. д. Макроконцепты обладают наиболее протяженными семантическими связями в рамках образуемой ими концептосферы.

В лексикографическом плане концептосферу можно представить в виде функционально-когнитивного словаря, отражающего как многообразные способы вербального представления концептов, так и многомерные аспекты взаимодействия между ними.

Фрагмент словаря:

Стыд

глубокий
горький
едкий, жгучий, острый
мучительный
необоримый, непобедимый, нестерпимый
робкий
девичий
притворный
ложный

стыдиться

испытывать стыд

стыдно, совестно

прятать глаза (взгляд)
не знать, куда глаза девать (куда деваться)
быть готовым провалиться сквозь землю
чуть не умереть со стыда
сгорать/сгореть от стыда
от стыда голова долой
готов (рад) сквозь землю провалиться
подавлять в себе свой стыд
душит стыд

стыдливый, совестливый, стеснительный, скромный (человек)
стыдливо, совестливо, стеснительно, скромно (вести себя)
стыдливость, совестливость, стеснительность, скромность
(мешает)

не стыдиться

терять стыд
потерять стыд
забыть стыд

нет ни капли стыда
не осталось ни капли совести

бесстыдный, бесстыжий, нескромный, циничный (человек)

бесстыдно, бесстыже, нескромно, цинично (вести себя)

бесстыдство, нескромность, циничность, цинизм (осуждать)
бесстыдник
циник

жест

непристойный
неприличный

стыдить, пристыдить, постыдить

Побойтесь Бога!
Как не стыдно!
Имейте совесть!

срамить, позорить

вгонять / вогнать в краску

устыдить, усостыжить

осрамить, опозорить

усостыжиться, засостыжиться

В ком есть Бог, в том есть и стыд.

Кто бога не боится, тот и людей не стыдится.

Лучше понести на гривну убытку, нежели на алтын стыда.

За совесть да честь — хоть голову снести.

Стыд не дым: глаз не ест. Бесстыжих глаз и дым неймет.

Хоть наплюй в глаза: ему все божья роса.

Ни стыда, ни сорому ни в котору сторону.

Стыд под каблук, а совесть под подушку.

Отыми Бог стыд, так будешь сыт.

Первое счастье — коли стыда в глазах нет.

Первый дар на роду, коли нет в глазах стыду.

Без стыда лица не износишь.

Стыдливому удачи не видать.

Стыдливый из-за стола голодный встает.

Внешние проявления:

задыхаться от стыда

покраснеть до корней волос

лицо залилось краской

лицо горит, пылает от стыда

опустить голову от стыда

опустить глаза

прятать глаза

Кильдибекова Т. А., Гафарова Г. В. Функционально-когнитивный словарь русского языка / Изд-е Башкирского университета. — Уфа, 1998. — 122 с.

Словарь активного типа. Лексика русского языка описывается с опорой на речевую деятельность и типы знаний, которые «усредненный» носитель языка использует в речевой коммуникации. Авторы называют издание «фрагментом словаря», включающим блоки лексем, характеризующие сферу движения человека.

Фрагмент словаря:

передвигаться где

по земле, по дороге

по траве, по лесу

по воде, по снегу, по степи

по комнате

передвигаться как

пешком, на транспорте, на лодке

на велосипеде

верхом, на оленях, на собаках

на костылях

Кильдибекова Т. А., Гафарова Г. В., Миргаязова Э. М., Юлдашева Д. А. Функционально-когнитивный словарь русского языка / Изд-е Башкирского университета. — Уфа, 2001. — 215 с.

Издание входит в ту же серию, что и описанный выше словарь. Книга включает блоки лексем, характеризующих сферу деятельности человека.

Фрагмент словаря:

Профессия, специальность, должность

работать кем

бухгалтером, экономистом, врачом, стюардессой, воспитателем/воспитательницей, библиотекарем, диспетчером, учителем/учительницей, продавцом, машинисткой, корректором, кондуктором, конструктором, электриком, дизайнером, каменщиком, зоотехником, ветеринаром, ветфельдшером, тренером, слесарем, грузчиком, мастером, инженером, лаборантом, завхозом, начальником отделения (связи), искусствоведем

быть кем

кто-то менеджер, бизнесмен, адвокат, дилер, банкир, страховой агент, рекламный агент, маркетолог, секретарь-референт, зубной врач, стоматолог, маклер, брокер, жокей, косметолог, композитор, изобретатель, милиционер, адмирал, чекист, дрессировщик, «челнок»/«челночник», космонавт, летчик, фермер, телекомментатор, телекритик, театральный критик, аналитик (политический, финансовый), дизайнер (одежды, интерьера), фотограф, фотодожник, модель, фотомодель, манекенщица

работать где кем

в театре администратором, в школе директором, на заводе токарем, в фирме секретарем-референтом, в агентстве недвижимости дилером

трудиться кем (редко)

зоотехником, инженером, врачом, ветеринаром, токарем, фрезеровщиком, шлифовщиком

трудиться где кем (редко)

в колхозе агрономом, в фирме бухгалтером

служить кем (редко)

секретарем, механиком, таможенником, охотником-промысловиком

ходить — «состоять в какой-л. должности, звании» (редко)

ходить в бухгалтерях, в председателях, в звании майора, в должности младшего научного сотрудника

4. Лингвострановедческие словари

Лингвострановедческий словарь — это такой учебный словарь, в котором в качестве средств семантизации применяются как толкование номинативной сферы языковой единицы, так и изъяснение ее фоновой семантики (Верещагин, Костомаров 2005).

4.1. Лингвострановедческие словари тематической лексики

Лингвострановедческий словарь является изъяснительным. Отличия от энциклопедий: для него характерен собственный словник (т. е. совокупность слов и словосочетаний, подлежащих семантизации): педагогические справочники не определяют, что такое *мел*, *доска*, *ручка*, *перо*, *тетрадь*, а в лингвострановедческом словаре все эти слова вполне возможны. Во-вторых, в изъяснения включаются сведения, которые обычно отсутствуют в энциклопедиях, — например, говорится о том, что классный руководитель проверяет дневники, организует дополнительные занятия с отстающими, проводит классные собрания, посещает учеников дома и т. д.).

Включение в словарь энциклопедических сведений, отражающих особенности русской культуры, например русской системы образования, не лишает его филологического характера. Филологическая сущность лингвострановедческого словаря видна в постоянном и последовательном внимании составителей к языковым формам выражения подобной информации.

Фон слова определяет место этого слова в совокупности связанных с ним слов. Здесь имеются в виду, конечно, тематические (или идеографические) связи. Например, слово *школа* связано с целым рядом атрибутивных словосочетаний, в которых это слово является вторым опорным элементом, — *общеобразовательная*, *средняя*, *восемилетняя*, *десятилетняя*, *дневная*, *вечерняя*, *сменная*, *городская*, *сельская*, *национальная*, *спортивная*, *художественная*, *музыкальная* и т. д. Это же слово входит в устойчивые именные словосочетания: *школа с углубленным изучением учебных предметов*, *школа с продленным днем* и т. д. Наконец, слово ассоциативно сопоставляется с целым рядом других слов той же тематической группы: *техникум*, *училище*, *учебный год*, *класс*, *группа продленного дня*, *урок*, *учитель*, *отличник*, *золотая медаль* и т. д. Таким образом, каждое заголовочное слово является как бы центром относящейся к нему тематической лексики.

Фон слова определяет, кроме того, неноминативную сочетаемость слова: например, *поступить в школу*, *учиться в школе*, *посещать школу*, *исключить из школы*, *вызывать (родителей) в школу*, *ходить в школу*, *перевестись в (другую) школу*, *окончить школу* и т. д.

Таким образом, лингвострановедческий словарь как бы содержит в себе идеографический словарь и словарь сочетаемости слов, но, в отличие от этих словарей, он позволяет непосредственно строить фразы. Обучающийся одновременно узнает и *что* сказать, и *как* сказать.

Зрительная семантизация лексики. Применяемые в словаре иллюстрации отражают именно лексические фоны (а не лексические понятия) и созданы с учетом особенностей восприятия информации иностранным читателем.

Рисунки и фотографии входят составной частью в изъяснения. Иллюстрации отбираются так, чтобы были видны все детали изображения. Используется также методика дополнительных отношений между иллюстрацией и текстом словарной статьи. *Методика дополнителности* заключается в следующем: текст изъяснения составляется таким образом, чтобы привлечь внимание читателя к деталям изображения, так что во время чтения читатель несколько раз обращается к рисунку и отыскивает глазами соответствующую деталь.

Кроме того, иллюстрации используются и с целью дать читателю общее представление об описываемом объекте.

Адресат словаря. Отбор сведений для семантизации и форма их подачи обусловлены преподавательской практикой.

Словари являются источником справок. Это пассивное начало в словаре.

Могут служить активным учебным пособием по вопросам народного образования или художественной культуры: словарные статьи — это как бы лингвострановедческие паспорта ключевых слов, показывающие, какую информацию и в каком количестве желательно отразить в языковом учебном пособии.

Активное начало в словарях обеспечивают вступительные обзорные статьи, указатели тематической словосочетаемости.

Все заголовочные единицы являются именами существительными или номинативными словосочетаниями. В отличие от филологических словарей в лингвострановедческих словарях рассматриваются не только слова (ср. *абонемент, балаган, культпоход* и т. д.), но и неоднословяные языковые единицы — обозначения существенных для данной области общественной жизни явлений и предметов, причем исключительно номинативного типа (ср. *художественный руководитель, «Окна РОСТА», ансамбль песни и пляски* и т. п.).

Изъяснение лексического фона служит для сообщения читателю словаря сведений, которые у носителей русского языка в то время ассоциировались с явлением или предметом, обозначенным заголовочной лексической единицей. Среди этих сведений, обладающих свойством общеизвестности, выделяются: а) круг обиходных знаний о явлении или предмете, называемом данной безэквивалентной или

фоновой единицей; б) живой эмоционально-ассоциативный комплекс, связанный у носителя языка с заголовочной единицей в описываемую эпоху; в) некоторые данные энциклопедического характера, которые усваивались людьми в процессе обучения, приобщения к отечественной культуре.

Изъяснение в лингвострановедческих словарях (в противоположность словарям-комментариям) относится к *современному* состоянию языкового сознания, отражает состояние культуры и образа жизни.

Лингвострановедческие словари по используемым лексикографическим приемам являются толково-изъяснительными: в них семантизируется как лексическое понятие, так и лексический фон. По объекту описания они относятся к языковым: в них моделируется обиходное сознание определенной языковой общности, т. е. воспроизводятся и разъясняются стоящие за словом сведения, которые свойственны всем говорящим.

В отличие от энциклопедических словарей заголовочные единицы отбираются в лингвострановедческие словари с ориентацией не на структуру соответствующей области специального знания, а на наличие в их значении национально-культурного компонента, а также на их учебно-методическую актуальность. Кроме того, в лингвострановедческих словарях могут рассматриваться единицы — и таких немало, — которые не имеют строгих определений в энциклопедиях и других справочных изданиях и по этой причине не могут считаться терминами (ср. *билет, программа, экскурсия* и т. п.).

На практике словники лингвострановедческих словарей формируются посредством выборки лексических единиц, обладающих национально-культурной семантикой, из существующих толковых, сочетаемостных и тематических словарей, а также из справочной литературы по соответствующей области деятельности.

По сравнению с энциклопедиями в семантизирующие текстовые отрезки лингвострановедческих словарей намеренно не включается всё узкоспециальное, всё, что неизвестно среднему носителю русского языка.

Филологический аспект семантизирующих текстов значительно усиливается в результате широкого отражения тематической лексики и тематической сочетаемости.

Включение слова в лексическое поле, равно как и сочетаемость слова с другими словами, в значительной мере обусловлены лексическим фоном.

Так, фон определяет место слова в совокупности связанных с ним по смыслу слов и словосочетаний. Например, слово *концерт* выступает в качестве родового по отношению к целому ряду словосочетаний, в которые оно входит: *авторский, литературный, праздничный,*

симфонический, сольный, эстрадный концерт; концерт художественной самодеятельности; концерт по заявкам.

Это же слово связано по ассоциации с большим числом других слов и словосочетаний: *концертный зал, Госконцерт, консерватория, филармония, оркестр народных инструментов, русский народный хор, художественная самодеятельность* и т. д.

Таким образом, каждое заголовочное слово в лингвострановедческом словаре оказывается средоточием относящейся к нему номинативной (тематической и ассоциативной) лексики, и в словарных статьях эта лексика показывается с помощью специальных выделений (полужирным шрифтом).

Фон слова определяет, кроме того, глагольную и вообще неноминативную сочетаемость слова: *посещение, трансляция концерта, давать, проводить, устраивать концерт, выступать на концерте, участвовать в концерте* и т. д. В словарных статьях внимание читателя привлекается и к этой неноминативной словосочетаемости (для этого применяется курсивный шрифт).

Чтобы читатель мог составить полное представление о номинативных и неноминативных связях слова и его сочетаемости, после основного корпуса словаря помещается указатель тематической словосочетаемости.

Таким образом, лингвострановедческий словарь сочетает в себе принципы, с одной стороны, толкового, идеографического и в определенной степени сочетаемостного словарей (естественно, в пределах той или иной темы), а с другой — энциклопедического словаря.

Денисова М. А. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР. — М., 1978. — 277 с.

Словарь знакомил иностранного читателя, изучающего русский язык, с народным образованием в СССР. Он достаточно полно отражает широко употребительную лексику и словосочетаемость, относящуюся к данной теме. Словарь включает свыше 160 словарных статей, не считая отсылочных слов. В словарь вошла лексика, относящаяся к дошкольному воспитанию, школьному образованию, пионерской организации, высшему и среднему специальному образованию. Словарь завершается указателем тематической словосочетаемости, отраженной в словарных статьях.

В обзорной статье, наряду с краткими историческими фактами, изложены основные принципы народного образования в нашей стране и перспективы развития советской средней и высшей школы.

Обзорная статья «Народное образование в Советском Союзе» обеспечивает включение словника в поле зрения читателя. Так читатель знакомится с безэквивалентными словами. Кроме того, внимание

читателя направляют отсылки, которыми завершается каждая словарная статья. Активное начало в словаре обеспечивает и напечатанный в конце книги указатель тематической сочетаемости.

Структура словаря

Словарь включает в себя: а) теоретические основы лингвострановедческого словаря, б) обзорную статью по народному образованию в СССР, в) основную часть, в которой семантизируются отобранные безэквивалентные и фоновые единицы, г) указатель тематической сочетаемости, отраженной в словаре.

Заголовочные единицы располагаются в словаре по алфавиту.

Построение словарной статьи

Словарная статья включает в себя: а) заголовочную единицу и ее грамматическую характеристику, б) сопутствующие языковые сведения, в) семантизацию заголовочной лексической единицы, г) внешние отсылки.

Образец словарной статьи:

ГРУППА ПРОДЛЕННОГО ДНЯ, группы, ж.

Форма организации учебно-воспитательной работы с детьми во внеурочное время.

Группы продленного дня организованы почти во всех **школах**. Они создаются для школьников, родители которых заняты днем на работе и не могут присмотреть за ребенком. **Педагог-воспитатель** каждой группы должен помочь детям *приготовить домашние задания* и организовать их досуг. *Ходить в группу* продленного дня может любой ученик с первого по восьмой **класс**.

Работа группы начинается после окончания уроков (обычно в 13 часов). Дети обедают, отдыхают, гуляют, занимаются спортом, играют и готовят уроки под руководством педагога-воспитателя. К приходу родителей с работы дети возвращаются домой.

Родители полностью или частично оплачивают только питание детей.

Существуют также **школы с продленным днем**.

См. **Школа**.

Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. — М.: Русский язык, 1984. — 360 с.

В состав словаря включено более 220 словарных статей, не считая отсылочных. В словаре рассматривается как общетематическая лексика, так и лексика, относящаяся к отдельным сферам культуры (кино, театр, изобразительное искусство, музыка, хореография, концертная

деятельность, художественная самодеятельность, культурно-просветительная работа, библиотеки, музеи и т. д.).

Словарь завершается указателем тематической словосочетаемости, отраженной в словарных статьях.

Заголовочные единицы располагаются в словаре по алфавиту. В пределах буквы алфавита все статьи пронумерованы. В общий алфавитный список включаются также все варианты заголовочных единиц с отсылками к соответствующим словарным статьям.

Образец словарной статьи:

1. ЖАЛЕЙКА, -и, жс.

Русский народный духовой язычковый музыкальный инструмент.

Название инструмента связано с его звучанием и происходит от древнерусского прилагательного «жалъ» — «вызывающий сострадание, печальный, жалобный».

Жалейка представляет собой деревянную или камышовую трубку с 3–7 отверстиями. На одном конце трубки делается раструб из коровьего рога или березовой коры — бересты, раструб служит для усиления звука. На другом конце трубки — язычок (пищик). Длина жалейки 14–20 сантиметров. Звук у инструмента сильный, резкий.

На жалейке исполняли народные мелодии, аккомпанировали пению, пляске, играли соло и в ансамбле с другими народными инструментами. В настоящее время жалейки в основном вышли из употребления в народном быту и используются только в оркестрах русских народных инструментов и в фольклорных ансамблях.

◇ См. Оркестр народных инструментов, Балалайка, Баян, Гармонь, Гусли, Домра, Ложки, Рожок, Свирель, Народное творчество.

От рассмотренной серии словарей отличается словарь **Л. Харчевой По одежке встречают... Секреты русского костюма: Лингвострановедческий словарь.** — СПб.: Астра-Люкс, 1994. — 106 с.

По сути данное издание представляет собой учебное пособие, материал которого размещен по словарному принципу. В книгу включены тексты сказок, известных русских писателей, указания типа «познакомьтесь с пословицами...». В словарную статью помимо толкования заголовочного слова включены также комментарии потенциально непонятных иноязычному читателю слов. Недостатками данного издания являются сложность толкования реалии для иностранного читателя, а также смешение и подача в одной статье разных реалий, например *шапка* и *шляпа*.

Образец словарной статьи:

АКСАМИТ, м. — золотая или серебряная ткань с травами и разводами, плотная и ворсистая, как бархат. Чтобы выдержать тяжесть золотых (или серебряных) нитей, ткань формировали из шести нитей. Узор на ткани делали с помощью крученой золотой нити.

В словарях можно встретить более узкое толкование слова «аксамит» как синонима слову «бархат».

Это слово встречается в произведениях русских писателей XIX в., обращавшихся к исторической тематике.

Как козы в сарафанах —

Кичатся тем, что аксамит тяжелый

Коробится лубком* на их плечах!

— пишет драматург А. Н. Островский в пьесе «Василиса Мелентьевна».

Лубок, м. — здесь: кусок луба. Луб — волокнистая внутренняя часть коры липы и некоторых других деревьев.

Чернявская Т. Н., Борисенко В. И., Вьюнов Ю. А. и др. Лингвострановедческий словарь национальных реалий России (словник базового уровня). — М., 1999. — 59 с.

В отличие от серии вышедших лингвострановедческих словарей русского языка это издание является *политемным*. Предпринята попытка выявить тот объем знаний, относящихся к отечественной истории, культуре, науке, быту, которым обладает современный носитель языка и культуры. Фиксируя фоновые знания современных россиян, словарь представляет интерес как отражение культурного фона переходной эпохи, когда в сознании носителей языка и культуры еще свежи представления о реалиях советской культуры, когда идет возрождение традиционных российских ценностей и в то же время активно идут процессы распространения массовой культуры, огромно влияние западной культуры. Словарные единицы отражают реалии разного характера. В словарь входят слова и номинативные словосочетания, обозначающие факты и явления национальной культуры; имена собственные; даты как знаки известных всем событий национальной истории; названия прецедентных для национальной культуры текстов.

Словарные единицы основного базового уровня даны в алфавитном порядке. В связи с особенностями компьютерной подачи информации словник начинается с цифровых обозначений памятных дат и названий праздников. Первые четыре рубрики отражают отнесение реалии к разделам тематического рубрикатора. Рубрика 5 отражает отнесение реалии к тому или иному уровню владения фоновыми

знаниями, поэтому подавляющее большинство словарных единиц имеет в этой рубрике обозначение 2 — основной уровень; ряд единиц, относящихся к элементарному начальному уровню, имеет цифру 1. В рубрике 6 показано различие имен собственных (1) и имен нарицательных (2). Рубрика 7 показывает представленность реалии в современном языковом сознании. Цифра 1 свидетельствует, что реалия актуальна для современного сознания носителей русского языка и российской культуры. Цифра 2 относит реалию к историзмам. Цифрой 3 помечены советизмы.

Фрагмент словаря:

<i>Словарная единица</i>	1	2	3	4	5	6	7
«Белое солнце пустыни»	183				2	1	1
Белоруссия (см. Республика Беларусь)	53				2	1	1
Белорусская ССР (см. Республика Беларусь)	53				2	1	3
«Белорусский вокзал»	183				2	1	1
Белые	51				2	2	2
белые ночи	13				2	2	1
«Берегись автомобиля»	183				2	1	1
Береза	22				2	1	1
«Березка»	201	252			2	1	1

4.2. Лингвострановедческие словари фразеологии и афористики

В этой разновидности лингвострановедческих словарей основное внимание также уделяется семантизации фонов соответствующих языковых единиц, и в этом отношении данные словари близки лингвострановедческим словарям тематической лексики.

Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Институт русского языка им. А. С. Пушкина; Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1988. — 272 с. [16 с. ил.].

Словарь содержит около 450 наиболее употребительных пословиц, поговорок и крылатых выражений.

Словарь предваряется теоретической статьей о пословицах, поговорках и крылатых выражениях как о языковых афоризмах и их представленности в лингвострановедческом учебном словаре.

Словарь состоит из двух частей. В первой части (автор — В. П. Фелицына) даны наиболее употребительные пословицы и поговорки русского языка, отобранные с точки зрения отражения ими отечественной истории, культуры и литературы. Во второй части (автор — Ю. Е. Прохоров) представлены наиболее употребительные крылатые выражения, отобранные по тому же принципу.

Словарная статья включает в себя:

1. Заголовочную единицу, представляющую собой пословицу, поговорку или крылатое выражение и их варианты.

2. Толкование сложных для иноязычного учащегося слов или синтаксических конструкций (малоупотребительных, устарелых, областных, просторечных и т. п.), а также безэквивалентных слов, входящих в заголовочную единицу. Все эти слова (или конструкции) снабжены — там, где это необходимо, — грамматическими и стилистическими пометами.

3. Лингвострановедческий комментарий — объяснение исторических условий появления заголовочной единицы, отдельных фактов русской истории, описание народного быта, обычаев, которые так или иначе связаны с данной пословицей, поговоркой или крылатым выражением.

4. Семантизацию прямого или переносного значения заголовочной единицы.

5. Ситуативную характеристику употребления заголовочной единицы.

6. Иллюстративный материал.

7. Синонимичные пословицы, поговорки или крылатые выражения.

В крылатых выражениях обязательным элементом словарной статьи является атрибуция: указание автора и названия произведения, из которого взято выражение, дата его написания.

К словарю в качестве приложений дано девять разработок, помогающих пользоваться словарем.

Образец словарной статьи:

**НА ВКУС <И> НА ЦВЕТ
ТОВАРИЩА НЕТ.**

Восприятие вкуса и цвета индивидуально, часто одному нравятся то, что не нравится другому.

Говорится тогда, когда при выборе или оценке чего-либо или кого-либо, не желая спорить о вкусах, каждый остается при своем мнении.

○ — Представьте себе: от «Казбека» кашляю, а вот «Беломор» [названия папирос] переносу с удовольствием, — уклонился полковник. — Ну, не зря, видимо, говорится: **на вкус, на цвет товарища нет,** —

усмехнулся майор (Г. Марков, Завещание). — Никому не возбраняется любить одних артистов и с меньшим чувством относиться к другим. **На вкус и на цвет...** (Известия, 30 янв. 1984).

Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. — М.: Русский язык, 1990. — 220 с.

Словарь описывает фразеологические единицы русского языка, имеющие страноведческую ценность. Словарь предваряется теоретической статьей о русских фразеологизмах и их представленности в лингвострановедческом учебном словаре. В основном корпусе словаря даны наиболее употребительные фразеологизмы русского языка, отобранные с точки зрения отражения ими отечественной истории, культуры и литературы.

Словарная статья включает в себя несколько компонентов.

1. Заголовочная единица, представляющая собой фразеологическое выражение, его варианты и распространители.

2. Толкование сложных для иноязычного учащегося слов и синтаксических конструкций, а также безэквивалентных слов, входящих в заголовочную единицу.

3. Лингвострановедческий комментарий — объяснение исторических условий появления заголовочной единицы, отдельных фактов русской истории, описание народного быта, обычаев, которые так или иначе связаны с данным фразеологическим выражением.

4. Семантизация-толкование значения фразеологизма.

5. Стилистическая и ситуативная характеристика употребления заголовочной единицы.

6. Цитаты и иллюстративный материал.

7. Синонимичные или антонимичные фразеологические выражения (там, где есть).

Все фразеологизмы расположены гнездами по алфавиту одного из слов, составляющих заголовочную единицу.

В словаре имеются алфавитный и тематический указатели.

Образец словарной статьи:

МАСЛО

КАК ПО МАСЛУ (идти, пойти, течь и т. п.). Разг. В деревнях издавна делали масло в каждой семье. Корова для крестьянина была буквально кормилицей: она давала молоко, из которого приготавливали много разных продуктов (сливки, масло, сметану, творог и т. д.). Масло сбивали из сливок или из сметаны в специальном деревянном сосуде особой палкой движениями вверх

и вниз. Масло собиралось в комок, его вынимали, а жидкость без жира («пахтанье») тоже использовали в хозяйстве для приготовления теста, для корма телятам и т. п. Особый способ приготовления так называемого русского (или топленого) масла заключается в том, что его держат («топят») в печи в специальном сосуде. В современном быту в домашних условиях масло не готовят, удобнее и проще купить его в магазине.

Как известно, всякое масло скользкое и может применяться для уменьшения трения между предметами. Отсюда переносный смысл выражения.

Легко, хорошо, без каких-л. затруднений и неприятностей (идти, пойти, течь и т. п.).

Говорится с удовлетворением о каких-л. делах, событиях, о жизни и т. п.

○ Всё у нас шло как по маслу: отцы нас сосватали, мы очень скоро полюбили друг друга и вступили в брак не мешкая. *И. Тургенев. Первая любовь.* Паншин твердо верил в себя, в свой ум, в свою проницаемость; он шел вперед смело и весело... жизнь его текла как по маслу. *И. Тургенев. Дворянское гнездо.* Свадебное веселье текло как по маслу. В зале пели, играли, плясали. *А. Чехов. Клевета.*

4.3. Словари соматического языка¹

Подобный тип словарей подразумевает демонстрацию связи между русским соматическим языком (т. е. жестами, мимикой, позами) и русскими соматическими речениями.

Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. — М.: Русский язык, 1991. — 144 с.

Словарь «Жесты и мимика в русской речи» составляют около 200 словарных статей и два указателя к ним — алфавитный и по значениям жестов.

Каждая словарная статья включает следующие элементы: заголовочная часть, состоящая из основного и дополнительных вариантов речений, выражающих данный жест в письменной речи; описание жеста; толкование жеста и его ситуативная и стилистическая характеристика; возможное словесное сопровождение жеста; примеры из произведений художественной литературы или примеры авторов словаря (запись разговорной речи). Завершает статью (там, где это возможно) основанный на соответствующем жесте и функционирующий

¹ Термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

в современном русском языке фразеологизм. Большинство статей иллюстрируется рисунками.

Словарь построен по алфавитно-гнездовому принципу. В качестве основы гнезда выступает, как правило, входящее в состав жеста существительное, обозначающее часть тела. Если таких существительных несколько, то разработка словарной статьи дается лишь в одном из гнезд, а в других помещаются соответствующие отсылки.

Заголовок словарной статьи составляют словесные формулы, выражающие жест и зафиксированные в произведениях русской литературы XIX–XX вв. Не включаются предложения местные, диалектные, с явно выраженным грубым оттенком, архаичные, устаревшие и индивидуально-авторские.

Образец словарной статьи:

84. СТУКНУТЬ; ударить, хлопнуть СЕБЯ [РУКОЙ (пальцами, ладонью, кулаком)] ПО ЛБУ (по голове)

△ Фалангами пальцев, или ладонью, или кулаком ударяют себя по лбу.

○ Внезапная догадка, неожиданно пришедшее решение или досада на себя за недогадливость, оплошность.

◎ Сопровождается словами: «Вспомнил(а)!\», «Эврика!\», «У меня идея!\», «Совсем забыл(а)!\» и т. п.

□ — Только позволю, Иван Андреевич, — сказал вдруг, прервавши его, полицмейстер, — ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова... Здесь полицмейстер вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвав себя публично при всех телятиной. Н. Гоголь, Мёртвые души. При этих словах зоолог ударил себя ладонью по лбу. — Я знаю, что нужно делать! Ю. Олеша. Три толстяка. Миша хлопнул себя по лбу — он и собирался сеть ставить, да, увидев меня, про всё забыл. В. Астафьев. Последний поклон. Извиняйте [*прост. извините*], бабы! — Он ткнул себя в лоб кулаком. — Ось [*обл. вот*] дурак старый! Не со зла я... С. Летт. Близкие голоса.

СТУЧАТЬ/постучать, барабанить/побарабанить СЕБЯ ПАЛЬЦЕМ ПО ЛБУ (по голове) см. Палец (110).

В конце словаря помещена статья «Немного о жестах и речи», в которой рассказывается об особенностях употребления жестов русскими.

Менее ориентированным на национальную культуру является словарь

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Москва — Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах. — 2001. — 256 с.

Первый опыт словаря жестов, основанный на принципах интегрального описания языка. Словарные статьи написаны в жанре лексикографических портретов — в словаре отражаются семантические, стилистические, прагматические, коннотативные, сочетаемостные особенности русских жестов. Все статьи снабжены обширными справочными зонами, в которых указываются жестовые и речевые аналоги, а также русские фразеологизмы, связанные с определенными жестами.

Словарь включает в себя единицы, образующие центр русского языка тела. Всего в корпусе словника содержится порядка 100 жестовых лексем разных типов (59 вокабул), которые могут встретиться в разных жанрах и стилях речи. Экспериментальный характер словаря объясняет относительно небольшой размер его словника.

Словарь русских жестов является объяснительным толковым словарем. Основная цель — предоставить читателю по возможности максимально полное, точное и ясное описание значений бытовых жестов и показать все существующие связи между жестами и их естественно-языковыми аналогами. Для этого был разработан метаязык, на котором записывается смысл жестов. Словарь ориентирован на основные понятия, принципы и концептуальный аппарат, разработанные в теории лингвистических моделей «Смысл 1 Текст» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского.

Словарная статья делится на зоны, каждая зона содержит определенную информацию о жесте. Тринадцать типов информации касаются свойств самого жеста: (1) вход словарной статьи; (2) стилистические пометы; (3) физическое описание; (4) удлинители; (5) сопутствующие жесты; (6) толкование; (7) условия употребления жеста; (8) однословная характеристика семантики жеста; (9) звуковое сопровождение; (10) энциклопедические и культурные сведения о жесте; (11) другие номинации; (12) фразеология; (13) текстовые иллюстрации. Помимо этого, словарная статья содержит справочную информацию: (14) жестовые аналоги и (15) звуковые и речевые аналоги.

Упорядочение словарных статей в словаре — алфавитное, по первой букве номинации жеста.

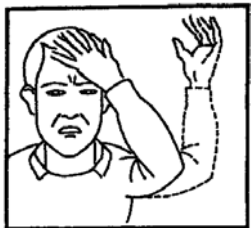
Вход статьи состоит из трех частей:

— схематического изображения жеста (рисунок);

— номинации жеста;

— тезаурусно-классификационной характеристики (по активному и пассивному органу).

Образец словарной статьи:

УДАРИТЬ СЕБЯ ПО ЛБУ

часть тела: РУКА

активный орган: КИСТЬ

пассивный орган: ГОЛОВА

И ФИЗИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ I Жестикулирующий ударяет себя кулаком или ладонью по лбу. В основе данного жеста лежит метафора наказания.

И ТОЛКОВАНИЕ IX ударил себя по лбу = 'Жестикулирующий X внезапно понимает, что сделал глупость, и досадует на себя'.

И ЖЕСТОВЫЕ АНАЛОГИ I хлопнуть по колену 2; хлопнуть себя по лбу 2; покрутить пальцем у виска; постучать себя по лбу.

И РЕЧЕВЫЕ АНАЛОГИ I Идиот!; Как же я мог!; Черт возьми!

И ДРУГИЕ НОМИНАЦИИ I шлепнуть <стукнуть, треснуть> себя по лбу; хлопнуть себя по лбу 1.

И ИЛЛЮСТРАЦИИ I Проснувшись около десяти часов, он вдруг дико вскочил с постели, разом вспомнил всё и плотно ударил себя ладонью по лбу: ни завтрака, ни Блюма, ни полицеймейстера, ни чиновника, явившегося напомнить, что члены -ского собрания ждут его председательствования в это утро, он не принял, он ничего не слышал и не хотел понимать (Ф. М. Достоевский, Бесы); Полмиллиона рублей. — Новыми? — вырвалось у Лисоцкого. Генерал укоризненно посмотрел на него. Лисоцкий хлопнул себя по лбу (А. Житинский, Дитя эпохи); Как?! — в свою очередь, крикнул Иван. — Тише! — Иван с размаху шлепнул себя ладонью по лбу и засипел: — Понимаю, понимаю (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); Он ощутил, как давно не кололся — со вчерашнего дня! Зверски хотелось «двинуться» или хотя бы курнуть анаши! Он вспомнил, что в кармане у него лежит мастырка, и мысленно хлопнул себя по лбу — идиот, он же мог пошабить в подворотне! (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева); А ты звал ее на мазурку? Нет еще... — Смотри, чтоб тебя не предупредили... — В самом деле? — сказал он, ударив себя по лбу (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); Тут я хлопнул себя по лбу. — Елки-палки! Значит, все мои киберы были в полном порядке! (А. и Б. Стругацкие, Малыш); В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу. — Растяпа, — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего (А. и Б. Стругацкие, Стажеры); Юрковский вдруг яростно хлопнул себя по лбу. — Что с тобой? — встревоженно спросил Дауге. — Дьявольщина!.. Я забыл электробритву в гостинице (А. и Б. Стругацкие, Страна багровых

туч); Эдельвейс, — сказал комендант. — Национальность: белорус. Образование: неполное среднее общее, неполное среднее техническое. Знание иностранных языков: русский — свободно, украинский и белорусский — со словарем. Место работы... Хлебоводов вдруг звонко шлепнул себя по лбу. — Да нет же! — закричал он. — Он же помер! (А. и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

4.4. Словари речевого этикета

Балакай А. Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX—XX вв.: В 2 т. / Департ. образования администр. облИУУ, Новокузнецкий госпединститут. — Кемерово, 1999. — Т. 1. — А — О. — 312 с. — Т. 2 — П — Я. — 318 с.

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. — 672 с.

Этот словарь — самое полное на сегодняшний день справочное пособие, словник которого содержит около 6000 слов и устойчивых словесных формул, традиционно употребляемых или употреблявшихся ранее в типовых ситуациях вежливого, дружески-доброжелательного или официального общения.

Словарь русского речевого этикета составлен как:

1. Толковый словарь языковых единиц функционально-семантического поля доброжелательного, вежливого общения. В словарных статьях даются краткие определения («толкования») значений этикетных слов и выражений с указанием на типичные условия их употребления («речевые ситуации»).

2. Словарь-справочник, т. е. описательный словарь. Это означает, что он не является строго нормативным, а стремится отразить знаки речевого этикета разных социальных сфер и территориальных говоров русского языка.

Словарь содержит лексику и фразеологию русского речевого этикета. Основную часть словника составляют вербальные знаки, функционирующие в ситуации непосредственного общения коммуникантов в прагматических координатах «я — ты — здесь — сейчас»: *здоровствуйте, благодарю, милости просим, добро пожаловать* и т. п. Кроме того, в словарь входят:

а) Некоторые слова и выражения, характерные для эпистолярного речевого этикета, адресованные через посредство адресата третьему лицу (*Кланяюсь Вашим сестрам*) или передаваемые собеседнику от третьего лица: *Н. Вам кланяется*.

б) Слова и формулы, выражающие вежливое, учтивое или почтительное отношение к третьему лицу: *Его Превосходительство, Их сиятельство, Имел счастье знать вашего батюшку*.

в) Некоторые вводные слова и выражения, являющиеся показателями языкового, нравственного, религиозного самосознания говорящего: *Извините за выражение. Не во гнев (не в обиду) будь сказано. Не к ночи будь помянут. Царствие (царство) ему (ей, им) небесное.*

г) Пословицы, поговорки, прибаутки, обычно употребляемые в обиходно-бытовом общении в этикетных ситуациях: *С кем не бывает! И на старуху бывает проруха! Без стыда лица не износишь!* (при утешении, ободрении собеседника). *Будь здоров, расти большой, не будь лапшой!* (шутл.).

Словарь состоит из двух частей: толкового словаря и тематического указателя.

В толковом словаре слова расположены по алфавитно-гнездовому принципу: в «гнездо» объединены слова, имеющие общий корень и начальную букву, а приставочные образования с этим же корнем следует искать на ту букву, с которой начинается приставка. Гнездовое расположение способствует осуществлению лексикографического принципа «минимального толкования» и одновременно позволяет представить знаки речевого этикета не только в их современных значениях, но и отчасти в их историко-этимологических слово- и фразеобразовательных связях.

Образец словарной статьи:

Внимание! *В знач. междом.* Форма привлечения внимания публики, аудитории; призыв сосредоточиться, выслушать, прочитать. [Кирпичников:] *Внимание! Внимание! Внимание! Не будьте же трусливы, как овцы, Сюда едут на страшное дело вас сманивать Траубенберг и Тамбовцев.* С. Есенин. Пугачёв.; ≡ *Внимание!* / 20 августа в 16 час. в актовом зале института состоится встреча с депутатом Государственной думы М... В... Я... / Приглашаются все желающие. Объявление, 1996.

◆ **Прошу (попрошу) внимания!** — *Купите заграничного употребления нож для шинкования капусты и перестаньте быть грустны!* <...> *Прошу внимания! Раз, два — капуста готова для питательно-го супа...* Е. Иванов. Меткое московское слово. [Геннадий (артистам):] *Попрошу внимания! Обстоятельства заставляют нас спешить.* М. Булгаков. Багровый остров. [Вольнский:] *Товарищи, заседание продолжается. На очереди вопрос о дополнительной эмиссии денежных знаков Южной республики. Прошу внимания.* Б. Лавренёв. Дым.; ≡ [Учительница:] *Камчатка, попрошу внимания, урок ещё не окончен!* (1992) ◆ **Минуту (минутку, минуточку) внимания!** — *Минуту внимания, господа, — внушительно крикнул благообразный старик с длинными волосами.* М. Горький. Жизнь Клима Самгина.

◆ **Вниманию (зрителей, слушателей, покупателей...).** Начальная формула объявлений. *Вниманию собаководов-любителей!* В книжном киоске вы можете купить книги по кинологии, а также поводки, шлейки, ошейники для своих любимцев (объявление на выставке 1992). ◆ **Благодарю (спасибо) за внимание.** См. Благодарю. Спасибо. ◆ **(Я) весь внимание.** Шутл. — учтив. ответ на обращение, просьбу выслушать. [Турусина:] *У меня к вам просьба, Иван Иванович.* [Городулин:] *Весь внимание.* [Турусина:] *Я насчет Машеньки. Нет ли у вас кого на примете?* А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты. ◆ **Обрати/те внимание.** Форма привлечения внимания собеседника, читателя или аудитории к тому, что говорящий или пишущий намерен сообщить.; ≡ *Вот, обратите внимание: всё в целости и сохранности.* ◆ **Обратите внимание на** (+ сущ. или мест. вин. пад.) Привлечение внимания к объекту. ◆ **Обращаю Ваше внимание на** (+ сущ. вин. пад.) *Офиц.* ◆ **Прошу (Разрешите, Позвольте) обратить (Ваше) внимание на...** (что-л., кого-л.) *Вежл.-офиц.* ◆ **Должен (считаю долгом, вынужден) обратить Ваше внимание на...** *Офиц.* с оттенком долженствования, необходимости. **Позволю (себе) обратить Ваше внимание на...** *Учтив. или офиц.* ◆ **Смею (осмелюсь) обратить Ваше внимание на...** ≡ *Учтив.* к высшему или равному по положению. ◆ **Окажи/те внимание.** ≡ Удостоите, почтите своим вниманием. Форма учтив. просьбы, приглашения в адрес высшего или равного по положению. *Мартышко осмелел: «Ваше королевское величие, окажите монаршее внимание с выпитием рюмочки при надлежащей закуске!» — «Ха-ха-ха! Вы в состоянии короля угощать?»* Б. Шергин, Мартышко.

4.5. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. — М.: АСТ-ПРЕСС Книга. — 736 с.: ил. — (Фундаментальные словари)

Лингвострановедческий словарь «Россия» — словарь нового типа. Статьи словаря озаглавлены словами, словосочетаниями, фразами, которые вошли в русский язык и речь как общеизвестные названия значимых для всех русских предметов, явлений, обычаев, событий, личностей, художественных произведений, например: изба, пироги, береза, День Победы, Новый год, «Мариинка», Третьяковка, «Варяг», «Аврора», Александр Невский, Сергей Радонежский, крещение, хлеб-соль, «Богатыри», «Явление Христа народу», «В лесу родилась елочка», «Война и мир», «Преступление и наказание» и мн. др.

Важность и значимость таких слов подтверждается и самим языком: они могут образовывать фразеологизмы, метафоры и сравнения (выражение «проще пареной репы» хранится в языке для обозначения

самых простых вещей); входить в пословицы и поговорки («Не красна изба углами, а красна пирогами»); давать названия новым предметам и событиям (фамилия знатного рода Строгановых вошла не только в название художественного училища, основанного графом С. Г. Строгановым, но и в название одного из блюд русской кухни — бефстроганов); называть ситуации (картина И. Е. Репина «Не ждали»); иметь переносные значения (словом «лапоть» можно назвать неграмотного человека); употребляться как характеристика человека (гоголевские Хлестаков, Манилов, Плюшкин или лесковский Левша). Такие слова и выражения также могут служить для русских знаками или символами важных событий и явлений русской истории и культуры. Обо всем этом и рассказывают статьи словаря.

В тексте словарных статей выделяются ключевые слова, обозначающие факты, явления, понятия, имена и др., которые связаны с названной реалией и также важны для понимания ее роли в жизни России. Узнать об этом подробнее можно, обратившись к соответствующим статьям.

Работа над словарем велась коллективом научных сотрудников и преподавателей Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина около пятнадцати лет. При работе над словарем были проанализированы словники толковых словарей и наиболее известных энциклопедий и энциклопедических словарей. Основными среди них были Словарь русского языка С. И. Ожегова, Словарь русского языка в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньевой, Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова, лингвострановедческий словарь «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова, Советский энциклопедический словарь, Российский энциклопедический словарь. Авторы опирались также на данные Русского ассоциативного словаря и локальных ассоциативных экспериментов, проводимых на базе института.

До 2002 года авторским коллективом руководила Т. Н. Чернявская, светлую память о которой хранят ее коллеги и соавторы.

Лингвострановедческий словарь «Россия» интересен всем, кто любит Россию, ее язык и культуру, и полезен тем, кто изучает или преподаёт русский язык как иностранный, и тем, для кого русский язык родной.

Концепция лингвострановедческого словаря «Россия» представляет собой развитие теории лингвострановедческой лексикографии, начало которой было положено в работах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. В. Морковкина, Ю. Е. Прохорова, А. Р. Рума, Г. Д. Томашина, В. П. Фелицыной, Г. В. Чернова, Т. Н. Чернявской и многих других отечественных и зарубежных лингвистов и методистов.

Концепция словаря позволяет выявить четкое различие между страноведческими (по сути — энциклопедическими) и лингвострановедческими (по сути — филологическими) словарями, что до сих пор в учебной лексикографии не всегда удавалось, а также последовательно реализовать основной принцип лингвострановедения — соединение, взаимопроникновение языка и культуры.

В первую очередь это относится к решению **проблемы отбора** единиц словника. Право входить в словник лингвострановедческого словаря получили единицы языка, которые обладают национально-культурным фоном, то есть некоторым набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским. Причем национально-культурный фон языковой единицы обязательно включает общеизвестные слова и выражения. Таким образом, в состав словника входят:

1. Слова и словосочетания, называющие факты и явления природы, национальной истории и культуры, например: *Куликовская битва, колокол, клюква, липа, лес, Отечественная война 1812 года, поле, рожь, перестройка, царь, чип, ши* и др.

2. Имена собственные: топонимы, антропонимы (имена реальных людей — исторических личностей, государственных деятелей, ученых, писателей и т. д.; имена мифических персонажей, фольклорных и литературных), напр.: *Нева, Сибирь, Камчатка, Александр Невский, ГА. Потемкин, Петр I, Д. И. Менделеев, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. И. Левитан, Баба-яга, Иванушка-дурачок, Обломов, Чебурашка* и др.

3. Названия общеизвестных литературных произведений, произведений изобразительного искусства, музыки, театра и кино, напр.: *«Богатыри», «Дама с собачкой», «Лебединое озеро», «Место встречи изменить нельзя», «Осенний марафон», «Ревизор», «Темная ночь», «Три сестры», «Чапаяев»* и др.

Это существенно отличает лингвострановедческий словарь «Россия» от других лингвострановедческих словарей, в которых либо не все включенные единицы обладают словесно выраженным культурным фоном (многие имеют лишь страноведческую ценность); либо этот фон не описывается; либо лингвострановедческая информация, относящаяся к какому-либо одному слову, «размыта» по разным статьям, что также не дает полной картины жизни слова в культуре и во времени.

Существенной особенностью словаря «Россия» (и в этом его новизна) является включение в словник большого количества имен собственных, в частности антропонимов, строгий отбор которых проводился в соответствии с заявленным критерием. Как правило, именно эти имена собственные, точнее, личности, которых они именуют, являются объектами изобразительного искусства, находят отражение

в литературных и музыкальных произведениях, в искусстве кино, а фольклорные и литературные персонажи получают различные reinterpretации в других видах искусства.

Среди антропонимов, включенных в словарь, имена государственных деятелей, исторических лиц, военачальников, писателей, художников, литературных и фольклорных персонажей. Каждое имя (фамилия) является общеизвестным. Однако в словник лингвострановедческого словаря включались не все общеизвестные антропонимы русской культуры. И в этом существенное различие между страноведческим (а также культуроведческим) и лингвострановедческим словарями. В настоящий словарь включены лишь те имена выдающихся деятелей истории и культуры России, национально-культурный фон которых выражен в конкретных, всем известных языковых единицах. Причем чем богаче этот фон, тем больше подобных единиц и тем они разнообразней. Например, в словаре есть статьи Л. Н. Толстой (в ней говорится о *толстовстве*, о *толстовке* и пр.) и Г. А. Потемкин (в ней упоминаются крейсер «Князь Потемкин Таврический», фильм «Броненосец Потемкин», *потемкинские деревни* и *потемкинская лестница*), но нет статьи М. Ю. Лермонтов, так как культурный фон имени этого великого русского поэта не выражен в каких-либо общеизвестных языковых единицах.

Значительную часть словаря составляют статьи, посвященные литературным и музыкальным произведениям, картинам, кинофильмам. Многие из этих произведений в наше время принято называть культовыми. Бытование названий этих произведений в современной русской речи интересно тем, что они часто и разнообразно преобразуются (например, в заголовках печатных СМИ) с целью создания каких-либо новых смыслов, в частности с целью создания эффекта комического. Например, название фильма «Место встречи изменить нельзя» преобразуется в название газетной статьи «Место встречи изменить можно». Общеизвестные названия художественных произведений могут использоваться и для называния ситуаций, например, в соответствующей ситуации русские могут сказать: *не ждали* (аллюзия на картину И. Е. Репина «Не ждали»). Литературные произведения и кинофильмы являются источниками крылатых слов и выражений, понимание которых часто связано со знанием сюжета и художественных особенностей произведения. Большое количество общеизвестных текстов также упоминается в словарных статьях, посвященных фактам, событиям, явлениям или личностям, с которыми они тесно связаны или которыми мотивированы (например, в статье «**Варяг**» упоминаются знаменитые песни, посвященные подвигу русских моряков). Выбор того или иного варианта введения в словарь общеизвестного текста обусловлен наблюдениями авторского коллектива над функ-

ционированием таких текстов в современной русской речи и анализом данных анкетирования, проведенного среди студентов Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

По-новому в словаре решается и **проблема заголовочного слова**, т. е. выбора названия объекта, который описывается в статье (в том случае, если возможны варианты). Словарь ориентирован на разговорную речь, поэтому в тех случаях, когда в языке существует несколько наименований одного и того же объекта, в качестве заголовочного избирается то, которое чаще функционирует в речи. При этом оно может быть полным или неполным, официальным или разговорным. Так, например, для заголовков словарных статей избраны слова: *картошка* (а не *картофель*), *Первое мая* (а не *Праздник весны и труда*), *Третьяковка* (а не *Государственная Третьяковская галерея*), *Таганка* (а не *Московский театр драмы и комедии на Таганке*). Этот выбор связан еще и с тем, что в речи разные наименования одного и того же объекта вступают в разные синтаксические связи, используются в разных речевых ситуациях. Мы говорим *пойти в Театр на Таганке*, но *пойти на Таганку*; можно пригласить друзей на *Первое мая*, но нельзя на *Праздник весны и труда*; в меню ресторана будет написано *картофель жареный*, домохозяйка приготовит *жареную картошку*; в детском мультфильме волка назовут *серым*, медведя *Топтыгиным* и т. д. Однако выбор в качестве заголовочного слова одного из наименований объекта не исключает упоминания его других наименований. Таким образом, словарь предлагает своеобразные ряды наименований (парадигматические ряды), обозначающих один и тот же объект, в чем также, на взгляд авторов, отражается связь языка и культуры. Показательным примером может быть следующий парадигматический ряд: *Петербург, Санкт-Петербург, Ленинград, Петроград, город белых ночей, град Петров, Северная Пальмира, Северная Венеция, колыбель революции*. Важность такого решения проблемы заголовочного слова связана еще и с тем, что некоторые наименования объектов связаны с определенными историческими периодами — и поэтому могут использоваться только в соответствующих контекстах. Нельзя сказать, что А. С. Пушкин жил в Ленинграде, а К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко создали МХАТ им. А. П. Чехова.

По-новому в словаре решается **проблема соотношения объема страноведческой и лингвострановедческой информации**, т. е. собственно содержания словаря. В структуре словарной статьи выделяются два обязательных компонента: **страноведческая** (энциклопедическая, справочная) **часть** и **лингвострановедческая часть**, описывающая национально-культурный фон заголовочного слова, предъявляя его в специфических языковых единицах. Обязательное наличие этой части, в конечном счете, и является критерием, определяющим статью

как лингвострановедческую (в отличие от страноведческой, в которой лингвистическая информация обычно отсутствует).

Исходя из изложенного, а также с учетом отечественной лексикографической традиции в лингвострановедческом словаре «Россия» предлагается новая структура словарной статьи, включающая следующие компоненты:

1. Заголовочное **слово или словосочетание**, в некоторых случаях с указанием грамматических или стилистических характеристик, вариантов наименования. Заголовочной единицей словарной статьи избирается вариант, наиболее употребительный в речи. Другие варианты приводятся рядом, после наиболее употребительного (например, в статье **Георгиевский крест** после заголовочного слова приводится полное наименование ордена — Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия).

2. Толкование **заголовочного слова**. Для имен нарицательных — толкование лексического значения, например: **азбука** — совокупность букв, принятых в данной письменности, располагаемых в установленном порядке. Для имен собственных — энциклопедическое толкование, например: Амур — река на Дальнем Востоке, одна из крупнейших рек мира.

3. **Краткая энциклопедическая справка**, содержащая информацию о месте и значении данной реалии в истории и в культуре России. В статьях, посвященных общественным деятелям, деятелям науки и культуры, приводятся их краткие биографии.

4. **Описание национально-культурного фона** заголовочного слова. Информация о том, какие ассоциации существуют у русских по поводу реалии, обозначенной заголовочной единицей; статус данной реалии в обыденном сознании носителя языка. Сведения о поляризованной (если она имеет место) оценке реалии у разных слоев населения, изменениях национально-культурного фона реалии, т. е. изменения в понимании роли того или иного явления и отношения к нему в разных слоях российского общества в разные исторические периоды. Например: отношение в современном российском обществе к Октябрьской революции 1917 года, Гражданской войне и другим историческим событиям XX века.

5. **Информация о наиболее известных фактах отражения реалии, обозначенной заголовочным словом, в литературе, музыке, изобразительном искусстве**. Так, например, статья **Волга** предполагает обязательное упоминание о связанных с Волгой русских народных песнях, стихотворении Н. А. Некрасова, картинах И. Е. Репина и И. И. Левитана.

6. **Информация о наиболее устойчивых языковых и речевых единицах, связанных с реалией**, обозначенной заголовочным словом, — способах словесного выражения национально-культурного фона:

1) наличие, наряду с основным, других (как правило, разговорных) наименований (*картофель — картошка, Государственная Третьяковская галерея — Третьяковка, Московский театр драмы и комедии на Таганке — Таганка*);

2) наличие у заголовочного слова переносного лексического значения (*лопух, барыня, деревня*);

3) наличие у заголовочного имени собственного нарицательного значения (*Хлестаков, Чичиков*);

4) наличие у заголовочного слова постоянных эпитетов (*Волга-матушка, Дон-батюшка*);

5) включение заголовочного слова в состав фразеологизмов (*каша из топора, танцевать от печки, проще пареной репы*);

6) включение заголовочного слова в состав пословиц или поговорок (*не все коту Масленица; щи да каша — пища наша; не красна изба углами, а красна пирогами*);

7) включение заголовочного слова в состав устойчивого сравнения в качестве объекта сравнения (*злой как собака; хитрый как лиса; голодный как волк*);

8) использование заголовочного слова в качестве символа чего-либо (крейсер «*Аврора*» как символ Октябрьской революции 1917 года, *береза* как символ России, «*Медный всадник*» как символ Петербурга);

9) использование заголовочного слова в качестве эвфемизма (*блин, хрен*);

10) использование заголовочного слова в предложении в функции сказуемого (*он у нас — дядя Степа; здесь у вас — просто Эрмитаж*);

11) возможность соотнесения заголовочного слова с именами, известными в мировой культуре (*Павел I — русский Гамлет, Петербург — Северная Венеция*);

12) существование отыменных прилагательных или существительных (*левитановский пейзаж, пугачевщина, троцкизм*);

13) существование широко известных косвенных наименований (*Пушкин — солнце русской поэзии; Малый театр — дом Островского*);

14) использование имени для косвенного наименования какого-либо объекта (*Петербург — град Петров*);

15) использование наименования в качестве названия предметов обихода, продуктов, инструментов, географических объектов, СМИ и т. д. (парфюмерный набор «*Мойдодыр*», пиво «*Распутин*», интернет-сайт «*Имба-читальня*»);

16) возникновение на основе имени исторического лица мифического персонажа (*Чапаяев* как персонаж анекдотов).

Причем национально-культурный фон многих реалий выражается словесно несколькими способами. Например, всем известные факты о происхождении Ломоносова и его вкладе в русскую науку

выражаются косвенными наименованиями *архангельский мужик* и *первый русский университет*; имя Ломоносова присвоено МГУ, городу, подводному хребту в Северном Ледовитом океане и течению в Атлантическом океане. Кроме того, широко известны принадлежащие Ломоносову слова, ставшие крылатыми: *Науки юношей питают, Отраду старым подают; Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать*.

Статьи словаря отвечают также требованиям, ранее выработанным в лингвострановедческой лексикографии:

1) информативной достаточности, предполагающей, что объем сведений, предлагаемых словарем, должен быть достаточным для формирования у читателя адекватного представления о национально-культурном фоне языковой единицы;

2) избыточности, т. е. требованию включения в словарные статьи только тех сведений, без знания которых правильное понимание и употребление слова затруднительно или невозможно. Сведения случайного характера, незнание которых не влечет за собой затруднений в понимании и употреблении языковых единиц, включенных в словарь, последовательно опускаются;

3) достоверности, т. е. сведения, приводимые словарем, должны обладать свойством безусловной достоверности, подтверждаться данными новейших изданий справочного характера.

Большинство статей словаря иллюстрированы (репродукциями произведений живописи или фотографиями). Зрительная семантизация предлагается прежде всего статьям, связанным с безэквивалентными фактами и явлениями русской действительности.

Кроме корпуса словарных статей в состав словаря входит указатель названий всех упоминаемых в словаре объектов, фактов, явлений, личностей, связанных с русской историей и культурой. В него входят единицы словника, а также слова, выделенные в статьях словаря полужирным шрифтом. Их общий объем (более 2000 единиц) почти в три раза превышает количество словарных статей. В скобках после каждой единицы помещены слова, которые можно назвать ключевыми (выделены полужирным шрифтом), так как именно с их помощью объясняется значение семантизируемого слова внутри словарной статьи. Во вторую группу (после *см.*) входят единицы, имеющие знак *. Они также связаны с семантизируемым словом, но представляют его более широкие семантические связи, вводят в широкий культурный и исторический контекст, так как каждое слово со знаком * имеет отдельную словарную статью. С помощью этого раздела словаря читатель может представить интересующее его слово в семантических и ассоциативных связях с другими языковыми единицами, входящими в словарь. Например: береза («Березка», береста, берестяные грамоты, веник,

С. А. Есенин, «золотая осень», карельская береза, А. И. Куинджи, лучина, подберезовик, Троица; *см.* баня*, Великий Новгород*, весна*, грамота*, «Грачи прилетели»*, грибы*, Дванадцатые праздники*, «Золотая осень»*, каша*, крестьянин*, лапти*, И. И. Левитан*, лес*, печь*, Русь*, серебро*, тайга*, тундра*, хоровод*, церковь*).

Дополняют словарь приложения:

1. Перечень всей данной в словарных статьях лингвострановедчески ценной фразеологии.

2. Перечень находящихся в России объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

3. Образцы русских рукописных и печатных текстов с IX по XX век.

4. Общеизвестные даты, праздничные и памятные дни.

Словарь состоит из более чем 600 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке; указателя названий всех упоминаемых в словаре объектов, фактов, явлений, личностей, связанных с русской историей и культурой (около 2000 единиц); приложений.

Словарная статья состоит из: 1. Заголовочного слова или словосочетания и его толкования; 2. Страноведческой (культуроведческой) части; 3. Лингвострановедческой части.

1. **Заголовочное слово** дается перед словарной статьей крупным шрифтом прописными буквами. Названия художественных произведений даются в кавычках. В слове (словосочетании) указывается ударение. Например:

АРХА́НГЕЛЬСК ЛЕ́ТОПИСЬ «ГО́РЕ ОТ УМА́»

Если у описываемого объекта существуют варианты наименования, то в качестве **заголовочного слова** избирается вариант наименования, наиболее употребительный в речи, и в этом случае приводятся его стилистическая характеристика и указания на особенности его употребления в речи. Другие варианты даются рядом. Например:

КАРТО́ШКА (КАРТÓФЕЛЬ) ТРЕТЬЯКÓВКА

Разговорное название Государственной Третьяковской галереи.

ХРАМ ВАСÍЛИЯ БЛАЖÉННОГО

Неофициальное название памятника архитектуры...

У большинства слов (словосочетаний), включенных в словарь, описывается одно значение, имеющее национально-культурную ценность. В тех случаях, когда описывается несколько значений слова,

каждое значение отмечается арабскими цифрами и дается с абзаца. Например:

СОБО́Р

1. Собрание высшего христианского духовенства для решения вопросов вероучения и церковной жизни (например, Вселенский собор, Поместный собор)...

2. В XVI–XVII вв. в России — собрание высших церковных и светских должностных или выборных лиц для решения важнейших вопросов организации и управления государством.

3. Главный христианский храм* города или **монастыря***, где совершают богослужение, как правило, высшие духовные лица — патриарх, митрополиты, архиепископы.

В тех случаях, когда значения слова омонимичны, т. е. значительно расходятся по смыслу, каждое из них описывается в отдельной статье, обозначенной порядковым номером. Например:

ТРО́ЙКА¹

Три лошади (см. лошадь*), запряженные в ряд в один экипаж; экипаж с запряженными в него тремя лошадьми. Национальная российская упряжка.

ТРО́ЙКА²

Оценка (отметка) удовлетворительного уровня знаний учащегося школы*.

Толкование заголовочного слова

Для имен нарицательных дается толкование лексического значения слова, например:

А́ЗБУКА

Совокупность букв, принятых в русской письменности, располагаемых в установленном порядке, алфавит.

ДЕНЬ РОЖДЕ́НИЯ

Дата рождения человека, которая отмечается как бытовой, домашний праздник.

Для имен собственных дается энциклопедическое толкование, например:

АМУ́Р

Река на Дальнем Востоке*, одна из крупнейших рек мира.

НАХИ́МОВ П. С.

Выдающийся русский флотоводец, адмирал.

В некоторых, наиболее интересных случаях предлагается этимологическая справка о слове или раскрывается его внутренняя форма. Например:

ЛУБЯ́НКА

...Название восходит к XV в. Существует две версии его возникновения, и обе они связаны с существительным *луб* и прилагательным *лубяной*. Луб — это внутренняя часть коры, волокнистая ткань, которая находится под корой некоторых деревьев: **липы*** и вяза, а также изделия из этого материала. Название Лубянка возникло либо потому, что в районе современной площади велась торговля деревом, либо потому, что в этот район в конце XV — начале XVI в. переселили жителей древнерусских городов **Великого Новгорода*** и **Пскова** и новгородцы принесли с собой название улицы своего города *Лубяница*, которая в Москве стала называться по характерной для московской топонимике модели — Лубянка (ср. Петровка, Полянка, Солянка и др. московские названия улиц).

АЙБОЛІ́Т

Герой одноименной сказки **К. И. Чуковского**.

Имя персонажа имеет прозрачную внутреннюю форму, образовано из сочетания междометия *Ай!* и глагола *болит*.

2. **Страноведческая часть** представляет собой краткую энциклопедическую справку, содержащую информацию о месте и значении данной реалии в истории и культуре России. В статьях, посвященных государственным и общественным деятелям, деятелям науки и культуры, приводятся их краткие биографии. Все даты даны по новому стилю или по старому (в скобках). Все приведенные статистические данные соответствуют ситуации начала 2007 года.

3. **Лингвострановедческая часть** представляет собой описание национально-культурного фона заголовочного слова. Она включает информацию о том, какие ассоциации существуют у русских по поводу реалии, обозначенной заголовочной единицей; каков статус данной реалии в обыденном сознании носителя языка; сведения о поляризованной (если она имеет место) оценке реалии у разных слоев населения, изменениях национально-культурного фона реалии, т. е. изменений в понимании роли того или иного явления и отношения к нему в разных слоях российского общества в разные исторические периоды.

Например, в статье **ОКТЯ́БРЬСКАЯ РЕВОЛЮ́ЦИЯ 1917 г.:**

...Начиная с **перестройки***, а особенно в постперестроечное время, после распада СССР и устранения монополии **КПСС*** на власть, оценка роли и значения Октябрьской революции многими была пересмотрена. Современная историческая наука, а также большая часть

населения подвергают сомнению своевременность и необходимость Октябрьской социалистической революции 1917 г., расколовшей общество, приведшей к большим человеческим жертвам, исключившей путь постепенных политических и экономических реформ. Сторонники этой точки зрения обычно называют Октябрьскую революцию *большевицким переворотом*.

В этой же части статьи находится информация о наиболее известных фактах отражения реалии, обозначенной заголовочным словом, в литературе, музыке, изобразительном искусстве.

Например, в статье **Волга** упоминаются связанные с Волгой русские народные песни, стихотворение Н. А. Некрасова, картины И. Е. Репина и И. И. Левитана.

Завершает словарную статью информация о наиболее устойчивых языковых и речевых единицах, связанных с реалией, обозначенной заголовочным словом, — способах словесного выражения ее национально-культурного фона.

Например, в статье **ЦАРЬ**:

...Слово *царь* имеет переносное значение. *Царем* (чего-либо) называют того, кто подчиняет окружающих своему влиянию или превосходит всех в каком-либо отношении: *царь леса* — дуб*, *царь птиц* — орел*, *царь-рыба*. Отсюда названия стоящих в **Московском Кремле*** и выдающихся по своим размерам и красоте **Царь-колокола** и **Царь-пушки**. Определение *царский* употребляется в значении ‘роскошный, великолепный’, например, *царским подарком* называют очень дорогой и ценный подарок. Слово *по-царски* имеет значение ‘щедро’ (например, *наградить по-царски*) или — обычно в кулинарии — ‘изысканно’ (*уха* по-царски*, *блины* по-царски*).

Широко распространены фразеологизмы: *при царе Горохе*, т. е. очень давно; *без царя в голове* — о взбалмошном, глупом, пустом, неосмотрительном человеке; *олух царя небесного* — глупый человек, простофила, бездельник, который ждет милости от Бога (*Царя Небесного*).

Шрифтовые выделения в словарной статье

Полужирным шрифтом выделяются заголовочные слова статей, а также (в тексте статьи) те лингвострановедчески ценные единицы, которые, по мнению авторов, несут наибольшую смысловую нагрузку, являются своего рода ключевыми или тематическими словами для данной статьи. Слова, употребленные в тексте, но имеющие собственную словарную статью, выделяются полужирным шрифтом со знаком *.

Например, в статье **ШУБА**:

...Выше всего ценились шубы из меха бобра с проседью и сибирского **соболя***, были популярны также лисьи (см. лиса*) и белчиьи

(см. белка*), заячьи (см. заяц*) шубы (особенно женские). Купеческие шубы часто шились из енота или куницы, крестьянские — из **овчины** (мех овцы)...

Курсивом в тексте статьи выделяются слова и выражения, на которые обращается особое внимание как на собственно языковые единицы, имеющие прямое отношение к заголовочному слову статьи (образованные от него, включающие его в свой состав, ассоциирующиеся с ним и пр.), а также цитаты из литературных произведений.

Полужирным курсивом (или полужирным курсивом со знаком *) выделяются слова, сочетающие в себе качества единиц, выделяемых полужирным шрифтом, и единиц, выделяемых курсивом. Например, в статье **КОТ**: *Не все коту масленица**.

Далее помещен указатель названий всех упоминаемых в словаре объектов, фактов, явлений, личностей, связанных с русской историей и культурой.

В том случае, если данному объекту, факту, явлению, личности посвящена словарная статья, в скобках указывается лингвострановедчески ценная лексика этой статьи, в том числе и те единицы, которые входят в основной корпус словаря; если данному объекту, факту, явлению, личности не посвящена отдельная словарная статья, то в скобках указываются статьи, в которых они упомянуты.

Например:

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ* (Алексеевский равелин, декабристы*, Зимний дворец*, народники*, Нева*, Октябрьская революция 1917 г.*, Николай II*, Петербург*, Пётр I*, Петропавловский собор*, собор*, церковь*, Н. Г. Чернышевский)

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР (Елизавета Петровна*, Павел I*, Петропавловская крепость*, царь*)

Образец словарной статьи:

БАРАНКА

Традиционное русское хлебобулочное изделие из пшеничной (см. **пшеница***) муки в форме кольца.

Слово *баранка* образовано от глагола *обварить*, так как баранки делают из заварного, или, как в древности называли, *обварного* теста, жгутики которого сворачивали в кружок и из них выпекали *обваранки*. Со временем слово менялось и в итоге получило современное звучание и орфографию.

В русских письменных источниках баранки упоминаются с XVII в., хотя изготовлялись, вероятно, и в более раннее время. Баранки бывают простые, ванильные, сахарные, слобные, горчичные, маковые и другие. К *бараночным изделиям* относятся также

сушки (маленькие тонкие и сухие баранки) и бублики (толстые мягкие баранки).

По русской традиции баранки подавались к чаю*. В народной среде, особенно в тех районах, где пшеница не выращивалась, еще в начале XX в. баранки считались угощением и могли быть гостинцем для детей.

Баранки и сушки

Чаепитие с баранками на ярмарке

Хорошо известны слова припева лирической песни «Москва златоглавая» (авторы не известны), в которой упоминаются баранки:

Конфетки-бараночки, Словно лебеди — саночки. «Эй вы, кони залётные!» — слышен крик с облучка. Гимназистки румяные, От мороза чуть пьяные, Грациозно сбивают Рыхлый снег с каблучка.

В переносном смысле *баранкой* называют разные предметы кольцеобразной формы, чаще других — автомобильный руль. Отсюда выражения *сесть за баранку, крутить баранку*. *Баранкой* в разговорной речи могут назвать цифру 0. О спортсменах или команде, набравших в соревнованиях 0 очков, могут сказать, что они *получили баранку*.

5. Лингвокультурологические словари

Главное отличие лингвокультурологического подхода от страноведчески ориентированных описаний состоит в том, что последние ставят своей целью описать реалии, которые являются специфическими для России, а также выявить репертуар тех единиц, которые восходят к собственно национальным фактам материальной, социальной или духовной культуры. Другими словами, лингвострановед-

ческие концепции ориентированы скорее на исторический план фонового знания, нежели на синхронно-функциональное воплощение культурной «доли значения» в языковую сущность. Лингвокультурологический же анализ заключен в извлечении из образа его действительной культурной значимости (Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004: 9).

5.1. Лингвокультурологические словари тематической лексики

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. — М.: Гнозис, 2004. — 318 с.

В словаре представлены единицы, которые, будучи широко представленными в фольклоре и обучающей литературе (прецедентные тексты, имена и высказывания, мифологические персонажи, образы животных, связанные с русской народной культурой, и др.), определяют специфику русской картины мира и ее отражения в языке и осваиваются русскими на первом этапе социализации — вхождения ребенка в русскую культуру.

В первом выпуске помещено около 200 словарных статей.

Авторы словаря ставили своей целью описать образы, бытующие в современном массовом сознании и стоящие за заголовочными единицами словарных статей. В словарь включены те ментефакты, которые составляют группу «представлений» в широком понимании этого термина.

Словарь является словарем фиксирующего типа, авторы старались описать не то, что «следует знать», а то, что реально «знает» практически любой социализированный представитель русского национально-лингвокультурного сообщества, при этом не ставятся никакие воспитательные задачи. Таким образом, словарь призван выполнять фиксирующую и ориентирующую функции, что отличает его от лингвострановедческих словарей и «словарей культурной грамотности», которые могут быть названы словарями нормативного типа, выполняя при этом социально-регулятивную функцию. Кроме энциклопедической информации представлены особенности функционирования единицы в дискурсе русского национально-лингвокультурного сообщества.

Авторы словаря опирались на современную городскую культуру и на массовое сознание современных городских жителей.

Словарь содержит четыре раздела: «Зооморфные образы», «Имена», «Прецедентные тексты», «Прецедентные высказывания» — и снабжен указателем, позволяющим быстро найти интересующую статью.

Каждая статья в разделах «Имена» и «Зооморфные образы» открывается кратким вступлением, в котором указывается место данного ментефакта (прецедентного имени, духа, артефакта или зооморфного образа) в «археологии культуры» (В. Н. Телия), его отношение к миру мифологических образов и перечисляются те «роли», которые данный ментефакт выполняет: является ли он персонажем фольклора, выступает ли как стереотипный образ, может ли употребляться для характеристики кого-либо или чего-либо (человека, его характера, его деятельности, предмета, ситуации и т. д.). После этого представляется «фольклорно-энциклопедическая» информация: бытование единицы в русском фольклоре и — минимально — в литературе (в первую очередь — в детской). Затем описывается некоторый «стереотипный образ», стоящий за единицей. В третьем «пункте» словарной статьи описываются условия, при которых возможна апелляция к данному образу, а также представляются значения, которые данная единица может выражать. В конце словарной статьи предъявляются устойчивые, идиоматические выражения, образ которых мотивирован народными поверьями, фольклорными традициями, стереотипным представлением, восходит к какому-либо конкретному источнику и подобн. Эта часть содержит иллюстративный материал, призванный на конкретных примерах продемонстрировать функционирование той или иной единицы в дискурсе.

Главное отличие словарных статей раздела «Прецедентные тексты» заключается в том, что статья не членится на «пункты» и предстает как цельный текст. Статья открывается краткой энциклопедической информацией о тексте, содержащей имя автора произведения, для фольклорных текстов, если это возможно, — имя писателя или исследователя, в чьем изложении данный текст наиболее известен, год написания, жанр. Затем следует описание инварианта восприятия прецедентного текста — пересказ ключевых эпизодов и прецедентных ситуаций, указание имен действующих лиц и основных прецедентных высказываний, в тексте содержащихся. Далее описывается бытование инварианта восприятия прецедентного текста в массовом сознании и способы апелляции к нему в дискурсе через упоминание имен, ситуаций, высказываний из самого текста. Статья завершается информацией о месте, которое занимает текст в национальной культуре, о его общепризнанной оценке, о посвященных ему кинофильмах, мультфильмах, музыкальных произведениях и подобн.

Образец словарной статьи:

УЛІТКА — не входит в число русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека или действия (3).

1. Не является типичным персонажем русского фольклора.

2. У. — очень медлительное, неторопливое существо с маленькими рожками, она всегда носит на спине свой домик (раковину) и в случае опасности прячется в него (ср. *черепаха*).

3. Современные русские могут называть улиткой или обращаться к образу У. для характеристики:

➤ человека, который пытается отгородиться от окружающего мира:

Мы, как *улитки*, вжались в себя, затаились, взгляды держа в освещенном уголке, наружу во тьму их наставить боимся. *Т. Набатникова, Каждый охотник*. А мы тогда, помнишь, мы сидели за столом — поминки, но что было делать, если нас захватила эта внезапная магнитная буря, с ума сойти. Мы, как *улитки*, со страхом запечатались внутрь себя, чтоб не обнаружить вовне эту бую, стыд-то какой... *Т. Набатникова, Каждый охотник*.

➤ очень медленного движения:

Ах, как слепят фары встречных автомобилей! ...Как бликует асфальт. Черт подери! ...И эта кляча впереди тащится как *улитка*! *В. Кунин, Интердевочка*. Толику стало жутко. По спине здоровенной *улиткой* прополз холодный ручей пота. *Л. Филатов, Свобода или смерть*.

Н. П. Вольская, И. В. Захаренко

5.2. Лингвокультурологические словари концептов

Муллагалиева Л. К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь / Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. М.: Ладомир, 2006. — 234 с.

В словаре описано 88 лексических единиц, репрезентирующих концепты русской культуры.

Представленные слова-концепты делятся на две большие группы. Первую составляют слова-концепты, свойственные только русской культуре, — реалии. Эти слова относятся к безэквивалентной лексике. Вторую группу составляют слова, имеющиеся и в других языках. Это эквивалентная и неполноэквивалентная лексика, обозначающая реалии общечеловеческой культуры, вместе с тем отражающая особенности языковой картины мира конкретного языка (*душа, совесть, воля, тоска; свет — тьма, добро — зло, правда — ложь* и т. д.; *очаг, хлеб, семья, мать* и т. д.).

Подходы к описанию данных групп слов разные: первая группа не предполагает сопоставительного аспекта описания, а вторая наряду с основательным описанием концепта в русской языковой картине мира предполагает сопоставительно-типологический аспект, который

представлен в словарных статьях в пословицах, поговорках, а также в художественных текстах. Концепты русской языковой картины мира объединены в тематические блоки «Человек», «Общество», «Природа».

Образец словарной статьи:

ПОЛЫНЬ — эфирноносное растение с мелкими корзинками цветков, с сильным запахом и горьким вкусом. Растение получило свое имя по свойственной для него горечи. *Горькая полынь.*

В русской фольклорной традиции полынь символизирует несчастливую, безответную любовь, неудачную горькую судьбу, разлуку, страдание.

Горечь полыни в сознании русского человека ассоциируется с сердечными переживаниями и надеждами, обманутыми ожиданиями.

Полынь, «трава окаянная», считается самым верным средством, чтобы отвести русалок. Уходя после Троицына дня в лес, следует непременно брать эту траву с собой. Русалка любопытна и непременно подбежит и спросит:

— Что это у тебя в руках: полынь или петрушка?

— Полынь, — следует ответить.

— Брось ее под тын! — громко вскрикнет она и побежит мимо, и тут-то надо успеть бросить эту траву в глаза русалке: никогда она тебя больше не тронет.

☞ Полынь степи не украсит (*там.*). Лыстец хитер, полынь горька (*тут.*).

📖 Полынь, трава степной дороги,
Твой горький стебель — горче слез.
Церковный запах, нежный, строгий,
Так далеко меня унес.

Дышу тобой, и вот пьяна я
Стою у пыльного куста...
О, горечь русская, степная,
И тишина, и широта!

Н. В. Крандиевская-Толстая
«Полынь, трава степной дороги...»

📖 Ты полынушка, полынка,
Полынь, травка горькая!
Не я травку сеяла,
Что не я тебя садила,

Не сама ли ты, злодейка
Травка, уродилася,
По зеленому лужочку,
Травка, расселилася:
Заняла ли ты, злодейка,
В лугу себе местечко,
В лугу местечко прекрасное,
Место хлебородное.

Русская народная песня

5.3. Лингвокультурологические словари фразеологии

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с. — (Фундаментальные словари).

В словаре впервые в толковании фразеологизмов выделяется описание ситуации, с которой соотносится фразеологизм, приводится ее свернутая формула, что обеспечивает правильный выбор фразеологизма в обычной речи.

Принятая в словаре система стилистических помет отражает условия употребления фразеологизмов с учетом демократизации современной речи, с этим связано и использование в качестве иллюстративного материала всех жанров печатной продукции, в том числе и жанров Интернета.

Особенностью словаря является описание смысловых «гнезд» фразеологизмов в одной, общей для них словарной статье.

Описание значения фразеологизмов придает лингвистической части словаря активный, т. е. ориентированный на употребление описываемых в нем единиц, характер.

Впервые в словаре фразеологизмы описываются как знаки «языка» культуры. В словаре приводится культурологический комментарий к описываемым единицам языка. В этом комментарии прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нем археологией культуры, а также современные установки культуры. Они осознаются носителями языка через восприятие образного основания фразеологизмов или же всплывают в их сознании на уровне бессознательного владения культурно значимыми смыслами.

По определению редактора словаря, словарь является толково-культурологическим или лингвоэнциклопедическим.

Словарь состоит из двух взаимосвязанных частей — основного корпуса, в котором описано около 1500 фразеологизмов современного

русского языка, и алфавитного указателя включенных в словарь фразеологизмов.

Порядок следования фразеологизмов в тексте словаря является алфавитным, не в алфавитном порядке располагаются варианты — подвокабулы, которые не имеют самостоятельных статей и входят в статью на основную вокабулу.

Словарная статья состоит из следующих частей:

- 1) заголовочный фразеологизм-вокабула;
- 2) перечисление валентностей (т. е. показателей таких грамматических и смысловых особенностей членов предложения, связанных с фразеологизмом, которые им обусловлены) и слов-сопроводителей;
- 3) толкование (семантизация);
- 4) грамматические характеристики;
- 5) иллюстративный материал;
- 6) характеристика подвокабулы (т. е. единицы, являющейся морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим, эмоционально-оценочным или стилистическим вариантом основной вокабулы и поэтому не имеющей собственной словарной статьи);
- 7) культурологический комментарий.

Культурологический комментарий включает следующие блоки:

- 1) этимологическая справка (может отсутствовать);
- 2) страноведческая справка (может отсутствовать);
- 3) соотносительность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с древнейшими пластами культуры;
- 4) соотносительность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с фольклорно-литературными источниками;
- 5) соотносительность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с кодами культуры;
- 6) соотносительность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с видами тропов;
- 7) соотносительность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с «языком» культуры, т. е. указание на ту роль, которую выполняет образ фразеологизма в целом или отдельные его компоненты как знаки «языка» культуры;
- 8) типы текстов, где фразеологизм зафиксирован как типичный или продуктивно функционирует;
- 9) образные аналоги в других языках.

Образец словарной статьи:

НА НОСУ́ что [у кого] быть

Совсем скоро, вот-вот будет. *Имеется в виду* неизбежное и скорое приближение важного события (*P*), обычно вызывающего озабоченность лица или группы лиц (*Y*). Неформ. ♦ *P на носу [у Y-a]*.

Неизм.

В роли именной части сказ.

— <...> Да как, Николай Иванович, насчет Петрова-то? А? Без ножа режешь. У меня трактор стоит, сев на носу. *В. Белов, Привычное дело.* — Нет, — сказал Лукашин. — Это не годится. Нам надо, чтобы кузница сейчас дымила. Посевная на носу. *Ф. Абрамов, Две зимы и три лета.* [Сарафанов:] Сынок! Куда ты, сынок? [Бусыгин:] Нам пора. [Сильва:] Да-да, надо ехать. У нас ведь там эта... сессия на носу. *А. Вампилов, Старший сын.* — Я бросить музей не могу, у меня на носу юбилейная выставка Хлудова, целый месяц придется копаться в запасниках музея, отыскивать его картины и рисунки и составлять каталог. *Ю. Домбровский, Хранитель древностей.* — Ревизия же на носу! — рыдающим голосом проговорил комендант. — Найдут же у меня 2 тонны гнилой рыбы излишков <...>. *А. и Б. Стругацкие, Сказка о Тройке.* Ну и, наконец, в романе безбожно перепутано время — поет Земфира, на носу недавние президентские выборы, и вместе с тем — в новинку коммерческие ларьки <...>. *Сегодня, 2000.*

Образ фразеол. восходит к древнейшей архетипической форме осознания мира, для которой характерна оппозиция «далекий — близкий», тесно связанная с базовым противопоставлением «свой — чужой».

Образ фразеол. соотносится с телесным, временным и пространственным кодами культуры, т. е. тело человека выступает как источник осмысления окружающей действительности, задает систему измерений времени и пространства. Нос воспринимается как один из ориентиров в организации пространства, является «пограничным столбом» между «внешним» и «внутренним» пространством человека, выступая как эталон, т. е. мера, максимально возможной близости. Пространственная метафора при обозначении времени (уподобление пространственных и временных отношений) является универсальной, что связано с линейным представлением движения времени и человека во времени, при этом человек стоит лицом к будущему, а спиной — к прошлому, поэтому *на носу* употребляется по отношению к событиям, расположенным в ближайшем будущем.

Д. Б. Гудков

Литература

Байбурина А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. — СПб.; М., 2004. — 680 с.

Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. — М., 1991. — 144 с.

Балакай А. Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX–XX вв.: В 2 т. / Департ. образования администр. ОблИУУ, Новокузнецкий госпединститут. — Кемерово, 1999. — Т. 1. — А — О — 312 с. Т. 2 — П — Я — 318 с.

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. — М., 2001. — 672 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. — М., 2006. — 784 с. — (Фундаментальные словари).

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. — М., 2004. — 318 с.

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М., 2005.

Грамотны ли вы, или 5000 слов, которые помогут проверить это / Сост. В. А. Пушных, Н. Н. Шевченко. — Томск, 1994. — 86 с.

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. — Москва — Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах. 2001. — 256 с.

Денисова М. А. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР. — М., 1978. — 277 с.

Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 4000 единиц. — М., 1997. — 704 с.

Кильдибекова Т. А., Гафарова Г. В. Функционально-когнитивный словарь русского языка — Уфа, 1998. — 122 с.

Кильдибекова Т. А., Гафарова Г. В., Миргаязова Э. М., Юлдашева Д. А. Функционально-когнитивный словарь русского языка — Уфа, 2001. — 215 с.

Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц / Н. П. Колесников. — М., 2002. — 608 с.

Харченкова Л. По одежке встречают... Секреты русского костюма. Лингвострановедческий словарь. — СПб., 1994. — 106 с.

Муллагалиева Л. К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь / Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. — М., 2006. — 234 с.

Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века — М., 2001. — 608 с.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. — СПб., 2000. — 270 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. — М., 2004. — 992 с.

Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь — Уфа, 1998.

Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верецагина и В. Г. Костомарова. — М., 1990. — 220 с.

Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Институт русского языка им. А. С. Пушкина; Под ред. Е. М. Верецагина, В. Г. Костомарова. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1988. — 272 с. [16 с. ил.].

Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верецагина и В. Г. Костомарова. — М., 1984. — 360 с.

Чернявская Т. Н., Борисенко В. И., Вьюнов Ю. А. и др. Лингвострановедческий словарь национальных реалий России (словник базового уровня). — М., 1999.

Вопросы

1. Какие словари относятся к новому направлению лексикографии — лингвокультурологии?
2. Что является объектом описания в подобных словарях?
3. Каким образом отражают культурную информацию традиционные словари?
4. На что в первую очередь должны быть направлены усилия составителей словарей лингвокультурологического типа?
5. Каковы основные принципы организации и описания материала в словаре лингвокультурологического типа?
6. Чем обусловлена целесообразность использования термина «словари лингвокультурологического типа»?
7. Какими разрядами может быть представлена классификация словарей лингвокультурологического типа?

У.3. МОДЕЛИ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ УЧЕБНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Принципы составления и образцы словарных статей учебного лингвокультурологического словаря единиц лексико-тематической группы «Явления природы» (Ермакова 2010)

При лексикографическом описании единиц лексико-тематической группы (ЛТГ) явлений природы необходимо учитывать: 1) соотношение лингвистической и культурологической информации, представленной в словарной статье (в предлагаемой модели это равное соотношение); 2) случаи переносного употребления лексических единиц, называющих явления природы; 3) актуализацию в контекстах употребления различных семантических признаков, коннотаций существительных и связанных с ними ассоциаций, а также эмоциональное отношение к наименованиям природы носителей языка; 4) использование данных лексических единиц в русской бытовой лингвокультуре (их способность выступать в качестве разного рода названий: фирм, кафе, предприятий и т. п.); в качестве прецедентных феноменов, в составе устойчивых сочетаний.

В связи с этим предлагаемая нами модель словарной статьи включает следующие зоны: 1) заголовочное слово и его грамматическую характеристику; 2) зону толкования; 3) синтагматические связи

заголовочного слова; 4) устойчивые сочетания с заголовочным словом; 5) использование в русской бытовой лингвокультуре; 6) употребление в качестве прецедентных феноменов; 7) типичные ассоциации, возникающие у носителей языка; 8) эмоционально-оценочное отношение носителей языка; 9) иллюстрации; 10) отсылочную зону.

1. Заголовочная единица приводится в именительном падеже единственного числа с указанием ударения и графически выделяется прописными буквами жирным шрифтом. Рядом с формой единственного числа заголовочного слова приводится указание части речи, помещается помета грамматического рода, указывается окончание родительного падежа единственного числа. Данные грамматические характеристики выделяются курсивом. Далее приводится форма множественного числа с ударением, которая графически выделяется жирным шрифтом. Например:

ЗАРЯ' — *сущ., ж. р., -и, зо'ри*

Справа от заголовочного слова помещается картинка-иллюстрация.

2. Во второй зоне словарной статьи помещается толкование заголовочного слова, которое приводится после знака З: и выделяется курсивом. Если слово обладает переносным значением, то его определение следует за пометой *перен.:*

З:

1. *Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца*

2. *перен.: О начале, зарождении, ранней поре чего-либо радостного, светлого*

3. Синтагматические связи (после обозначения С:) приводятся отдельными абзацами за знаком — (черта употребления) с указанием частеречной принадлежности тех слов, с которыми сочетается заголовочная единица.

С: В 1-м значении существительное *заря* сочетается

— с **прилагательными**: *розовая, сизо-розовая, красная, алая, красно-оранжевая; тусклая, мутно-золотая; зимняя, летняя; холодная, прохладная; утренняя, вечерняя, полночная; европейская*

— с **глаголами**: *зажигаться, вставать, подниматься, разгораться, заниматься, всходить, светиться, сиять, гореть, погаснуть, блекнуть, потухать, упасть*

4. В четвертой зоне словарной статьи после знака > (угла) приводятся устойчивые сочетания, в составе которых имеется заголовочное слово, устойчивые сочетания графически выделяются курсивом. К ним приводятся толкования:

> *Юная как заря* — очень молодая (о девушке).

> *Ни свет, ни заря* — очень рано.

5. Если слово используется в бытовой лингвокультуре, это указывается после знака ~ (тильды) и выделяется также курсивом:

~ Названия *поселка, кинотеатра, часов, колхоза, песни, космической станции, предприятия.*

6. Если наименования явлений природы входят в состав различных прецедентных феноменов, это указывается после обозначения

⊕ ПФ:

⊕ ПФ: «*заря* — поэзии другиня...», «в бой, славяне, *заря* впереди...», «от *зари до зари* говори о любви», «И, не пуская тьму ночную На золотые небеса, Одна *заря* сменить другую Спешит, дав ночи полчаса...», «В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И *заря, заря!*», «Так вот бушлатник шершавую песню поет В час, как полоской *заря* над острым встает».

7. Типичные ассоциации, возникающие у носителей языка, следуют за пометой А и графически выделяются курсивом:

А: *цвет, солнце, восход, закат, деревня, озера, река, катер*

8. Эмоционально-оценочная окраска в русском языковом сознании указывается после пометы О: обозначается знаком + или — и графически выделяется курсивом

О+: *нежная, благоприятная заря, О-: ужасная.*

9. Иллюстративная зона. После знака ☞ с абзаца приводятся примеры употребления из публицистической, художественной литературы, обиходной речи носителей языка. Цитаты выделяются курсивом. Например, к 1-му значению:

☞ «*Зажигается заря, как маки*» (Илья Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли // «Народное творчество», 2003.12.22); «*Необыкновенной чистоты и густоты ярко-желтая заря ровной полосой лежала на горизонте ниже серо-розовой дымки, растворявшейся в бледном ясном небе*» (А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)).

Ко 2-му значению:

☞ «*Он всем докажет, что комбайн Ланкина — заря новой эпохи*» (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый мир, № 8, 1998).

10. Отсылки даются на единицы той же лексико-семантической группы после пометы ср.:

Ср.: *зарница, закат, зарево.*

ЗАРЯ' — *сущ., ж. р., -и, зо'ри*

З: 1. *Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца*

С:

— с **прилагательными**: *розовая, сизо-розовая, красная, алая, красно-оранжевая, тусклая, мутно-золотая, зимняя, летняя, холодная, прохладная, утренняя, вечерняя, полночная, европейская*

— с **глаголами**: *зажигаться, вставать, подниматься, разгораться, заниматься, всходить, светиться, сиять, гореть, погаснуть, блекнуть, потухать, упасть*

> Юная как заря — очень молодая (о девушке).

> Ни свет, ни заря — очень рано.

~ Названия *поселка, кинотеатра, часов, колхоза, песни, космической станции, предприятия.*

⊕ ПФ: «*заря — поэзии другиня...*», «*в бой, славяне, заря впереди...*», «*от зари до зари говори о любви*», «*И, не пуская тьму ночную На золотые небеса, Одна заря сменить другую Спешит, дав ночи полчаса...*», «*В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И заря, заря!*», «*Так вот бушлатник шершавую песню поет, В час как полоской заря над острогом встает*».

▲: *цвет, солнце, восход, закат, деревня, озера, река, катер*

О: +

📖 «*Зажигается заря, как маки*» (Илья Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли // Народное творчество, 2003.12.22); «*Необыкновенной чистоты и густоты ярко-желтая заря ровной полосой лежала на горизонте ниже серо-розовой дымки, растворявшейся в бледном ясном небе*» (А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)).

Ср.: *закат, зарево*

2. Перен.: *О начале, зарождении, ранней поре чего-либо радостного, светлого*

С: *заря автомобилизации, заря всемирного социалистического дня, заря русской воинской славы, заря старого дня, заря новой эпохи.*

📖 «*Он всем докажет, что комбайн Ланкина — заря новой эпохи*» (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый мир, № 8, 1998).

РА'ДУГА — суц., ж. р., -и, ра'дуги

З: *разноцветная дуга, образующаяся на небесном своде при преломлении солнечных лучей в дождевых каплях*

С:

— с **глаголами**: *появиться, возникнуть, вырасти, встать, подняться, растаять, отступить, исчезнуть, погаснуть, пылать, вспыхивать, загореться, засиять, уперлась, дрожала*

— с **прилагательными**: *маленькая, крошечная, короткая, широкая, яркая, разноцветная, красочная, чистая, нежная, васильковая*

~ Названия *фирм, магазинов, цехов, банков, фестивалей, фильмов, повестей, рассказов, пьес, журналов, издательств, детских домов, лагерей, клубов, ансамблей, ковров, телевизоров, принтеров, спутников связи и космических аппаратов*

⊕ ПФ: «*Каждый охотник желает знать, где сидит фазан*», «*Радуга-дуга*», «*От улыбки даже радуга проснется*», журнал «*Ералаш*»

▲: *дуга, счастье, дождь, детство, красота, разноцветная, река*

О: +

📖 «*Зато когда небо проясняется после дождя, над долиной нависает яркая радуга — еще одно захватывающее дух зрелище*» (Ирина Соколова. Бабочки летают (заметки о Тайване) (1999)).

ЗАРНИ'ЦА— суц., ж. р., -ы, зарни'цы

З: *кратковременная вспышка света на небосклоне ночью или вечером; отблеск дальней грозы*

С:

— с **прилагательными**: *дальняя, долгая, первая, голубая, зимняя, августовская*

— **глаголами**: *полыхнуть, осветить, сверкнуть, вспыхнуть*

~ Названия *игры, фабрик, газет, местонахождений полезных ископаемых, коктейлей*

⊕ ПФ: *игра «Зарница»; «Мелкие волны что-то шепчут с кормою, Весло недвижимо, И на небе ясном высоко сверкает зарница...»; «...В окно зарница глянула тревожно... Притихший соловей в сирени на валу Выводит трели осторожно...»*

▲: *игра, вспышка, цвет, яркость, радость*

О: +

📖 «*Со стороны станции полыхнула дальняя зарница*» (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985))

ДОЖДЬ — суц., м. р., -я, дожди'

З: *Атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды*

С:

— с **глаголами**: *начинаться, кончаться, перестать, моросить, хлестать, хлобыстать, лить, накрапывать*

— с **прилагательными**: *бесконечный, затяжной, вечный, обильный, мелкий, занудный, серый, прекрасный, теплый, тихий,*

> *Льет как из ведра* — об обильном, сильном дожде

▲: *осень, слякоть, мокрый, грусть, проливной*

О: +/-

⊕ ПФ: «*Звонкой пеленой наполнил небо майский дождь...*»; «*Подожди, дожди, дожди, ты оставил любовь позади*»; «*Дождик, я иду*»

по лужам...»; «Дождь залечит раны»; «Дождь над Фонтанкой и дождь над Невой»

☞ «Серый каменный берег, серые горы, серый дождь, серое небо, люди в серой рваной одежде...» (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)); «И так странно — как будто где-то далеко шел тихий и теплый дождь» (Л. Н. Андреев. Вор (1904)).

СНЕГ — сущ., м. р., -а, снега'

З: атмосферные осадки — кристаллики льда в виде белых пушинок, хлопьев

С:

— с глаголами: растаять, подтаять, таять, начаться, сойти, сыпать, скрипеть

— с прилагательными: белый, альпийский, сибирский, ночной, октябрьский, мартовский,

мокрый, слабый, легкий, пушистый, хрупкий, старый, серый, грязный

> Как снег на голову — неожиданно.

А: зима, белый, холод, таять

О: +/-

☛ ПФ: «А снег идет...»; «Ой, мороз, мороз...»; «Снег кружится, летает, летает...»

☞ «В один из таких вечеров, когда снег уже подтаял и на дорогах была жидкая, грязная кашка, я плелась вдоль улицы к дому» (Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // «Даша», № 10 (2004)); «Было морозно, снег скрипел под ногами, меж сосен мелькали яркие планеты» (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)).

Структура и образцы словарных статей учебного словаря русских лексических единиц со значением общей оценки внешности человека (Мильбрет 2011)

Предлагаемая модель словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря включает в себя следующие зоны описания.

Для **существительного**: 1) заголовочное слово, его грамматическая и стилистическая характеристики; 2) толкование заголовочного слова; 3) возраст объекта номинации; наличие детализации внешнего описания; свойства личности, приписываемые носителю признака; характеристика интеллекта; наличие/отсутствие усилий для поддержания привлекательного внешнего вида; 4) аксиологическая характеристика анализируемого существительного; 5) иллюстративный материал; 6) прецедентные феномены, связываемые носителями языка с данным существительным.

1. Заголовочная единица приводится в именительном падеже единственного числа с указанием ударения и графически выделяется прописными буквами жирным шрифтом. Рядом с формой единственного числа заголовочного слова приводится указание части речи, помещается помета грамматического рода, указывается окончание родительного падежа единственного числа. Данные грамматические характеристики выделяются курсивом. Далее приводится форма множественного числа с ударением, которая графически выделяется жирным шрифтом. Через знак «точка с запятой» курсивом приводится стилистическая характеристика существительного (если слово не нейтрально по стилистической принадлежности). Например:

КРАСОТКА — сущ., ж. р., -и, красо'ток; разг.

2. Во второй зоне словарной статьи помещается толкование заголовочного слова, которое приводится после знака З: и выделяется курсивом.

З: Хорошенькая, миловидная женщина, девушка

3. В третьей зоне словарной статьи прямым нежирным шрифтом приводится комментарий относительно возраста номинируемого объекта, наличия детализации внешнего облика или его необязательности, приписываемых объекту номинации свойств личности, искусственности или естественности внешнего облика, например:

«Красоткой обычно называют молодую женщину или девушку. Существительное не всегда требует конкретизации внешности, главным оказывается общее впечатление, дается общая эмоциональная оценка, важна речевая ситуация. Чаще та, которую так называют, сочетает в себе положительные внешние и внутренние качества, но может наделяться и отрицательными чертами характера, сочетаясь с прилагательными жесткая, расчетливая, безжалостная, ветреная, легкомысленная. Стереотипное представление: образ красотики связан с понятием моды, стиля, богатства. Красотка, в отличие от красавицы, неестественна, она прилагает определенные усилия, стараясь быть «ухоженной», искусственно создавая красоту».

4. В четвертой зоне словарной статьи приводится аксиологическая характеристика, которая выделяется полужирным курсивом, может иметь слова-сопроводители, указывающие на распространенность коннотации, например:

Часто *отриц. оценка*

5. Зона иллюстративного материала включает примеры использования существительного. Иллюстративные контексты выделяются курсивом, а описываемое существительное — жирным курсивом. Например:

С обложки каждого журнала улыбается стройная **красотка** или атлетического сложения мужчина — «Сбросьте 25 фунтов за один месяц!» [Н. В. Карпова. Письмо из Америки об американской кухне (1999)].

6. Зона прецедентных феноменов, включающих описываемое существительное, факультативна. Если таковые имеются, то они приводятся с абзаца курсивом. Например, в словарной статье на существительное «королева»:

Королева красоты, Королева Марго.

Прецедентные феномены могут быть снабжены иллюстрациями.

Для **прилагательного** выделяются следующие зоны словарной статьи: 1) заголовочное слово с грамматической и стилистической характеристикой; 2) толкование заголовочного слова; 3) комментарий, включающий указание на возраст объекта характеристики, наличие детализации внешнего описания, свойства личности, приписываемые носителю признака; 4) наличие краткой формы прилагательного и выражение степени проявления признака; 5) аксиологическая характеристика анализируемых прилагательных; 6) иллюстративный материал; 7) прецедентные феномены, связываемые с заголовочным словом.

1. Заголовочная единица приводится в именительном падеже единственного числа с указанием ударения и графически выделяется прописными буквами жирным шрифтом. Рядом с формой единственного числа заголовочного слова приводится указание части речи, помещается помета грамматического рода. Грамматическая характеристика выделяется курсивом. Через знак «точка с запятой» также курсивом приводится стилистическая характеристика прилагательного (если слово не нейтрально по стилистической принадлежности). Например:

СМАЗЛИ'ВЫЙ — прил., м. р.; разг.

2. Во второй зоне словарной статьи помещается толкование заголовочного слова, которое приводится после знака З: и выделяется курсивом.

З: *Миловидный, хорошенький*

3. Зона комментария приводится прямым нежирным шрифтом. Например: «Прилагательное *смазливый* в форме женского рода употребляется по отношению к лицам разного возраста, кроме пожилого. В форме мужского рода прилагательное в основном используется в сочетании с существительными, обозначающими наименования лиц юного и молодого возраста. Конкретизация внешности *смазливого* особенно интенсивно наблюдается в форме мужского рода. *Смазливый* является привлекательным для женского пола, при этом его образ не лишен неестественности».

4. Наличие краткой формы и степени выражения интенсивности признака описывается прямым нежирным шрифтом. Краткая форма прилагательного, степени сравнения и наречия-интенсификаторы выделяются курсивом. Например:

Прилагательное имеет краткую форму — *смазлив(-а)*. Интенсивность выражения признака подчеркивается сочетанием с наречиями *очень, почти, довольно, вполне, весьма*.

5. Аксиологическая характеристика может сопровождаться словами-сопроводителями, указывающими на частотность оценки, и приводится жирным курсивом. Например, в словарной статье на прилагательное «смазливый»:

Часто *отриц.*

6. Иллюстративный материал приводится курсивом с выделением жирным курсивом заголовочного слова. Например:

Еще, по слухам, дали в местном Белом доме кабинет актеру Тушкину, смазливому, с ослепительной фальшивой улыбкой пареньку, который будет ездить и задавать из зала вопросы губернатору, представляясь независимым журналистом. Глупейшие вопросы. К тому же народ не любит смазливых» [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002].

7. Зона прецедентных феноменов факультативна. Если таковые имеются, то они приводятся с абзаца курсивом. Например, в словарной статье на прилагательное «милый»:

Строчки из песен: *Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет.* Название произведения: «*Милый друг*» Мопассана.

КРАСА'ВИЦА, суц., ж. р., -ы, краса'виц

З: *Женщина с красивой внешностью*

Возраст женщины может быть любым. Конкретизация внешности допускает широкое варьирование. Обычно та, которую так называют, сочетает красоту и положительные свойства личности, отличается высокой степенью интеллекта. Привлекательный внешний облик красавицы естественен.

Положит. оценка.

А двадцатилетняя красавица, какой была в то время моя бабушка Мария Георгиевна, шутя покорила весь Пятигорск [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]; *Стройная и гордая увядающая красавица прошла под деревьями сквера* [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый мир», № 8 (1976)].

Писаная красавица; спящая красавица; кустодиевская красавица.

КРАСО'ТКА — суц., ж. р., -и, красо'ток; разг.

З: *Хорошенькая, миловидная женщина, девушка*

Красоткой обычно называют молодую женщину или девушку. Существительное не всегда требует конкретизации внешности, главным оказывается общее впечатление, дается общая эмоциональная оценка, важна речевая ситуация. Чаще та, которую так называют, сочетает в себе положительные внешние и внутренние качества, но может наделяться и отрицательными чертами характера, сочетаясь с прилагательными *жесткая, расчетливая, безжалостная, ветреная, легко-мысленная*. Стереотипное представление: образ *красотки* связан с понятием моды, стиля, богатства. *Красотка*, в отличие от *красавицы*, неестественна, она прилагает определенные усилия, стараясь быть «ухаживаемой», искусственно создавая красоту.

Часто *отриц. оценка*

С обложки каждого журнала улыбается стройная *красотка* или атлетического сложения мужчина — «Сбросьте 25 фунтов за один месяц!» [Н. В. Карпова. Письмо из Америки об американской кухне (1999)].

КРАСИ'ВЫЙ, прил., м. р.

З: Приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий, имеющий привлекательные черты лица, отличающийся стройностью и изяществом движений.

Прилагательное употребляется по отношению к лицам любого возраста. Конкретизация внешности допускает широкое варьирование. Обычно человек имеет оцениваемую прилагательным внешность от рождения.

Прилагательное имеет краткую форму — *красив(-а)*. Интенсивность выражения признака подчеркивается формами степени сравнения — *красивее, более красивый, самый(-ая) красивая* и сочетанием с наречиями *очень, довольно, обворожительно (красивый), ослепительно, невозможно (красивая)*.

Положит. оценка.

Я достала альбом, смотрела фотографии. Какой Павел был мальчишкой красивый — глаза большие, взгляд серьезный, задумчивый. Ему бы в артисты. А он какую тяжелую жизнь прожил [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый мир», № 1–2, 2001].

Строчки из песен: *Зачем вы, девушки, красивых любите?*; строчка из песни: *А ну, красивая, поехали кататься...*

СМАЗЛИ'ВЫЙ — прил., м. р.; разг.

З: *Миловидный, хорошенький*

Прилагательное *смазливый* в форме женского рода употребляется по отношению к лицам разного возраста, кроме пожилого. В форме мужского рода прилагательное в основном используется в сочетании

с существительными, обозначающими наименования лиц юного и молодого возраста. Конкретизация внешности *смазливого* особенно интенсивно наблюдается в форме мужского рода. *Смазливый* является привлекательным для женского пола, при этом его образ не лишен неестественности.

Прилагательное имеет краткую форму — *смазлив(-а)*. Интенсивность выражения признака подчеркивается сочетанием с наречиями *очень, почти, довольно, вполне, весьма*.

Часто *отриц.*

Еще, по слухам, дали в местном Белом доме кабинет актеру Тушкину, смазливому, с ослепительной фальшивой улыбкой пареньку, который будет ездить и задавать из зала вопросы губернатору, представляясь независимым журналистом. Глупейшие вопросы. К тому же народ не любит смазливых» [Роман Солнцев. Полуразпад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002].

ПРИВЛЕКА'ТЕЛЬНЫЙ, прил., м. р.

З: *Располагающий к себе, возбуждающий симпатию своим внешним видом*

Прилагательное употребляется по отношению к лицам разного возраста, кроме пожилого. Конкретизация внешности не важна. Более важной оказывается общая оценочность прилагательного. Образ *привлекательного* человека может создаваться за счет сексуальной привлекательности.

Прилагательное имеет краткую форму — *привлекателен, привлекательна*. Интенсивность выражения признака подчеркивается формами степени сравнения — *самый привлекательный(-ая)* и сочетанием с наречиями *очень, вполне, весьма, внешне, неотразимо, достаточно, чертовски*.

Положит. оценка

Дизи была очень привлекательная девушка [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)]; *Смугленькая, глаза большие, карие. Брови тоненькими дугами, не иначе выщипывает. И губки пухленькие. В общем, хорошенькая дамочка не старше тридцати, подвел Олег итог. Не королева красоты, но привлекательная* [Виктор Мясников. Водка (2000)].

Название фильма: «Самая обаятельная и привлекательная».

Литература

Ермакова М. А. Лексико-тематическая группа явлений природы (лингвокультурологический и лексикографический аспекты). Выпускная квалификационная работа бакалавра филологии. — СПб.: СПбГУ, 2010.

Мильбрет А. А. Принципы описания русских лексических единиц со значением общей оценки внешности человека в лингвокультурологическом словаре. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. — СПб.: СПбГУ, 2011.

Рекомендуемая дополнительная литература по курсу

Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. — М., 2008. — 272 с.

Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М., 2007. — 512 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. — М., 2008. — 656 с.

Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. — М., 2007. — 520 с.

Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М., 2007. — 288 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. — М., 2008. — 340 с.

Иванова Е. В. Концепт — цель и средство когнитивного анализа // XLI Международная филологическая конференция. 26–31 марта 2012 года. Избранные труды. — СПб., 2013. — С. 71–75.

Карасик В. И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт // Концептуальное пространство языка: сб. научных трудов / Под ред. Е. С. Кубряковой. — Тамбов, 2005. — С. 184–203.

Квон Ён. Совершенствование лингвокультурной компетенции корейских учащихся при обучении русскому обращению. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2008. — 17 с.

Колесов В. В. Концептология. Конспект лекций, читанных в сентябре — декабре 2010 года. — СПб, 2012. — 168 с.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2007. — 640 с.

Куралева И. Р. Категория посессивности как фрагмент русской языковой картины мира (конструкция *у кого есть что*). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007. — 24 с.

Лендваи Э. Диалог культур: говорящие поступки, коммуникативные неудачи // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Вестник российского культурного центра венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. — Будапешт, 2007. — № 21.

Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. — М., 2008. — 176 с.

Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М., 2004. — 319 с.

Стернин И. А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: Сб. научных трудов / Под ред. Е. С. Кубряковой. — Тамбов, 2005. — С. 257–282.

Е. И. Зиновьева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Учебник

Корректор *Г. А. Лисина*

Оригинал-макет *О. В. Пугачева*

Дизайн обложки ?????????

Подписано в печать 00.00.2016
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 0,0
Тираж 150 экз. Заказ № 688

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23